

Игорь Беляев

Такая жизнь...

*Я уже не могу
сказать, кто кого
выбрал –
я телевидение
или телевидение
меня.*

У. Беляев

ФГОУ ДПО «ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ
ТЕЛЕВИДЕНИЯ И РАДИОВЕЩАНИЯ»

Игорь Беляев

ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

*Книга выпущена
при финансовой поддержке
Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям РФ
в рамках программы
«Культура России»*

Москва-2011

Игорь Беляев

Такая жизнь... – Монография. – М.: ФГОУ ДПО
ИПК работников ТВ и РВ, 2011. – 424 с., 145 илл.

Наверное, многие никогда не встречались с подобной книгой. Это исповедь известного документалиста, который проработал на телевидении более полувека. Менялись законы, исчезали целые эпохи, автор продолжал делать свои фильмы, стараясь запечатлеть современников и правдиво нарисовать свое время. Теперь вам представляется своеобразный отчет, сделанный в разных форматах телевидения. Литературные сценарии, записные книжки, монтажные листы, теоретические статьи, пьесы и повести. В этой мешанине ясно проглядывает и портрет автора, и дух времени. А главное – подлинная история телевидения.

ISBN 958-5-902899-07-5

© Беляев И.К., 2011
© ФГОУ ДПО «ИПК
работников ТВ и РВ», 2011

ISBN 958-5-902899-07-5

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Пути Господни неисповедимы...
Народная мудрость

Уворот Истории на страже всегда дежурит современник. Может быть, в общем это и верно. Но лично я рано почувствовал себя вне времени и пространства. Такой дискомфорт переживался мной болезненно и долго. Отчасти это получилось из-за той среды, в которой уродился, а может быть, из-за времени, в котором жил. Я довольно долго искал себя, пока не обнаружил, что из состояния «невесомости» меня выводят документальные картины, которые я стал делать на телевидении. Вот почему режиссура для меня это не профессия, а способ существования.

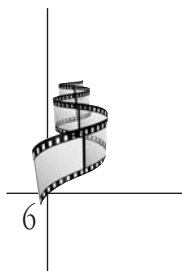
Для документалиста есть один толковый инструмент для работы. Это он сам. Со своей печенкой, селезенкой, мозжечком и сердцем. И только одна точка отсчета, на которую он может положиться с полным основанием. Это его личная жизнь.

Со стороны кажется, что он изображает мир по-сторонний. На деле, хотя судьба, конечно, играет

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

с человеком, но каждый сам находит свое кино. Вдруг оказывается, что время и человек на каком-то повороте совпали. И поэтому получилась картина. И выстроилась жизнь. Разве не так?

Я уже не могу сказать, кто кого выбрал – я телевидение или телевидение меня. Одни думают, что главную роль играет Его Величество Случай. Другие кивают на небесное предписание. Сегодня думаешь, что История шлепает сама по себе, а ты – сам по себе. А завтра понимаешь, что ничего случайного не бывает. Любопытно вспомнить, как все складывалось на самом деле. Вдруг кому-то твой опыт и пригодится. Хотя чужой урок – опасная штука.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ

Я пришел на телевидение, можно сказать, с горя. Это была постсталинская и дохрущевская, смутная, но короткая пора, и мало кому пришла охота рассказать об этом времени всерьез. Ну и правильно. Жили себе люди, как могли... Даже не подозревая, что мы – целое новое послевоенное поколение.

Вообще с юностью мне как-то не повезло. После школы на первом курсе МГУ я запоем проглотил всего Ленина, а Сталина читал с трудом. Уж очень примитивно излагал дядечка. Я считал, что оба вождя не разбирались в жизни. Такого же мнения придерживался, по-моему, и Миша Горбачев, который учился на курс моложе. С классиками он тоже спорил.

На семинарах меня за это драли «по-черному». А уму-разуму учил бывший муж моей тетки Виктор Ардов. Писатель он был никакой, но мужик явно не глупый и добрый. Большой друг Анны Ахматовой.

Ардов как-то весело матерился и делил человечество на две неравные части – жрецы и быдло. Первые

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

все знают, но молчат. Когда совсем не вмоготу, дерут какую-нибудь «рыбку». Это способствует и прочищает мозги. Можно прожить, конечно, и «быдлом», но для этого надо напрочь свинтить голову. Выбрать нужно раз и навсегда...

Напуганная властью родня (ведь и после войны сажали за анекдоты) Ардова боготворила и думала, что мудрые поучения писателя меня спасут.

Я категорически не соглашался с богемным взглядом. Был более советский, чем сама советская власть, и всех уличал в «мещанстве и карьеризме». Стихи писал под Маяковского:

*Вам,
читающим мелочь мыслей.
Вам,
спокойным от равнодушия.
Сердца глухим,
и чувством нищим,
Пою сегодня гимн, от удушья!
Не зная страсти,
бури-плесканья.
Уже в восемнадцать,
мечтая о пуговице,
Вам ли понять, океаны страдания,
Плещущим жизнь в дождевой лужице.
А если с сердца
кожа содрана?
Навыкате бьется
огромный комок?
А если к нему
голова подобрана?
И мысль бурлит, как с горы поток?
Тогда иль умри, пораженный плесенью,*

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПРЕДЫСТОРИЯ

*Похорони себя живой!
Морскую воду сделай пресною.
Или в стихи окунься с головой...
Хотел бы я взять,
ну, как ее – ЭТУ?
Сердце за горло! И в форточку выкинуть.
Как самую из всех фальшивую монету!
Но нет на это сил, и воли нету...*

Воднокурсницу влюбился по уши, но был отвергнут.
После университета я попросился куда подальше
от Москвы. Допекли показуха и фарисейство. Мне хо-
телось настоящей жизни. Диплом свой написал

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

о Фурье, где доказывал, что утопист вернее угадал будущее, чем материалист Маркс.

Родной дядька качал головой и говорил на Ярославском перроне: советская власть есть везде. Он оказался прав.

Я забрался в Переяславку, это за Хабаровском, в сторону Владивостока километров сто. Жить с супругой (а я уже успел жениться на однокурснице) пришлось прямо в кабинете следователя. Раскладушки привезли из Москвы.

Жрать там было нечего совершенно. На полках в магазине – бутылки с чистым спиртом, иногда выбрасывали кильку в томате. Но советская власть была крепкая. Всюду и всегда. В тамбуре прокуратуры стояла бочка с капустой – раздобыл на зиму, пользуясь служебным положением. Вермут и кой-какую снедь добывали в вагоне-ресторане поезда, который в семь вечера, раз в три дня делал короткую остановку на станции Верино. Так что было весело. Помереть не дали.

Первое мое дело было об «убиенной свинье». Живой вес скотины составлял 300 кг. В столовую поступило 80. Надо было прижучить директора. А мне стало жалко мужика. Прокурор, избраненный фронтовик, сказал, что следователь из меня никогда не получится.

– Злобы в тебе нет! – шурился Рябинин.

И это была правда. Все подследственные у меня вызвали скорее сочувствие. Рыбаки-браконьеры, палаточные торговки, вербованные вальки... Народ воровал с голодухи. Первое послевоенное время вся

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПРЕДЫСТОРИЯ

провинция еле волочила ноги. Только столица как-то пританцовывала.

Проработав некоторое время народным следователем, я кинулся в хабаровский Краевой театр имени Ленинского комсомола, где меня с удовольствием взяли на должность актера второй категории – так записано в трудовой книжке. Подъемные прокуратуре пришлось вернуть.

Еще в университете я прикидывал для себя театральную стезю.

Окончил параллельно режиссерские курсы в Щукинском училище у самого Захавы. Играл два года на сцене Рабочего театра, которым руководил Евгений Симонов и где подрабатывала вся самая талантливая вахтанговская молодежь – Ульянов, Шлезингер, Этущ, Смоленский.

Симонов поручил мне роль Бобчинского, когда ставил гоголевского «Ревизора». И всегда очень смеялся, когда я выпадал на сцену в первом действии.

Позднее, отдавая долг своим учителям, я сделаю большой фильм «Приглашение к празднику» – о вахтанговском направлении в искусстве. Но в хабаровском театре, играя в сказке разбойника, я не нашел своего счастья. Мне хотелось большого искусства, а там скучно халтурили. Короче говоря, через полгода пришел к печальному выводу: надо возвращаться в Москву и начинать жизнь заново.

Хочу признаться, что амбиции у меня были «наполеоновские».

В восемнадцать лет я написал инсценировку «Саги о Форсайтах» Голсуорси и предложил ее самому

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Товстоногову. Сочинил кучу стихов про любовь. И даже поставил «Баню» Маяковского еще на студенческой сцене клуба МГУ – первым после Мейерхольда. «Баня» была под запретом в те годы, а нам хотелось нанести «смертельный» удар по бюрократизму. Мне и моим сокурсникам казалось, что спектакль получился конгениальным. Победоносиков играл весь спектакль на пьедестале посреди сцены, время от времени замирая в позе вождя. И только в конце гигантский портрет Маяковского, падая с колосников, сшибал на землю его фигурку во френче. Представляете? В сталинские последние годы!

За эту постановку меня чуть было не исключили из университета, но девчонки с факультета отбили. Через пару лет легендарный кинорежиссер Юткевич, когда собрался ставить «Баню» в «Сатире», даже попросил меня изложить ему ту самую «экспликацию».

В общем, я чувствовал себя уже большим художником. И очень обиделся, когда по возвращении в Москву меня не взяли ни в театральное училище, ни во ВГИК.

Рошаль на экзамене потребовал от меня «раскадровать» Верхарна. Он был великий эрудит и ненавидел советских «недорослей». Раскадровать французского символиста я не смог, потому что даже не понимал смысла такого задания.

А Юрию Завадскому в ГИТИСЕ на вступительных я читал Маяковского залиvisto и размахивая руками:

*Били копыта,
Пели будто:
– Гриб.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПРЕДЫСТОРИЯ

*Грабь.
Гроб.
Груб –
Ветром опита,
льдам обута,
улица скользила.
Лошадь на круп
Грохнулась...*

Завадский явно скучал. Он терпеть не мог Маяковского. Но это я узнал, к сожалению, слишком поздно.

Для показа труппе Художественного театра я выбрал Гамлета (такой был чудик!). А экзаменовали меня сплошь одни кумиры – Топорков, Станицын, Прудкин, Массальский, Тарасова, Кедров – в общем, весь цвет школы Станиславского.

Я опирался на стул и стонал:

– Быть или не быть, вот в чем вопрос... (Из глаз брызнули настоящие слезы).

Невинный, знаменитый потом мхатовец, поступал вместе со мной и подглядывал с восторгом в щелочку: «Ну, уж тебя возьмут. Первый номер!»

После меня на целых полчаса застопорилось прослушивание новобранцев. Наконец вышел Радомысленский, многолетний директор училища, обнял меня по-отечески и сказал: «Они дружно решили – не быть! Потому что ты уже сложившийся артист, но другой школы».

Пришлось устраиваться помрежем на студию научно-популярных фильмов, где тогда делали «болты в томате» или создавали «нетленку» на темы сельского хозяйства.

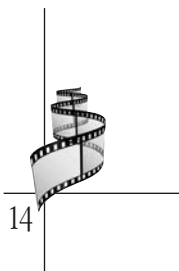
ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Изучая азы кинематографа, приходилось мыть сви-ней, чтобы они прилично играли в кадре. Через два года после кинематографических мытарств я неожида-нно попал на телевидение.

В это время на студию прибывало неудачников. Не-удачных юристов, неудачных актеров, неудачных вос-токоведов, врачей, журналистов, инженеров. Телеви-дение притягивало всех, кому делать было нечего, по-тому что это было новое поприще, а специалистов взять было неоткуда. Почти как теперь.

Если считать образование творческого объедине-ния «Экран» в 1967 году за момент рождения профес-сионального кино на телевидении, то мой рассказ на-чинается за одиннадцать лет до «новой эры».

А историю мне ловчей излагать все-таки на кино-языке, в сценарной форме.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ПО ДОРОГЕ В РАЙ
(ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ПРОЕКТ)

ФИЛЬМ ПЕРВЫЙ

ШАБОЛОВКА, 37

(Ворота. Первый корпус. Шуховская башня. Вкрапления архивной кинохроники.)

Год 1956-й. Всего три года назад, в марте, умер Сталин, на горизонте уже маячит хрущевская оттепель. Жизнь быстро менялась.

Нет, мы не перестали пугать и пугаться. Но стали больше смеяться.

«От великого до смешного – один шаг», – острил Наполеон на острове Святой Елены.

Из первых анекдотов того времени: нельзя перепрыгнуть пропасть в два шага. За анекдоты больше не сажали. Чуть позже героями анекдотов стали Чапай и Петька. Почему притопали к нам из Гражданской войны? Может, потому же и в наше время Юрий Лужков напялил Ленинскую кепку. Время проходит, а символы остаются.

Я стою у проходной Центральной студии телевидения...

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Работаю на Научпопе (студия научно-популярных фильмов) помрежем, а сюда меня позвал однокурсник по МГУ Юра Зерчанинов. Он – не «хухры-мухры», а настоящий редактор спортивных передач. Под ним ходят в эфир всенародные любимцы Николай Озеров и Вадим Синявский.

Мы учились с Михаилом Горбачевым. То гордимся, то стесняемся этого родства. Придет время, и я сделаю на телевидении фильм о первом Президенте. (Кадр встречи автора с Михаилом Горбачевым в Кремле из фильма «Наш Горбачев»).

По иронии судьбы этот фильм я тоже делал здесь, на Шаболовке. Но уже в новом тысячелетии.

Тогда телевидение еще в детской колясочке катается по Шаболовке. Конечно, черно-белое. И вещает не каждый день и всего по несколько часов. А смотреть его можно на крохотном экране КВНа.

Экран размером в пачку папирос. Новые поколения не представляют себе не только наш старенький КВН. Они в глаза не видели и пачки папирос: «Беломор», «Казбек» – для них пустые величины. Зато и мы никогда не слышали про «ноутбуки» и «плееры».

Мы плохо понимаем друг друга. А жаль! Впрочем, телевидение и есть машина времени. Поехали!

Своего кино у телеглаза пока нет. Но всем очень хочется. И Юра Зерчанинов позвал меня как крупного «специалиста». На самом деле я проработал в кино только год и пока мало что разумею. Вот сейчас вынесут пропуск, и начнется моя киноэпопея.

Я еще этого, конечно, не знаю. Просто дрожу мелкой дрожью на проходной и думаю, что там, за

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПО ДОРОГЕ В РАЙ

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

воротами, не жизнь, а сказка. Райские кущи. В проходной милиции нет. Не доросли еще. Стоит на входе такой «вохровец» с роскошными усами и наганом в большой кобуре. Вылитый Чапай...

Открываю дверь ...делаю маленький шаг и ...возвращаюсь на пятьдесят лет назад.

Пятьдесят лет, а сирень все та же... Кажется, только что здесь прошла наша муза – Валентина Леонтьева.

Неподражаемо тонкий аромат духов. Она не москвичка. Она типичная ленинградка...

Неудачливая актриса попробовала себя в Тамбовском драмтеатре и переехала в Москву. Муж устроился на радио режиссером. А Валя Леонтьева – помрежем на телевидении. Они живут на Мещанской. Но это я узнал чуть позже. Когда познакомился и, конечно, влюбился без памяти...

Диктор Хлебников замечательно оговорился в эфире. Вместо «три поколения ленинцев» он сказал три поколения «ленинцев». Остановился, взгляделся в текст и повторил:

– Три поколения ленинцев...

Черная «волга» тут же увезла его на Лубянку. А диктором новостей на десятилетия стал помреж Игорь Кириллов...

СТУДИЯ

Рассказать о первых шагах на телевидении я еще успею. А начать свою историю я хотел бы с маленького семейного события, которое случилось во время войны. В 1942 году. В эвакуации.

ОРЕНБУРГ

Мы жили тогда здесь, на главной улице города Чкалова – Советской. Это потом, через много лет, Чкалов переименуют в дореволюционный Оренбург.

Вон там, на третьем этаже, и сейчас наш балкон.

Однажды к нам пожаловала Хроника. В те времена даже посмотреть, как снимается кино, было событием. А тут предстояло самим сниматься.

Дело в том, что во время войны началось замечательное движение «Помощь фронту». Вот и наша семья купила ватники, носки, валенки и прочее солдатское обмундирование. Мы собирались уже отнести посылку на почту, как вдруг мой дядька пришел из театра и заявил, что нас приедут «снимать».

И вот в один прекрасный день прибыла целая команда. Притащили огромные лампы в эту квартиру, и режиссер стал творить свои «чудеса».

Мы жарились несколько часов. Все, что с нами случилось, – «ты не поверишь», если бы не сохранилась пленка того сюжета. Вот эти замечательные кадры...

(Просмотр сюжета).

Режиссер был «дока». Он сразу распределил роли. Бабушка села на диван и принялась штопать. До этого, как мне кажется, она никогда не держала в руках иголку. Тетя Маша начала гладить «подарки». Нечего и говорить, что примадонна в театре никогда ничего не гладила сама. Дядя Павлуша, главный режиссер драмтеатра, полез на шкаф

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

за валенками, которые там никогда не лежали, а я стал драить сапожной щеткой эти валенки. Цирк! Можете посмотреть медленно еще раз этот сюжет. Просто сказка!

Надо сказать, что после тех съемок я решил: документальное кино – показуха и неправда. И это оттолкнуло меня от кино на много лет. Только после разных мытарств я понял, что появление Хроники в нашем доме – добрый знак судьбы.

Кстати, через шестьдесят лет я использовал тот сюжет в фильме о Ростроповиче.

СТУДИЯ

Моя бывшая ученица, кстати, из Оренбурга – тоже знак судьбы – убедила меня, что пора сделать большой фильм о замечательном музыканте. Уходящая натура!

Я загорелся, но знал, как трудно будет уговорить великого Маэстро. Тогда Ростропович обижался на прессу и никому не давал интервью. Какой-то писака заявил в газете, что музыкант разучился играть на своей виолончели и поэтому подался в дирижеры. Ужас! Кошмар!

На дворе лихие девяностые – пиши что хочешь.

«Буревестник» Ростропович обиделся.

Так что я сильно сомневался, что мне удастся когда-нибудь сделать этот фильм. И вдруг – вечерний звонок.

Моя ученица радостно сообщает, что завтра утром Мстислав Леопольдович ждет нас у себя на даче.

ЖУКОВКА

И вот мы здесь. Необыкновенный дворец Ростроповича и Вишневецкой. Рядом деревянный домик, где хозяева прятали от советской власти Солженицына. За что и заплатились – на семнадцать лет.

Злые языки шутили: Ростропович нашел себе бесплатного сторожа.

А у великого писателя именно здесь начинался великий роман. Замечательная история сама по себе.

В самом конце горбачевской перестройки мне удалось убедить председателя Гостелерадио сделать первую картину о Солженицыне. Собрал группу, в архивах КГБ нашел дело «ссылного» Солженицына. Решили написать сценарий по книге «Бодался теленок с дубом». Егор Яковлев (на короткое время при Горбачеве председатель Гостелерадио) отправил письмо в Вермонт.

Александр Исаевич отреагировал быстро: сниматься согласен. Режиссером будет Станислав Говорухин. Так бывает в кино часто: сеет один, а урожай собирает другой.

Мой оператор Юра Прокофьев поехал в Америку, а я остался «с носом».

Счастливчик Станислав Говорухин снял хороший репортаж из Вермонта, а «Бодался теленок с дубом» так и остался только на бумаге.

Итак, я в Жуковке. Ростропович встретил нас радушно, прямо здесь, во дворе. И сразу поинтересовался, где наша аппаратура (!).

Я сказал, что работать сегодня мы не собираемся.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Я приехал только договориться о съемках будущего фильма.

– Это исключено, – сразу заявил Маэстро. Побежал куда-то и принес тетрадь, где у него был расписан каждый час на два года вперед.

Тут я выложил на стол все свои козыри.

Ведь мы жили в Чкалове в одно и то же время. Любили одни и те же спектакли в драмтеатре. Знали актеров – Куликовского, Олега, Агеева, Некрасову... И, наконец, музыке в эвакуации меня учила его мама. Зимой я ходил к ней на Зименку. Теперь там музей Леопольда и Мстислава Ростроповичей. Открывался под прицелом нашей кинокамеры. Это потом...

А сейчас Мстислав Леопольдович растрогался, хлопнул своей тетрадкой по этому столу и сказал озорно:

– Я отменю два концерта, и мы сможем на пару дней в Оренбург...

Через месяц мы начали снимать картину «Подсолнух»...

(Отрывок из фильма).

На съемках мы побратались особым образом.

Мстислав Леопольдович захотел, чтобы я называл его просто Слава. И перешел на «ты». Я, конечно, сказал, что не могу решиться на такое панибратство.

Тогда он наклонился и произнес, картавя, «страшные» слова. Тут же потребовал, чтобы и я сказал это великое русское заклинание ему на ухо. Говорят, эта идиома прилипла к нашему языку после татарского нашествия и намекает на близкое родство.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПО ДОРОГЕ В РАЙ

Личные взаимоотношения всегда светятся на экране. За три дня мы успели снять большую картину.

Сейчас самое время увидеть несколько эпизодов из фильма «Подсолнух». Смотрите, как пригодились моя «хроника» и как замечательно об этом времени рассказал сам Ростропович.

(Отрывок из фильма).

ДОМА

Спустя какое-то время после премьеры по телевидению раздался телефонный звонок. Я уж не знаю, откуда он звонил – из Токио или из Парижа:

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

– Игорь! Ты меня слышишь? Это Слава...
Какой Слава, я сообразил не сразу. Помогла его необыкновенная интонация.
– Ты сделал хороший фильм. Даже очень. Мне понравилось...
Для меня это была самая высокая награда.
Но вернемся к началу...

ФИЛЬМ ВТОРОЙ

ВЕЧЕР ВЕСЕЛЫХ ВОПРОСОВ

– На чем мы остановились? На проходной... Да, все именно так и было.

Я прошел через эту проходную и думал, что попал в сказку.

Мне безумно хотелось сразу делать «большое» кино. Пусть даже на маленьком экране.

Юра Зерчанинов не смог меня проводить к начальству, потому что умчался на какой-то стадион готовить очередную передачу. И я отправился в путешествие по коридорам Шаболовки один.

...Вот я иду по второму этажу, оглядывая таблички, и открываю, конечно, не ту дверь.

За столом сидел, как мне показалось, настоящий «английский денди».

С шелковым шарфиком на шее.

– Простите, я могу увидеть Алексева?

Джентльмен окинул меня презрительным взглядом и спокойно сказал:

– Мальчик, закрой дверь с другой стороны.

Начало было безрадостным.

Так я впервые встретил Александра Юровского. Легендарного телевизионщика, первого профессора на кафедре телевидения МГУ. Автора знаменитой картины «Операция Трест». Потом-то мы подружились. Но я у него так и не спросил, был ли он сыном того самого Юровского, который расстрелял в Екатеринбургe последнего императора Николая. В наше время вспоминать предков было как-то неприлично. Мало ли что натворили они в свое время! Это теперь все ищут родственников в истории или за границей. В интернете можно найти все! Мы носились с формулой товарища Сталина: «сын за отца не отвечает». Хотя некоторые еще как ответили...

«Мальчик, закрой дверь с той стороны...»

Я покраснел и вышел в коридор.

Мимо промчалась какая-то девица в кудряшках и с картонками под мышкой. Позже я узнал, что это титры передач, которые выставляет помощник режиссера прямо в эфире. А девицу зовут Света Тразанова. Веселый человек! Цыганка. Для нее студия заменила табор. Шептались, что у Светы был сынишка от великого Леонова. Сама она о своей жизни ничего не рассказывала. Да, по-моему, у нее вся жизнь была здесь, на телевидении.

– Не скажете, где я могу увидеть Алексева?

– Идите за мной. Не отставайте!

И мы побежали. Тогда на телевидении не ходили, а летали. Потому что всегда и всюду опаздывали... Передачи назначались на одно время, а шли в другое.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Никто в Москве этому не удивлялся. Для тогдашнего телевидения «неожиданность» была нормой.

Через несколько секунд мы влетели в большую комнату, по которой расхаживал голубоглазый черноволосый красавец-мужчина.

Это и был Азарий Алексеев, ответственный редактор спортивной редакции. Ответственный! Слово-то какое замечательное. Скоро я пойму, что это не случайно. Тогда на студии работали только великие энтузиасты и до безобразия ответственные люди.

Азарий Аронович встретил меня не так, как Юровский. Протянул руку и сходу предложил участвовать в тележурнале «Физкультура и спорт».

– Можешь снять кино?

– Могу, – сказал я «ничтоже сумняшися».

– Вот и ладушки... А что такое «манты» – знаешь?

Через несколько дней мы отпраздновали мое поступление на телевидение в ресторане «Узбекистан», на углу Трубной площади. «Манты», оказывается, это большие пельмени в остром бараньем бульоне.

– Если ты попробовал манты, уже не зря родился, – разглагольствовал Азарий. Куда только не бросала его судьба после телевидения. То на стройку, то в Дом кино. Как-то в «крутые» годы я встретил его на Арбате, у поликлиники.

Я привык, что у него всегда загорелое лицо. Тут оно показалось мне каким-то желтым. И глаза не сверкали.

– Ничего страшного. Все будет хорошо. Ну, как на студии? – к моему изумлению спросил он. Азарий так и остался оптимистом, до конца преданным телевидению. Хотя оно грубо выбросило его на улицу. Я теперь

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПО ДОРОГЕ В РАЙ

думаю, что от телевидения уйти нельзя. Это не работа, это какая-то зараза, которой заболеваешь навсегда. И еще – телевидение выдумали и построили оптимисты. Во всяком случае, у нас на Шаболовке.

Однажды во время трансляции вылетел передатчик. Инженер, кажется, его звали Норкин, засучив рукава, кинулся под пол что-то чинить в этой адской машине. Не отключив напряжение. Мы стояли и молча смотрели. Его могло убить, но об этом никто не думал. Главное, чтобы шла передача... Моя «Шура Забелина против д'Артаньяна».

«Если ты попробовал «манты», уже не зря родился».

Итак, я стал «внештатным автором». К великому сожалению, никакого документа при этом не выдали. И каждый раз, выезжая на съемки, я должен был сочинять специальное письмо. Правда, эти поручительства ответственный редактор подписывал без разговоров.

Через несколько дней на рассвете я стоял здесь, в Лужниках, с Димой Гасюком.

Он работал тогда на Лесной, ассистентом оператора. От отца ему досталась фронтальная ручная камера «аймо». Пленку он «сэкономил» на каком-то научно-популярном фильме.

Мы снимали строительство стадиона, не подозревая, что в то утро открываем новую страницу не только своей биографии, но и жизни всего телевидения. Началась эпоха телевизионного кино.

(Строительство Лужников – архив).

Мы проявили и напечатали позитив на Научпопе «за бутылку». Смонтировали там же. Я написал текст, а диктор прочитал его из студии прямо во время

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

передачи. Звукорежиссер метался между тремя слоноподобными магнитофонами и выдавал музыку «под картинку».

Вообще-то, наше телевидение родилось в тридцатые годы. Но это были скорее научные эксперименты.

А реальное телевидение началось после войны. В одном из своих фильмов я как раз использовал киносюжет из хроники 1946 года...

(«Летопись полувека. Мирное время»).

Когда я пришел на Шаболовку в 1956-м, здесь мало что изменилось за десять лет.

Я работал по-прежнему на Лесной, на студии научно-популярных фильмов, а здесь подрабатывал.

Тогда никто к телевидению серьезно не относился. Из кино бегали «халтурить» во время простоя. Даже на самом верху до поры до времени на телевидение смотрели сквозь пальцы. И особой цензуры-то не было. Радио с картинками делали первопроходцы на свой страх и риск.

(Первая монтажная на Шаболовке. Строчит мувиола. Комнатка завалена до потолка киноплёнкой.)

Домик цел до сих пор.

Однажды нам поручили подготовить передачу о Корейской войне 1949 года. Мы получили с ЦСДФ какие-то фильмы. Хроника снабжала телевидение бесплатно. Мы с Юрой уселись в этом домике перед монтажной мувиолой. Стали отсматривать. Юра спускал пленку прямо на пол. Заказ был срочный, «к дате», как тогда говорили. Заходит Ирина Бакулина из ки-

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПО ДОРОГЕ В РАЙ

норедации и видит, как Юра утаптывает ногами непослушную пленку.

Бакулина: Юра, что вы делаете?

Зерчанинов: Я монтирую. (Хорошо бы показать эту мувиолу в действии!)

Бакулина: А я, дура, до сих пор думала, что монтируют руками...

Телевидение еще не умело ни снимать, ни монтировать. Умело только мечтать о своем кино.

Целый год я делал в журнал «Физкультура и спорт» странички и стал большим знатоком «низовых» спортивных коллективов.

Этапным событием стал для телевидения Всемирный фестиваль молодежи. Ради фестиваля закупили аппаратуру. Пришел первый отряд профессиональных операторов прямо из ВГИКа. История пошла вприпрыжку.

Вот тогда-то директор телестудии Владимир Спиридонович Осьминин и пригласил меня в штат старшим редактором. Мой друг Юра Зерчанинов к тому моменту рассорился с Азарием Алексеевым и перешел в «Комсомолку». А меня взяли на его место.

У меня завелась, наконец, «ксива» – удостоверение личности, чем я страшно гордился.

Без бумажки – ты букашка,

А с бумажкой – человек... – была такая песенка.

Теперь я мог спокойно открывать любую дверь.

(Мое удостоверение личности).

За день до открытия фестиваля зампред Комитета по радиовещанию и телевидению при СМ СССР Сте-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

панов обратился к нам с речью. А вся тогдашняя Центральная студия телевидения уместилась в холле первого здания. Вот здесь.

– Засеките побольше кадров, а там разберемся, – заявил нам большой начальник и великий знаток телевидения и радиовещания.

– Не бойтесь делать ошибки. Не ошибается только тот, кто ничего не делает, – наставлял нас Осьминин, смелый и веселый начальник. Этот лозунг будет стоить ему карьеры. Совсем скоро.

А на телевидении его вспоминали с благодарностью. Ну теперь уже никого не вспоминают. Люди ушли, папки и передачи сгорели. История провалилась в тартарары. Перестройка–новостройка–модернизация! «Быть или не быть» – уже не вопрос...

Параллельно с фестивалем шли Третьи студенческие игры. Я отвечал за весь спорт.

Вот какая забавная штука, эта жизнь! Я никогда не увлекался спортом, не знал и не понимал его. И вдруг пришлось. Зигзаг судьбы не обошелся без анекдотов. Но об этом чуточку позже.

А дальше вообще началась потрясающая история первого международного проекта. Наши автор и режиссер должны были отправиться в Англию, чтобы снимать там с помощью английских операторов все, что заблагорассудится: «Англия глазами СССР». Владимир Осьминин и Леонид Кристи, один из лучших тогда режиссеров ЦСДФ, уехали за границу.

А мы должны были принять англичан. Через месяц к нам пожаловали продюсер госпожа Донкастер

и режиссер Майкл Ингрэмс снимать фильм «СССР глазами англичан» («СССР сегодня» – эфирное название).

Началось всё с роскошного банкета по случаю прилета иностранцев.

За огромный стол в гостиничном ресторане уселась наша телевизионная братия, которая никогда не участвовала в подобных мероприятиях. За исключением ответственного редактора Лени Золотаревского, который возглавлял команду. Он до этого путешествовал в качестве переводчика со звездой индийского кино Раджем Капуром. Для него шесть тарелочек и столько же вилочек не представляли особой сложности.

Когда наш директор картины Фима Голынский стал намазывать на свежий огурец черную икру к великому изумлению госпожи Донкастер, Леня сказал невозмутимо на хорошем английском:

– У нас, русских, так принято.

Не знаю, поверила ли госпожа Золотаревскому, но тут же последовала рецепту одессита Голынского.

Я с икрой распорядился тоже не лучшим образом. Золотаревский свирепо прошептал мне в ухо:

– Какого хрена ты накладываешь икру в пепельницу?

На следующий день на двух «зисах» мы отправились в путешествие по стране. Машины были тяжелые, а груз ценный. И хотя на трассе было свободно (не так, как сейчас), мы шли со скоростью не больше шестидесяти. И Донкастер не раз порывалась сама сесть за руль.

Но никто не разрешил. А когда добрались, наконец, до Харькова, она закатила Золотаревскому скандал. В результате на следующий день спецрейсом вся группа

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

улетела на Кавказ, а меня и Володю Гусева, второго оператора (главным оператором был Левитан, тоже с ЦСДФ), оставили в Харькове на один день, чтобы выполнить задание Ингрэмса.

А задание было немудреное: служба в храме, парочка разрушенных домов и две-три помойки.

(К сожалению, в нашей фильмотеке материал не сохранился. Может быть, в Англии он еще лежит на полке. Они все-таки люди бережливые.)

Мы уже не дети и понимали, что если снимем только то, что хочет Ингрэмс, нас тут же уволят за «политическую близорукость». Все-таки «холодная война» шла и во время хрущевской оттепели. Так что мы должны были успеть за один день снять и «позитивное» лицо советского Харькова.

В храм батюшка наотрез отказался нас пускать, пока не будет разрешения секретаря обкома партии. А было воскресенье!

Наш харьковский администратор каким-то чудом поймал по телефону секретаря на даче. Тот по правительственной связи связался с Москвой и дал священнику «добро». Так мы сняли заутреню.

Мы впервые снимали в храме. Меня поразило тогда, сколько молодых пришло на службу. Потребовалось провести мероприятие.

Для того чтобы смягчить идеологический удар, я передвигал во время службы под камеру исключительно пожилых. Советская молодежь не могла верить в Бога.

На следующее утро мы вылетели на Кавказ, сняв в Харькове на свой страх и риск еще Детскую железную

дорогу. Как-никак – «противовес» службе в церкви. Но наша веселая железная дорога в фильм так и не вошла.

А служба осталась...

Политическую «бдительность» мы проявляли на протяжении всех съемок.

Я не понимал тогда, почему мистер Ингрэмс прежде всего снимает себя на фоне пейзажа. А то, что мы добываем тяжким трудом, – только иллюстрации к его рассказам. Теперь-то я знаю, что это и есть «столовая дорога» телекино. Между прочим, до сих пор...

Мистер Ингрэмс был покладистый малый. Он понимал ситуацию. Впервые иностранцам разрешили у нас снимать все, что они хотят. А вот Донкастер нам мозги проела.

И тогда мы договорились с аксакалами богатого абхазского села...

Устроили роскошное застолье. По обычаю старейший выпил двухлитровый рог. Потом предложили рог гостю. Ингрэмс справился с задачей и устоял на ногах. Донкастер заявила, что тоже хочет исполнить обычай. Выпила рог до дна – и тут же рухнула на землю.

Два дня мы снимали без нее. Она лежала в постели и горько жаловалась: ах, как она ненавидела эту варварскую страну и хотела скорей домой, в добрую старую Англию.

Пока мы гуляли с англичанами по Кавказу, в Москве состоялся «Вечер веселых вопросов». «ВВВ» был предшественником «Клуба веселых и находчивых». Знаменитый композитор и острослов Никита Богословский в своей передаче объявил телезрителям: кто первый придет на Ленинские горы, в клуб

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

МГУ, в зимнем обмундировании, получит приз. На дворе стоял жаркий сентябрь.

И вот, к изумлению милиции, на Ленинском проспекте появились толпы в тулупах и валенках, которые бежали прямо по проезжей части.

Через полчаса толпа «полярников» снесла двери клуба МГУ и кинулась под телекамеры.

Это был, естественно, прямой эфир. Очнувшись, операторы перестали показывать все это безобразие и уткнулись в хрустальные люстры. Москва хохотала.

А на следующий день собрался ЦК КПСС и объявил о политической провокации на телевидении.

С Никиты Богословского, как с гуся вода. А всех причастных к передаче с треском сняли: Азария Алексеева, Сергея Муратова, Наташу Королеву... Помрежей, ассистентов.

При Сталине, наверное, расстреляли бы на месте. А при Хрущеве всех просто уволили. В том числе и директора Осьминина.

Я остался в редакции один, потому что когда народ в валенках бежал по Ленинскому проспекту, я трудился на благо советской пропаганды в Абхазии. Англичане об этом событии так ничего и не узнали. А то был бы веселый эпизодик в нашем фильме. Кстати, многие зарубежные газеты опубликовали те снимки.

Госпожа Донкастер требовала, чтобы мы немедленно отправили весь отснятый материал в Англию. Согласно договору.

Но наши боссы со Старой площади ни за что не хотели выпускать пленку из рук. Выпутываться из этого

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПО ДОРОГЕ В РАЙ

щекотливого положения поручили мне. Я сказал Донкастер, что не могу отправить пленку в Англию.

– Почему? – взревела рыжая фурия.

– Нет кофра, – нашелся я. (Ковфр – это железный ящик для пленки).

Когда переводчица перевела мой ответ, госпожа готова была разорвать меня в клочья. Она шваркнула коробкой об пол и выругалась на непонятном языке.

Переводчица покраснела.

Картину пришлось монтировать Ингрэмсу в Москве. Правда, ему удалось выторговать своего монтажера из Лондона.

В Москве фильм так и не показали. Не знаю, увидели его англичане или нет. Для них он оказался слишком «красным». А для нас – слишком «черным». Игр в «совместное производство» до горбачевской перестройки больше не было. (Хорошо бы все-таки показать фрагмент из того фильма!)

В редакции я остался один и отвечал за весь спорт на телевидении. Для меня это была непосильная ноша. От Ингрэмса и госпожи меня освободили.

Я думаю, что «Вечер веселых вопросов» прикончил оттепель на телевидении.

При Осьминине работалось как-то озорно и весело.

На студию пришел Георгий Александрович Иванов. Он сразу набросился на меня. Я оказался главным путаником телевизионной программы. А Георгий Александрович любил порядок...

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

ФИЛЬМ ТРЕТИЙ

КРАТЧАЙШЕЕ РАССТОЯНИЕ

– Знаете ли вы, товарищ Беляев, где вы работаете? – пашет носом по столу Георгий Александрович и вскидывает голову, испепеляя меня взглядом. Бывший вахтанговский актер прошел суровую школу партаппаратчика и хорошо изображал разгневанное начальство.

Каждое утро я иду не к себе в редакцию, а сюда, в первое здание, где помещается кабинет директора Центральной студии телевидения. И спрашиваю Лилию Павлович, секретаря Иванова:

– Вызывали?

– Вызывали, – сухо говорит Лилия. Она на стороне своего начальника и меня не одобряет.

Я отвечаю чуть ли не за двадцать передач в месяц. И портачу постоянно. Ну как можно указать точную

продолжительность хоккейного матча, если считается только «чистое» время? С футболом еще хуже. У нас допускаются к микрофону только два комментатора – Николай Озеров и Вадим Синявский. Они работают в штате радио. А на радио свое расписание.

Однажды Озеров и Синявский слиняли куда-то за границу, а у меня как раз трансляция футбола из Лужников. Буквально через час.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПО ДОРОГЕ В РАЙ

Ну, прямо хоть сам садись и комментируй. Я же никак не могу запомнить игроков и уследить за мячом из-под самой крыши, где размещается наша кабина.

В этот момент, когда я пригорюнился над «папкой», входит какой-то человек и начинает жаловаться:

– Я комен...Лужников. Мне не заплатили в прошлом месяце...

Я несказанно обрадовался:

– Голубчик! – вскричал я. – А ты можешь через час прокомментировать футбол? Мы заплатим тебе и за вчера, и за сегодня...

Он смотрит на меня как-то ошалело и говорит:

– Ка-а-а-к? Без подготовки?

– Ну зачем тебе подготовка, голубчик, если ты каждый день паришься в Лужниках?

Мужик соглашается. И я вручаю ему право выйти в эфир через час.

В этот момент Юра Зерчанинов заходит в комнату (теперь не я на него, а он на меня работает) и сталкивается в дверях с этим хорошим человеком, которого я только что послал комментировать матч.

– Что здесь делает этот хмырь? – кривится Юра.

Я объясняю, что этот человек только что меня спас, согласился провести матч. Он ведь комментатор Лужников...

– Не комментатор, а комендант Большой арены, старший дворник...

Я понимаю, что на сей раз влип окончательно. Пытаюсь догнать новоиспеченного комментатора во дворе. Куда там! Его и след простыл. Хватаю такси и мчусь в Лужники.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Пока я добираюсь до кабины пешком на самую верхотуру, матч уже начинается.

По правилам комментаторская кабина запирается изнутри, а звукорежиссер сидит в соседней комнате и общается с комментатором через стекло.

Я влетаю в комнату звукорежиссера и вижу, что мой «дворник» во всю разглагольствует уже в эфире. Я делаю знаки, мол, закругляйся. А он мне знаками тоже передает: все в порядке.

Я понимаю, что «старший дворник» решил, что это его звездный час, о котором он мечтал, может, всю жизнь, и выковырять его из кабины не удастся.

Несколько минут ушло на философские размышления. Даю команду звукорежиссеру:

– Вырубай звук!

Тот посмотрел на меня растерянно, потом все-таки убрал звук. «Дворник» сидел в кабине, размахивал руками, что-то доказывая человечеству. Но теперь в эфир шел матч без комментария...

Буквально на следующий день редакция была завалена письмами. Оказывается, как хорошо мы придумали, что дали посмотреть игру без надоедливового комментария.

Вадим Синявский действительно гениально работал на радио, а на телевидении забывал, что его контролирует картинка.

И таких «ляпов» у меня было много. Поэтому я шел каждое утро не к себе, а в кабинет директора.

– Знаете ли вы, товарищ Беляев, где вы работаете?

– Знаю, на Центральной студии телевидения, – обычно бормотал я.

Длинная пауза. Потом Иванов опускал глаза и бросал:

– Все! Идите...

Я был уверен, что меня вот-вот уволят.

Но уволить было нельзя. Потому что тогда встало бы все телевидение. И Георгий Александрович Иванов лихорадочно искал мне замену.

Через какое-то время появился Костя Шашко, инструктор райкома. В первый же день Иванов предложил меня выгнать. Но Костя упрямил меня оставить, пока не введу его в курс дела.

Потом уже Шашко стал за меня горой и уговорил Иванова оставить меня на журнале «Физкультура и спорт».

Я по-прежнему считался на студии крупным специалистом в области документального кино. Со временем Георгий Александрович изменил ко мне свое отношение.

Даже помог мне сделать первую документальную картину и первую художественную короткометражку.

Вот оно, мое «Кратчайшее расстояние». Даже как-то не верится – прошла целая жизнь, столько воды утекло, а на пленке они остались юными навсегда.

(Фрагмент фильма: после выпускного вечера ребята гуляют по Москве).

Это сейчас лозунг: «Где бы ни работать, лишь бы заработать!»

А тогда ребята после школы поголовно стремились в институты. Да и сама школа не готовила ребят к жизни. А готовила к поступлению в ВУЗ. Человек заканчивал десятилетку и ничего не умел делать. Если не

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

попадал в институт – трагедия в личной жизни. Никто не хотел ни торговать, ни стоять у станка. Бедствие! Социальный перекося! Психологический коллапс!

Надо было срочно поворачивать мозги. Кое-кто уже понимал, что только телевидение может дирижировать общественным мнением. И молодежная редакция получила сверху «соцзаказ»: сделать на эту тему настоящий фильм. Документальный по существу, но «художественный» по воздействию. Как? Никто не знал. Примеров не было.

Тогда в публицистике царил железобетонный стиль. Снимали какую-нибудь «пропагандистскую клюкву» немой камерой и поливали газетным соусом. Вот и вся песня.

Я не помню, когда именно нам пришло в голову «очеловечить экран». Но задачу мы сформулировали в редакции именно таким образом.

Моя двоюродная сестра Наташка только что окончила школу и не поступила в институт. В ее классе – половина «неудачников».

И вот я предлагаю сделать фильм про обыкновенный класс обыкновенной московской школы в Сокольниках. Начальство дает «добро» и пускает в открытое плавание.

Ни сценария, ни сметы не спрашивали.

Я собрал весь Наташкин класс. И предложил им «восстановить» историю. Как они заканчивали школу и как искали выход из положения, когда не поступили.

Это было на памяти. Это еще болело. И все согласились с радостью.

Про гонорар речи не было.

Так появился «новый жанр» в телекино. Импровизация на заданную тему. Как этюды в театральном училище. Нет, канву, конечно, мы продумали. И места действия, и героев отобрали заранее. Но сами эпизоды выстраивались прямо на съемочной площадке, по ходу дела. Фантазировать не нужно.

Ребята играли сами себя в «предлагаемых обстоятельствах». Мы чуть-чуть подправляли «мизансцены» и снимали «репортажно», без репетиций и придуманных текстов.

– Если из одной точки на плоскости провести перпендикуляр и наклонные, то перпендикуляр будет кратчайшим расстоянием, – решает задачку на уроке геометрии Вадим Акулов.

– В геометрии все ясно, а в жизни где «кратчайшее расстояние»? – записывает в своем дневнике наш главный герой.

Снимал картину Володя Гусев. Он особенно не вникал в содержание. Его интересовал Кадр. И тут я не вмешивался.

Он долго ходил на площадке, примеривался, прицеливался. Я изнывал, ребята терпеливо ждали. А потом вдруг он говорил:

– Годится.

Вот это «годится» я запомнил на всю дорогу.

Потому что на экране я видел то, что не заметил в жизни. У Володи была хорошая киношная школа. Получалось красиво. Потом с Мишей Ливертовским мы написали целую пьесу, которую «сыграли» за кадром прекрасные актеры Саша Михайлов и Рита Куприянова.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Не дикторский текст, а диалоги и монологи.

(Фрагмент фильма «Кратчайшее расстояние»).

Сейчас бы эту картину назвали «докудрамой». А мы придумали скромненько: «документальная новелла».

В общем фильм получился не такой, как делали на большом экране.

Вот тогда-то и началась долгая полемика о телевизионной специфике.

(Можно процитировать наши позиции по выступлениям прессы тех лет).

Вслед за нами сделали «документальные новеллы» и другие.

Фильм имел громкий успех не только в «Молодежке». Это было событие для всего телевидения. На студии царил неповторимая дружеская атмосфера. Все любили всех и особенно тех, кто собирался «открыть Америку». Хвалили зрители, хвалила пресса. Это можно доказать документально, перелистав газетную подшивку тех лет. Мы решили, что поймали свою «синюю птицу».

И почивали на лаврах, пока не появилась на телевидении синхронная камера с магнитофоном. Надо было искать новые «жанры» уже для «звукового» телекино. В отличие от «игрового», документальное долго еще оставалось «немым». Хотя живое телевидение заговорило сразу.

Мы искали не только новые пути в искусстве. Мы искали смысл в жизни.

В это время из Франции прилетел «Красный шар» — чудное стихотворение на экране.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПО ДОРОГЕ В РАЙ

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Я тут же сочинил свой поэтический сценарий «Весенний дождь». И страстно убеждал отдел производства фильмов, образованный к тому времени Ивановым, что короткое, как бы теперь сказали, «малобюджетное» кино – творческий путь телевидения.

Иванова я убедил, но к этому моменту уже поговаривали о его скором уходе.

Георгий Александрович по-настоящему полюбил телевидение. Все-таки он был «вахтанговец»! А власть всегда считает, что любить дело больше, чем указания сверху, – опасный грех. Короче говоря, Иванова съели.

Но в последний день своего пребывания на студии он вызвал начальника ОПФ Мелкумова и заявил в моем присутствии:

– Сегодня я еще директор Центральной студии телевидения, и вы обязаны мне подчиниться. Я подписываю приказ о запуске «Весеннего дождя» в производство сегодняшним числом...

Конечно, я уже давно простил Георгию Александровичу все обиды. А за этот его поступок буду благодарен ему всю жизнь. Через несколько лет Иванов вернулся на телевидение и сделал много еще добрых дел. Но об этом я расскажу, когда придет время.

«Весенний дождь» снимал знаменитый теперь оператор Валя Железняков, который работал потом с Аловым и Наумовым.

Вслед за нашей короткометражкой появилась грузинская притча «Рука матери», а Миша Кожин сделал чудесную поэтическую картину «Зимний дуб». Миша Суслов и Алексей Коренев сняли по моему сценарию «На рассвете». Казалось, дело пошло.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПО ДОРОГЕ В РАЙ

«Весенний дождь» получил международную премию в Монте-Карло, куда меня, конечно, не пустили. А потом была премия на Мюнхенском фестивале за «Зимний дуб» и за «Весенний дождь».

Ни Миша Кожин, ни я в Мюнхен не попали. За границу пускали только начальство и особо доверенных лиц. Приз привезла Валентина Ивановна Федотова – на тот момент главный редактор Молодежной редакции.

И все-таки мы ошиблись. Телевидение не пошло по пути создания поэтических короткометражек. Оно без оглядки бросилось в объятия детективных сериалов.

Но кто знает? Может быть, время еще придет. Во всяком случае, первые шаги короткометражное телекино уже сделало в начале шестидесятых прошлого века...

Но они были, были! И принесли первые международные награды нашему телевидению...

Хотя «шаловливые ручонки» давно сожгли наши эксперименты на телеэкране.

ФИЛЬМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ...

Для новых поколений прошедшие времена сливаются. Плюс-минус какой-нибудь десяток лет принципиального значения не имеет. Хорошо хоть век помнят «продвинутые» телевизионщики.

А тут еще «веселые да находчивые» поспешили замазать весь советский период одной черной краской. К чему нужны эти нюансы? Сталинское время, хрущевское, брежневское – все одно! Тоталитарный

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

режим. Административно-командная система. И люди не жили, а выживали. Да еще «стучали» друг на друга.

Танцевала Европа, плясала Америка, а «совки» в страхе тараканили свою злосчастную судьбу. По лагерям и тюрьмам. Плачут на радио, судят по телевидению. Ах, какие горемьки были наши предки! И в газетах клянут, и в книгах разоряются.

У школьников мозги совсем набекрень.

Поговаривают даже, что Великую Отечественную войну янки выиграли, а Хиросиму и Нагасаки русские разбомбили. Весь вопрос только в том, где эта лапотная Россия взяла атомную бомбу? Ясное дело – у американцев и стырила.

Но некоторые разумные особи сомневаются в объективности телеведущих: может, и не все было так худо, и не всегда...

У каждого времени – свое лицо. У каждого поколения – свои замашки. Свои комедии и свои трагедии. И чтобы понять, куда мы идем, надо знать, откуда пришли.

После жесточайшей войны все бросились за личным счастьем. Оттепель! Слово-то какое емкое. В обиход пустил его Илья Эренбург. Тот самый, кто призывал во время войны: убей немца! Уже все забыли автора «Хулио Хуренито». Да и роман «Бурю», спасенную Сталиным, никто уже не читает. А название повести «Оттепель» осталось.

Может, и век еще переживет, потому что уж очень точно вместило одно это слово характеристику эпохи. То распогодится, то опять мороз вдарит. В литературе

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПО ДОРОГЕ В РАЙ

по-своему переживали этот мутный период, в телевидении по-своему.

Звонкие шестидесятые...

Военное поколение сделало свое дело и уже установилось, а вот первое послевоенное металось, искало свое место в жизни еще долго.

Коммунизм собирались построить через каких-нибудь двадцать лет. Ради такого счастья отобрали у частника последнюю коровенку. Но кое-где уже раздавали хлеб бесплатно. И у народа сорвало крышу. Всем захотелось удрать на стройку. Подальше от родителей, подальше от насиженных мест. Какие там заработки? Какие шмотки? За туманами голяком бежали. И пели озорные песни. Вот когда расцвели «барды»!

Повсюду шныряли вербовщики. Эдик Иодковский, всеми забытый теперь комсомольский поэт, мой однокашник по университету, ворвался в литературу всего одной песней:

Едем мы друзья, в дальние края.

Станем новоселами и ты, и я...

А сам у меня «Бесов» Достоевского спер! Дореволюционное издание.

Первый коммунист кичился показать Америке «кузькину мать», а в России – «последнего попа». Под шумок добивали церкви, которые выстояли даже в сталинское грехопадение, пережили фашистскую оккупацию.

Неизвестные города без крестов вырастали, как грибы.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Мы с Володей Гусевым сняли на Урале «Даешь Качканар!». По замыслу фильм должен был начинаться в роддоме. Рождается человек, рождается город. Логично! Володя долго стоял за ширмой, нацелившись на роженицу, а когда малыш появился на свет божий – грохнулся в обморок. Еле поймал... Но кадр вошел в историю.

(Фрагмент фильма).

Мы все были энтузиасты, все первопроходцы.

Уже пошел молотить льды первый атомоход «Ленин». И мы в «Молодежке» сделали фильм «Полный вперед!»

Помню, как во время испытаний, когда атомоход вели из Ленинграда в Кронштадт два буксира (хотя все газеты раструбили, что корабль идет своим ходом), оборвался трос.

И громадину стало сносить на берег. Это случилось на рассвете, посреди Финского залива.

Не спалось. Гулял по палубе. Любовался северными красотами.

Вдруг вижу, старый «морской волк», первый капитан атомохода, подошел на мостике к штурвалу и с явной опаской, стоя спиной к морю, как-то неловко сдвинул рычаг двумя руками: «Малый вперед!» Не очень доверял атомной энергии бывший капитан легендарного «Ермака». И «Ленин» попер сам. Сам, понимаете?!

Хмурое, будто топором обтесанное его лицо, вдруг совсем по-детски улыбнулось. Жалко, что Алеша Шатуновский, наш оператор, не успел снять этот кадр. Да и никто не снял!

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПО ДОРОГЕ В РАЙ

А если бы и снял, ну кто разрешил бы нам это показать в эфире? Вот через час все корреспонденты сбегались на мостик и упростили «морского волка» позировать для истории. Капитан уверенно поправил фуражку. Вот так! И гордо глядя вдаль, двинул штурвал правой рукой. Счастливый человек!

Уже весь мир выучил русское слово «спутник».

Уже дал крут по небу Юрий Гагарин. И весь народ ахнул: в прямом эфире у Юры развязался шнурок, когда он шел по ковровой дорожке докладывать Хрущеву о покорении космоса советским человеком.

А у нас, в «Молодежке», настроение падало. Изо дня в день.

И объяснить это состояние не так-то просто.

Конечно, первая эйфория прошла. Мы научились снимать. Не хуже других. Но что снимать? А главное – зачем? Этот вопрос мучил каждого по-разному. Мы искали свое счастье не в «банке», а в профессии.

Власть, которая сама давно жила при коммунизме, убеждала, что счастье возможно только в масштабе всего человечества. Иногда и нам казалось: подожди чуток и наступит на земле всеобщий рай. Капитализму каюк! Социализм – светлое будущее всего человечества.

– Мы вас закопаем, – шумел Хрущев и стучал по столу ботинком в Организации Объединенных наций.

Вместо картошки стали сеять кукурузу.

Пели «аллилуйю», как при Сталине. Кто хрипастее, кто лиричнее.

Деревенский народ ходил полубосой, но уже с паспортом. Городской – полуголодный, но уже в

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

«хрущевке» со всеми удобствами. Осторожные интеллектуалы шушукались в «узком кругу» и сочиняли анекдоты.

Западная пропаганда дрожала от ненависти.

Действительно, Восточная Европа уже ходила в «народных демократиях», а европейские коммунисты были в полушаге от власти. Все континенты сотрясали революции. Куба размахивала советскими ракетами. В штабах расчерчивали планы третьей мировой войны.

А Капитал – Его Величество – не иначе как со страху, быстренько очухался, учел марксову подначку и научился прикармливать работягу. Хитрюга объявил себя защитником интеллигенции и борцом за свободу личности. Выдумал «средний класс». Главное, опираясь на все пороки человеческие, оседлал «технический прогресс» и въехал в новую эру на белом коне. «Бери от жизни все!»

От такой заразы спасу нет. Но поняли это не все и не сразу.

Спустя десятилетие появился веселенький анекдот: якобы однажды русские спросили японцев: на много ли мы отстали? И получили короткий ответ: навсегда.

Да, мы все это знали. Внутри кошки скребли. И душа ныла.

Стали болеть от ложного пафоса, столичной показухи, бесконечного словоблудия главного Кукурузника. Да, мы чувствовали, что Москва живет в одной стране, а вся Россия – в другой.

Но и жить спокойно в мещанском болотце категорически не хотели. Мы задыхались без свежего

воздуха, искренних отношений и честной Веры. Кто-то искал правду «на кухне». А мы помчались за правдой в Сибирь.

Только что появилась портативная синхронная кинокамера, о которой мечтал еще наш великий документалист Дзига Вертов. Легкая, с портативным магнитофоном! Безумно захотелось попробовать ее в настоящем деле.

«Молодежка» и тогда была впереди всех.

Начиналось наше паломничество на Восток. Конечно, исключительно для блезира – по стройкам коммунизма.

Сначала я облюбовал для себя новосибирский Академгородок. О нем шумели больше, чем теперь о Сколково.

АКАДЕМГОРОДОК

И вот мы с оператором Колей Кепко ходим по ухоженным аллеям этого городка. Заглядываем в здания институтов. Любуемся коттеджами. А потом Коля мрачно спрашивает:

– Чего будем снимать?

У меня самого голова кругом. Ну, чистые домики...

Ну, непонятные простому смертному лаборатории.

Господи! До чего же трудно снимать ученых!

И тогда мне в голову приходит счастливая мысль: А пусть сами старожилы этого утопического городка расскажут о себе и своей жизни.

И случилось чудо! Живые люди заговорили живым языком!

Показалось, что это были совсем другие люди.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Не те, что барабанили по бумажкам в студии скучные речи. Сам собой рождался Образ нового общезжития. Вот оно – реальное искусство! Вот оно – твоё счастье!

Конечно, сейчас это звучит смешно. Но тогда синхронная камера окрылила все телевидение. Жить стало лучше, жить стало веселее, как сказал однажды великий вождь и учитель всех народов, когда Россия совсем загибалась от страха. Но это так, шутка из нашего детства.

А потом был Сахалин.

Мы с Аркадием Едидовичем, Толей Грибовым и Эдиком Стаченковым проехали, пролетели и прошли от самой северной точки, мыса Елизаветы, до самой южной – Корсаково. Получился первый многосерийный телефильм «Сахалинский характер».

Сначала я думал, что буду задавать всем сахалинцам один вопрос:

– Завидуете ли вы английской королеве?

Почему такой абсурдный прием пришел мне в голову, не могу объяснить.

Слава Богу, мы после первого же интервью отказались от «английской королевы» и стали просто говорить о жизни.

Какие удивительные люди нам встретились! Какие светлые лица! Они жили трудно. Без удобств московской цивилизации. Но они жили не в лозунгах, а в природе. Они дружили, любили и работали по-настоящему. Без туфты. И мы были счастливы вместе с ними.

Помню, как мы втроем еле уместились в махонький вертолет «МИ-1», как приземлились на узкой

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПО ДОРОГЕ В РАЙ

прибрежной полосе под грохот океана. К нам со скалы, где светился самый северный маяк на Сахалине, скатился какой-то парень: не понимает он, откуда мы и зачем свалились с неба. Ведь с «материком» их связывал только баркас, который два раза в год причаливает с продуктами.

– Закурить есть? – только и выдохнул он нам навстречу.

А потом Аркадий Едидович чуть не плакал, когда я застал метеоролога в какой-то овраг для интервью – не стал снимать на фоне первозданного пейзажа. Ветер сбивал с ног, а наш динамический микрофон даже не имел защиты. Зато девушка рассказала нам так тепло, так просто и радостно о своем житье-бытие на этом краю света, что оператор простил мне «невывразительный» кадр. А уж могучий фон он поснимал всласть отдельно.

Зато в заливе Терпения, куда мы плыли на рыбоохранном сейнере, чтобы снять лежбище котиков, Едидович отомстил мне по полной программе. Моряки сразу поставили перед нами таз свежей икры. Целый таз!

Не успели мы отойти от берега, как разыгрался пятибалльный шторм. Залив Терпения! Я тут же свалился в кубрик. И пролежал там до самого возвращения. А у Едидовича от качки только аппетит разыгрался. Он с восторгом уплетал икру, пока я мучился с капустным листом. Изредка он спускался в кубрик и, облизываясь, глядя сверху вниз, ехидно интересовался моим самочувствием. Но вонючих котиков мы все-таки запечатлели... Такого фантастического зрелища, по-моему, никто еще не видел.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Мы снимали геологов в Охе, таксисток в Южно-Сахалинске, рыбаков в Невельске. Много-много замечательных парней и девчат, которые не ныли, не сквалыжничали, а часто смеялись над нашими вопросами.

Они умели праздновать жизнь, не проклиная свое время. Самое удивительное, что везде нас встречали радостно, как своих.

На прощание, к отлету, ребята привезли из Невельска два ящика замороженных королевских крабов, чтобы мы порадовали друзей в Москве сахалинским лакомством.

Мне кажется, что мы тогда открыли удивительный мир нашим современникам. А для себя оценили еще и телевизионный жанр – кино-интервью. К сожалению, после эфира эту пленку сожгли. Телевидение всегда не очень беспокоилось о своей истории.

А вот «Путешествие в будни» удалось сохранить. Я снял этот первый фильм о сибирских нефтяниках с оператором Олегом Насветниковым и звукооператором Славой Щекутьевым. Звукооператор теперь выходил на первые роли. И это осложняло отношения в команде. Что хорошо для изображения, могло быть плохо для звука. И наоборот. Документальное кино усложнялось. Режиссер теперь должен был искать компромисс. Удавалось не всегда. Всем пришлось перестраиваться.

Другая эстетика. Опять отходили от кино и приближались к «радио с картинкой». До сих пор шатаемся. То сюда. То туда...

ФИЛЬМ ПЯТЫЙ

РОМАНТИКИ

В Москве творилась неразбериха.

Хрущев шалел от реформ. С утра был либералом, к вечеру консерватором. Гонял художников, стращал ученых.

Министерства заменялись совнархозами. Обкомы разделили на сельские и городские. Косыгин пытался спасти социализм хозрасчетом. Все нововведения, как всегда, выходили боком для народа. Наконец, и наверху, и внизу все устали.

Однажды утречком на Пятницкую, где помещалось наше руководство, приехал какой-то представительный мужик. Милиция даже не спросила у него пропуск: видимо, по портрету узнали. Поднялся он на четвертый этаж, где находился кабинет председателя, разбил табличку с именем Харламова и велел повесить табличку с Месяцевым.

Так мы узнали о перевороте и наступлении новой эры. Первого секретаря и последнего верующего коммуниста схрумкали заживо.

На следующий день Николай Николаевич Месяцев, бывший смершевец и секретарь ЦК комсомола, собрал все телевидение в просмотровом зале на пятом этаже нового здания на Шаболовке и спросил притихший коллектив:

— Как будем теперь жить, товарищи?

Я поднялся с последнего ряда и сморозил:

— Будем запускать ежа под череп.

Николай Николаевич уставился на меня, как удав,

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

сверкнул глазами из-под мохнатых бровей. И не то чтобы сказал, а рявкнул:

– Вот этого мы делать не будем, товарищи!

Ну, прямо Соловей-разбойник!

Месяцев привел за собой Георгия Александровича Иванова, Г.А.И. – как мы ласково называли его между собой. И как-то отлегло от сердца.

Новый председатель добился вскоре у Косыгина разрешения на строительство телецентра в Останкине. А на Шаболовке тоже началась перестройка под руководством мудрого Сальмана.

Нынешняя Шаболовка уже мало менялась с тех пор.

Мы в «Молодежке» как-то прижались друг к дружке и решили продолжить наши скитания по стране.

ПУТЕШЕСТВИЕ В БУДНИ

В Тюмени жара стояла страшная. К вечеру весь гостиничный люд высыпал на лавочку перед входом и обменивался новостями.

Вот тут я впервые услышал о газовом фонтане в Тарко-Сале.

В то время это была тайна за семью печатями.

Юрий Георгиевич Эрвье – легендарный начальник всей тюменской геологии, Герой соцтруда, лауреат Ленинской премии, импозантный поседевший красавец с французскими корнями и голосом «бас-профундо». Для северов это был царь и бог. Он встретил нас приветливо и тут же подписал бумагу: всем партиям оказывать помощь и содействие группе Беляева И.К.

Конечно, я и словом не обмолвился о Тарко-Сале.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПО ДОРОГЕ В РАЙ

Уже в Сургуте мы сразу почувствовали всю силу этой бумаженции.

Мы решили снимать фильм в жанре телерепортажа. Это значит, кинокамера должна имитировать «внестудийку». Я просил оператора снимать «небрежно». Чтобы зрители поверили в «трансляцию». Олег Насветников даже обижался вначале:

– Зачем, по-твоему, я пять лет учился во ВГИКе?

Еще я убеждал его снимать не только глазами, но и ушами. Ведь в руках у нас была синхронная камера. И звукооператор Слава Щекутьев постоянно мешал кинооператору Олегу Насветникову. Только в конце съемок они, кажется, друг друга зауважали.

С первого же эпизода рождалось новое кино...

(Разговор с маркшейдерами на Оленьем озере у костра).

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

С пожарной каланчи мы сняли старинный сибирский город, куда еще декабристов ссылали, встречали на травяном поле послевоенные «ЛИ-2», разговаривали с людьми в накомарниках на деревянных тротуарах. В общем, создавали «эффект присутствия».

Поскольку до нас никто в этих местах не снимал, надо было позаботиться, чтобы зритель нам безусловно поверил. (Потом в «Искусстве кино» я описал этот принцип «настоящего телефильма»).

Нас заедало комарье, но мы получали настоящее удовольствие от работы, от встреч с мужественными ребятами, а себя считали первопроходцами телевидения.

Через много лет по случаю юбилея я оказался на сцене в Ханты–Мансийске рядом с героями фильма и жутко гордился, когда и меня назвали в числе почетных первооткрывателей сибирской нефти.

Однажды в Сургуте мы подкатились к вертолетчикам, которые возили в Тарко-Сале насосы, для того чтобы задавить горящий фонтан, показали бумагу от Эрвье и попросили взять нас с собой.

Командир внимательно изучил документ и сказал коротко:

– Вылет в десять ноль-ноль... У вас аппаратуры много? А то мы грузимся под завязку.

На следующее утро, еще не веря своему счастью, мы погрузились в «Мишку» и полетели выдавать государственную тайну.

Попали в грозу, как полагается, а уже на подлете увидели это потрясающее зрелище: пламя маячило над тундрой за много километров. Оно стояло торчком

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПО ДОРОГЕ В РАЙ

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

посреди озера. Небоскреб из огня! И в него еще шарашили молнии.

(Отрывок из фильма: проход геолога по берегу озера на фоне фонтана. Его рассказ о выбросе).

Целый день снимали, как угорелые, команду Григорьева. Золотой мужик! Был разведчиком на фронте, потерял один глаз.

А теперь – главный огнеборец на тюменском севере. В тот раз сняли не очень удачно. Зато через несколько лет в фильме «Большая земля» показали его во всей красе.

(Можно процитировать).

В столовке спровоцировали группу парней на душевный разговор. Я до сих пор горжусь этим эпизодом.

А на следующий день к нам с неба свалился сам Эрвье.

Когда увидел нас, на минуту лишился своего раскатистого баса. Потом скомандовал:

– Немедленно убирайтесь! Я позвоню в Москву, чтобы вас арестовали в аэропорту.

И мы улетели, так и не дождавшись, когда погасят фонтан.

В Москве, конечно, нас сразу вызвали на ковер. Я честно рассказал все Георгию Александровичу и пробубнил, что картины не будет, если мы не покажем финала этой драмы.

– Что нужно, чтобы вы полетели и сняли, как гасят этот фонтан?

Я сказал, что нужен звонок из ЦК. Причем на самом высоком уровне, иначе Эрвье не послушается. А потом

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПО ДОРОГЕ В РАЙ

нужно купить спецрейс, потому что добраться туда против воли хозяина нельзя.

– А сколько это может стоить? – спросил Иванов.

Через день я выложил результат. Надо сказать, что до этого случая никто вертолет для съемок не покупал.

Еще через неделю в Сибирь улетел Лева Довгвилло, а мы остались в Москве, чтобы успеть к сроку смонтировать материал.

Мы-то думали, что фонтан погасят не сегодня–завтра. А с ним еще чикались целый месяц. Наконец, я получаю телеграмму: «Фонтан загасили. Готовь интервью. Эрвье.»

Так мы восстановили отношения, а потом дружили много лет.

Я, конечно, тут же вылетел с группой в Тюмень. Наш разговор заканчивал картину «Путешествие в будни».

Эрвье завещал похоронить его на острове, в Ледовитом океане.

Почему-то так не получилось. Жаль.

Юрий Георгиевич мне много раз говорил:

– Ну чего ты носишься по стране? Сиди здесь. Скоро вся история будет зависеть от нашей нефти и нашего газа. А потом махнем на Ямал...

Конечно, он оказался прав. Но мне хотелось еще в Братск, Усть-Илим. Еще куда-нибудь к «черту на кулички».

Долго в Москве я сидеть не мог. Все раздражало. Поэтому и стал снимать «романтиков».

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Американцам хорошо! Самый трудный нулевой цикл они сделали руками чернокожих рабов, которых вывозили из Африки. После закрытия сталинских лагерей взять рабов у нас было негде. А надо было прокладывать лежневки в глухой тайге, замерзать в палатках, когда зимой под пятьдесят, кормить гнуса.

Кто согласится строить фундамент под электростанции, корпуса комбинатов, проходить ангарские пороги и месяцами жрать обрыдлую тушенку?

Нашлись парни и девчата. Сотни тысяч, которые пошли в тайгу и тундру. Не за длинным рублем, потому что платили им чуть больше, чем на «большой земле». Тогда зачем?

Ведь в коммунизм уже никто не верил.

Вот и хотелось разобраться в этом сложном феномене с помощью киноаппарата. Кино – как инструмент социологического исследования. Вот какую должность оно получило в тогдашней «Молодежке».

Бакенщик – на самом большом ангарском пороге. Белобрысый, голубоглазый. Каждый день он на своей «люменевои» лодчонке с могучим мотором проходит порог вперед–назад, чтобы обозначить буйками фарватер. А баржи в этом месте тянул специальный буер, привязанный к берегу стальным тросом. Потому что никто своим ходом не мог преодолеть бунтующую Ангару. Как парень справляется на своей легкой посудине – уму непостижимо. С берега смотреть страшно. Живет весь сезон в дощатом домике. Сюда перевез и жену с двумя детьми.

– Как дела, Коля?

– Да ничо. Хариус идет помаленьку.

Как будем снимать, чтобы все поняли – парень каждый день совершает подвиг? Я ведь пока только собираю материал для сценария.

Через некоторое время приехали... и не сняли. Утонул бакенщик. Сколько жизней забрала Ангара, пока покорила.

На Усть-Илиме – стайки девчат. Никакого города еще и в помине нет. Они из Братска. «Но там уже не интересно, все отстроили. Цивилизация! Как на «Большой земле», – рассказывают нам и смеются.

Ну что заставляет этих умных, красивых девчат драться с тайгой? Глаза блестят. Ух! Не подходи! Не дай Бог, с ними заговорить о героизме, долге и патриотизме. Тут же заскучают и поссорятся. Громких слов не выносят.

Понять весь этот великий энтузиазм сейчас никак нельзя. Я знаю только одно, если бы они пусть даже в страшном сне увидели, как их гигантский труд прикарманивает какой-нибудь «продвинутый» лавочник, думаю, и дня бы не усидели. Над коммунизмом все хихикали, а в страну – верили. И в дело верили. Поэтому жили, как на фронте. Не диссидентствуя и не жалуясь.

Романтика – это ведь состояние души, независимой ни от какого режима. Если б не «романтики», не было бы у нас ни Братской ГЭС, ни Усть-Илимской, ни Саяно-Шушенской... Которую и сейчас спасали такие же мужики и девчата. Святые люди. Хотя и грешные, наверное. Они строили гидро-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

станции, как пращурьы наши складывали монастыри.

Другого объяснения в фильме я не нашел.

Конечно, в этой работе прозвучали уже и критические нотки. Все начинали покусывать советскую бюрократию. Молодела страна, дряхлаела власть. И телевидение не дремало, в моду входил «критический реализм». Только никто и представить себе не мог, что так быстро сойдутся злые языки и лихие торгаши. Кто-то кликушествует теперь о заграничном заговоре, а для меня нет страшнее врага – «внутреннего эмигранта». Вот их в Сибири тогда не было. Не доехали!

Победить Россию в открытом бою нельзя, а подкоп сделать можно. Втихаря презирая народ и его историю. Барыги хуже чиновников.

Вот почему надо беречь отечественное телевидение как зеницу ока. От чужого взгляду.

Во все времена.

Так говорил Заратустра... Хотя и не наш современник.

ФИЛЬМ ШЕСТОЙ

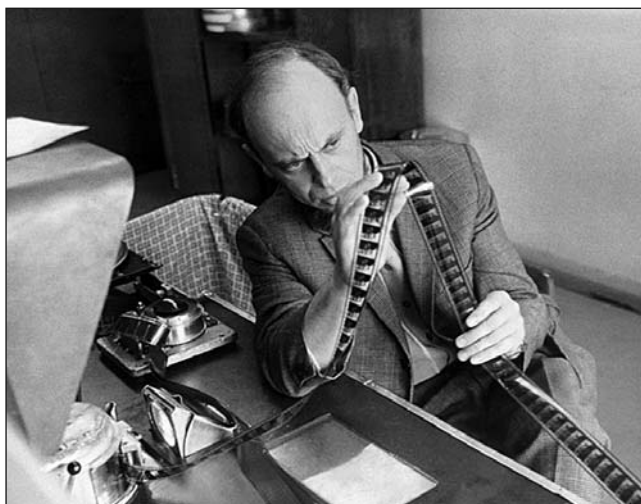
МИРНОЕ ВРЕМЯ

Вторая половина шестидесятых...

Мы все живем двойной жизнью. Двусмыслица! Это главный признак существования.

После хрущевского землетрясения власть пытается залатать трещины и дыры в идеологии, а нам хочется шире открыть глаза народу на правду жизни. Приближается пятидесятилетие советской власти. Для публицистики скучная пора, для искусства – самое

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПО ДОРОГЕ В РАЙ

время. Даже дома говорят на языке Эзопа. Подтекст дороже текста. Аллюзии выше иллюзий.

Репортеры сохнут, а «творцы», как с издевкой именуют чиновники режиссеров и сценаристов, ищут Образы. Щедрое лето и в театре, и в кино. Да и у нас на Шаболовке штукатурят во всю.

В коридоре меня встречает Орлик Григорян, старожил телевидения. Руководит научно-познаватель-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

ной редакцией, любимчик Иванова. На студии Арнольда почему-то все называют Орликом. В профиль он и вправду напоминает хищную птицу. Небольшого роста, худющий, еще и сутулится, как будто прячет за спиной крылышки. Всегда острит и брызжет идеями.

– Хочешь сделать фильм в «Летописи полувека»?

– Это что за штука?

– Глобалка. Пятьдесят фильмов. К юбилею – киноэпопея. Каждый выбирает один год. Соцсоревнование. Участвуют лучшие люди. Постановочные обалденные. Полная свобода творчества.

– Трепleshься?

– Клянусь папой римским. Выбирай, пока не поздно.

– А какой фильм на мою долю?

– Любой...

Я обещал подумать. И выбрал 1946-й.

На целый год Красногорск, где помещается архив, становится столицей телевизионного производства.

Почему я выбрал именно сорок шестой? Теперь могу объяснить. Запад в натуре я еще не видел. Верил классикам. Частник – подлец по определению. Но почему «у них» люди живут лучше, не понимал.

Я любил «Город Солнца». В университете писал диплом об утопистах. Маяковского боготворил. «Наплевоков-пофигистов» всегда презирал. Мещан и карьеристов ненавидел одинаково. От богемы бежал, над пижонами смеялся.

Но чем больше надувалась пропаганда в 67-м, чем дальше она отходила от реальной жизни, тем на душе становилось муторней. Я знал, когда-нибудь это все с

треском лопнет. И тогда страну разберут по камешкам. Я не считал себя пророком – так думали многие из моего поколения.

Надо было искать выход. Для начала понять, где ложь, а где правда.

На будущее смотрел мрачно. На историю – с любопытством. Поэтому и фильм хотел сделать не как репортаж, а как драму.

Лучше всего для этой цели подходил первый год нашего «мирного времени». Все нервы обнажены, народ еще без маски, без камуфляжа. И горе, и радость – без обмана. Официальная хроника того периода, из которой надо будет черпать материал, и та меньше лицемерила.

Я же помню этот год. Сам помню! Не по газетам. Для меня он – живой.

Конечно, мысль не могла выставляться наружу. Сразу схватят и голову оторвут. Она должна быть закодирована в образе. Потом расшифруют современники, догадаются потомки.

И тут начались разные профессиональные игры.

Сидим в Красногорске с моим соавтором, по совместительству женой, Юлей Толмачевой и мотаем километры пленки. У каждого режиссера – своя территория: в фильме должно быть только то, что было снято в «твоем» году. На чужую территорию вход запрещен. Сюжет за сюжетом – «Новости дня», которые выходили еженедельно и показывались перед художественной картиной на каждом сеансе. Агитпроп действовал. «Новости» очень мало рассказывали о жизни.

Так же, впрочем, как и теперь.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Только «Время» с радостью сообщает о катастрофах, убийствах и дорожных происшествиях, а тогда – о трудовых подвигах.

Но меня научил еще в «Стодесятой» директор школы Иван Кузьмич Новиков – читать газету «между строк».

Вот и сейчас я просматриваю на монтажном столе хронику не как в кинотеатре, а по отдельным кадрикам. Нахожу много интересного, что пропустил цензор.

Так я нашел своего главного героя.

На новогоднем празднике в Колонном зале Дома Союзов устраивали елку для детей. Я сам бывал на этих веселых праздниках с вкусными подарками.

Оператор снял карнавальный проход. Танцевали слоны, медведи, жирафы. И вот среди этого карнавального шествия я вдруг заметил клоуна. Веселые ужимки и грустные глаза. А главное – он играл на немецкой губной гармошке. Военный трофей! Вот он мостик к недавнему прошлому. А веселая маска и грустные глаза – настроение года. Всего один случайный метр пленки! Но теперь у меня был ключик к построению всей картины.

Я нашел лейтмотив – немецкая губная гармошка.

Я нашел пластический принцип – за веселенькой декорацией проступает грустная реальность.

И еще одна случайная подсказка. На сцену Художественного театра в последний раз вышел в 46-м великий Москвин в роли царя Федора Иоанновича и сказал такие слова:

– Какой я царь? Меня, во всех делах, и с толку сбить и обмануть нетрудно. В одном лишь только я

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПО ДОРОГЕ В РАЙ

не обманусь: когда меж тем, что бело иль черно избрать я должен – я не обманусь. Тут мудрости не нужно, шурин, тут по совести приходится лишь делать...

Вот я и решил разделить эпизоды по совести – на черные и белые, на правду и кривду. И в этом столкновении найти баланс времени.

Кстати, любопытная история. Когда я в 1991 году снимал в кабинете Горбачева последнюю неделю пребывания в Кремле первого и последнего Президента СССР, Михаил Сергеевич вдруг расчувствовался и сказал:

– Вчера читал перед сном о Федоре Иоанновиче. Какое несчастье для России, что в трудное время на троне оказался слабый царь...

Я молча уставился на него (все это есть на пленке!) и даже подумал, что мой Михаил Сергеевич вдруг прозрел и нашел прямую аналогию.

Нет, не прозрел. Историческое сравнение даже не пришло ему в голову. В пылу откровенного разговора между нами просто с языка слетело слово... По Фрейдю.

Но не будем забегать вперед.

Мы в 1967 году. Собираем материал для «Летописи полувека» в Красногорске.

Сюжеты легко переворачивались не только словами, но и музыкой. Белые – черные, черные – белые.

Нюрнбергский процесс – основное политическое событие года. Трафаретные кадры. Трафаретный диктор. Но вот в «Иностранной хронике» нахожу сюжет. Все подсудимые в один голос говорят:

– Не виновен...

– Не виновен...

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

– Не виновен...

А разрушенные города, а людоедские концлагеря, а сумасшедшие глаза узников? Горы человеческих волос... Горы побитых очков. Трупы на окровавленных землях. С этим примириться сознание не сможет и через тысячу лет. Черная страница истории.

А в Ленинграде – первая ярмарка. Простые человеческие радости: чай, папиросы, дети на качелях. Народ оттаивает от жуткой блокады и приноравливается к миру.

Автор за кадром подчеркивает словом:

– Война только что остановилась... И вот люди, пережившие все это, свои душевные силы направили в колею естественной мирной жизни.

В картине появляется просвет.

Озвучивали текст несколько дикторов. Одни голоса читают пафосные тексты официальной хроники (нашел старожил на радио, тексты стилизовал по газетам). Другой голос – осмысливает материал с позиции автора. Вот вам тоже – черное и белое. Там, где не хватает правдивых слов, звучит губная гармошка клоуна.

Мой замечательный редактор Людмила Ефимовна Лопато выдрала из спецхрана письмо академика Терентия Мальцева заместителю председателя Совета Министров СССР тов. А.А. Андрееву:

«Дорогой Андрей Андреевич! Могу чистосердечно вас заверить, что колхозники наши переживают в данное время нужду. Нужду большую даже, чем это было в военные годы».

А Сталин устраивает авиационный парад, где тратится горючего больше, чем на всю посевную.

Музыка ехидничает:

Все выше, и выше, и выше

Стремим мы полет наших птиц... – авиационный марш того времени.

Ревут реактивные самолеты. Первый реактивный истребитель. Нелепая этажерка – вертолет.

А босоногие крестьяне вручную сеют хлеб, как в старину. И тут же зачитывается указ, что в связи с урожаем сохраняется «карточная система».

Под бравурный марш возвращаются с войны солдаты.

Я собираю в одну монтажную фразу все редкие кадры подлинных встреч воинов на родине. Радость смешивается с горем. Смех со слезами. А марш звучит все громче и громче. До нас такой «контрапункт» в документальном фильме никто не делал. По спине бегут мурашки.

На первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН говорится о наступлении мира.

Американцы демонстративно взрывают атомную бомбу на острове Бикини. Черчилль объявляет в Фултоне начало новой «холодной» войны. Еще свежие могилы на полях Европы. Про речь Черчилля трубили все газеты. Но в Союзе не было не только кусочка пленки – даже ни одной фотографии этого выступления.

Прошу у Иванова валюту для закупки материала в Америке. Представляете? Дают!

Делаем заказ. Приближается срок сдачи фильма, а материалы с Черчиллем где-то застряли. И тогда я на свой страх и риск прошу редактора связаться с Шапиро.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Был в Москве такой американский корреспондент, который знал все. И то, что в Москве делается, и то, что в Нью-Йорке. Перед ним открывались все двери.

Редактор звонит американскому корреспонденту, и я слышу их разговор по телефону. Редактор объясняет, что нам срочно нужна пленка с выступлением Черчилля. Мы давно оплатили заказ, но ответа до сих пор не получили.

Шапиро вдруг говорит:

— Хорошо. Я помогу вам, милочка. Но услуга за услугу. Скажите, Месяцев еще работает?

Редактор немеет, а потом быстро находится:

— Николай Николаевич на своем посту. На Пятницкой...

Как только Шапиро замолчал, она звонит в приемную председателя Госкомитета:

— Скажите, Николай Николаевич у себя? А то меня спрашивал сейчас американский корреспондент Шапиро.

Не успела она положить трубку, как раздался звонок.

— Это Месяцев. О чем вас спрашивал Шапиро?

— Он спросил, работаете ли вы?

— И что вы сказали?

— Я сказала, что Николай Николаевич Месяцев на своем посту.

— Молодец! Правильно сказали.

И повесил трубку.

Над головой нашего председателя уже сгустились тучи. Но мы этого еще не знали.

Пленку мы вскоре получили, и советский народ

впервые увидел «фултоновскую» речь Черчилля в нашей картине.

В финале я схлестнул приговор фашистским главарям на Нюрнбергском процессе с заключительным футбольным матчем в Москве, на стадионе «Динамо».

На сдаче в просмотровом зале я видел, как рука Иванова потянулась к блокноту. Чтобы написать замечание? И вдруг замерла.

Потом на летучке Георгий Александрович признался:

– Никогда не думал, что такие разновеликие события можно соединить в одном фильме. А ведь получился образ времени...

Потом, на фестивале, фильму дали первую премию и рецензии на него пишут критики до сих пор.

Николая Месяцева скоро действительно сняли и послали послом в Австралию. С глаз долой – из сердца вон. Брежнев стал готовить памятник себе, ловко переиграв всех конкурентов и соперников. А к нам назначил Сергея Георгиевича Лапина, который был верен ему до последних дней.

А Лапин уже сам избавился от Иванова.

Однажды на каком-то партийном форуме Месяцев подошел к Лапину и сказал:

– Сережа, ты зря убрал Иванова. Это был очень полезный человек для телевидения.

И был прав.

Телевидение теперь мчалось на всех парах в «большую политику», и качество водителя отступало на второй план.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Оно работало на одного человека. И мы отлично знали, на кого именно.

Хотя как сказать! Лапинское вещание порой выделяло такие фортели, что нынешнему и не снится.

А фильм «Год 1946» заканчивался монтажной фразой, которую я собрал из перебивок на стадионе. Саму игру я не показывал. А вот лица зрителей на стоп-кадрах, «перебивки» позволили автору сказать заключительные слова:

– Мы остановим сейчас время, чтобы оказаться на трибунах прошлого... Здесь находятся люди, пережившие окопы, блокады, концентрационные лагеря. Они еще стоят в очередях за хлебом и штопают обноски военных лет. Многим пришлось начинать жить заново... Так давайте же подивимся необъятной силе нашего народа – во все времена!

(Трибуны взрываются от победного клича).

Последние дни перед эфиром мы с Натасей Захарской, моим любимым монтажером долгие годы, работали сутками.

Под утро выкатились на улицу, вздохнули и пошли пешком. По Шаболовке, потом через Крымский мост.

Дурачились, танцевали. Мы были счастливы, как никогда. Нам казалось, что мы сделали для людей что-то важное. Для людей и для себя.

Через некоторое время правительство подписало постановление об организации новой отрасли – Телекино. Так было образовано творческое объединение «Экран». Закончилась веселая игра в самодеятельность, телевидение по зернышку собирало профессионалов.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПО ДОРОГЕ В РАЙ

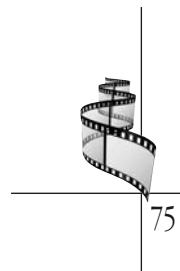
P.S. Серия фильмов могла бы стать «учебным пособием» для любителей документального кино. Вероятно, в результате такой передачи и круг зрителей расширится, и понимание этого сложного искусства произойдет. Ненавязчиво, как бы само собой. В этой гало-серии постараемся объединить разные материалы:

Кино-фоно-фотоархив. В том числе забытые «папки» передач. Семейные альбомы.

Воспоминания автора, снятые по ходу дела в местах событий или дома.

Живые свидетели.

Фрагменты фильмов.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СПЕКТАКЛЬ БЕЗ АКТЕРА

В «Молодежке» я увлекался репортажем. Жизнь врасплох! В «Экране» я стал искать более сложные формы для телевидения. Снимал экспериментальные фильмы, стараясь не повторяться. А в записных книжках копил разные теоретические наблюдения. Так выстроился «Спектакль без актера». А подтверждением теории стала «Ярмарка».

Но начнем рассказывать о фильме из-за такта, как говорят музыканты.

От политики можно спрятать голову в науку, в искусство, даже в кусты личной жизни. А вот на телевидении деться некуда. Такой уж это вид транспорта.

Наше поколение всегда говорило через переводчика. Этот хитрый бес до сих пор сидит внутри каждого из нас. Переводит с русского на русский. Иногда добавляет кое-что от себя.

И в то же время я уже чувствовал, что задохнусь, если не скажу правду вслух.

Хотя бы в подтексте. Хотя бы в Образе.

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР

Если уравнение сложное, надо его упростить. Этой математике меня еще в школе учили.

Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина – одноклассники. Родились при Сталине, набрали вес при Хрущеве, а при Брежневe это уже имена нарицательные. А вот Льва Халифа сейчас никто и не вспомнит. Хотя он тоже бродил по этому бульвару и мечтал стать гением.

– Я был непутевый, я был «непутейный», – так сам о себе говорил бродяжка Халиф.

А чтобы стать нормальным человеком в ненормальное время надо очень постараться.

Из чего твой панцирь, черепаха?

Я спросил и получил ответ:

Он из мной пережитого страха.

И брони прочнее в мире нет.

Сгинул Левушка где-то в Америке. А вот эта строфа осталась на память. Поди-знай, какое поручение дал тебе Господь при рождении!

Времена не выбирают,

В них живут и умирают.

Но это не Халиф. Другой наш современник.

Год 1968-й. Не знаю, как историки, но я кожей чувствовал, что начинается новое время.

Мы жили бездоказательно. Больше по ощущению. Так вот, по моему ощущению, с этого момента история окончательно раздвоилась. Верх побегали по одной дорожке, а население – по другой. И ясно это станет только через двадцать лет. Благодаря моему однокласснику Михаилу Горбачеву.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

ПУШКИНСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Однажды 31 декабря мы приехали на Пушкинскую площадь в середине дня. Хотели снять что-нибудь веселенькое, предновогоднее.

По небу ползали свинцовые тучки, лениво сбрасывая снежок. Осень по календарю уже кончилась, а зима не наступила.

Народ горбатился, шмыгал туда-сюда с авоськами. К празднику всегда выдавали подарочки по талонам. Батон сырокопченой колбаски, баночка красной икры, бутылочка Шампанского – это уж обязательно. Все-таки советская власть думала о народе... по праздникам.

А номенклатура отоваривалась у Елисеева с черного хода. Самые ценные кадры получали свою пайку на Грановского. Отсюда недалеко.

Эти прятались в черных «волгах».

Летали как угорелые...

Ну а мне? Мне, например, ничего не досталось, потому что я был на тот момент внештатный автор.

Штатных авторов у телевидения не было. Но я не печалился, а очень хотел снять какое-нибудь потрясающее кино.

Из-за погоды ли, а может, из-за полупустых полок у Елисеева, но улица спала на ходу. А черно-белые лица прохожих были такие, как будто их только что достали из консервной банки.

Пушкин тоже стоял понурившись. Похоже, раньше, когда он стоял на той стороне площади, в начале бульвара, ему было веселее. Раньше над ним танцевала на крыше углового дома гипсовая барышня

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СПЕКТАКЛЬ БЕЗ АНТЕРА

в короткой юбочке. И хорошо воспитанный поэт, по понятным причинам, опускал голову, как шутили на московских кухнях.

А может, еще и потому Пушкину было невесело, что в начале бульвара, в стареньком дворянском особнячке на углу помещалась самая вкусная в городе шашлычная. Но ведь и теперь тянет жареным барашком, когда ветер с той стороны.

Защищая теперешнее время, надо сказать, что Москву всегда переставляли с места на место и часто переименовывали: Охотный ряд – имени Кагановича.

Теперь снова – Охотный ряд!

Еще в хрущевские времена пели в городе частушку:

История Москвы – сплошная драма.

Разрушен Храм.

Не выстроен Дворец.

Зато какая выкопана яма!

Насиловали матушку все, кому не лень. Она пищала, но как-то приспособливалась. Жить-то надо!

Петербургу хорошо. Даже когда его Ленинградом обозвали, напропалую перепахивать проспекты не стали. Больно трудно крушить город, где каждая огречка поставлена по уму.

А Москва? Ну что Москва? Большая деревня! Как была, так и есть. Здесь хамить можно.

Или чучундру какую-нибудь заделать посреди реки! Петух не кукарекнет!

Шали, шали, мальчик, да оглядывайся!

Круши, ломай, планствуй, пока тебе не дали по шапке. А по шапке Москва даст. С опозданием, но даст

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

обязательно. Учтите, товарищи начальники, господа градобреи!

И в догонку пустит по-матушке... Такое у нее естество! Автобус поставили вот здесь, сбоку.

Володя Дубов, один из наших старейших кинооператоров, примостился за окном со своим длиннофокусником.

Замаскировались шторкой. Я сказал сейчас «старейший», а ему в ту пору едва тридцатник стукнуло. А может, и того меньше.

Но он уже повозил по Шаболовке телегу с камерой, пока «кина» не было. А теперь раздирала его страсть к искусству. Не зря же он ВГИК кончал!

На гранитную оградочку вскарабкался маленький человечек с плакатиком: «Ищу веселую компанию – встречать Новый год». Никто и не заметил, что вместо точки – дырочка. А в дырочке микрофон. Длинный шнур по стеночке тянулся к автобусу.

Улица крякнула и замерла от неожиданности.

Володя Храмов был махонького роста. Ботиночки – тридцать восьмого размера, ручки пухленькие, личико гармошкой, а говорил басом. Вылитый гномик из «Белоснежки»! Или «малыш Карлсон». Без всякого грима. Юморной, талантливый. А вот развернуться не успел. Недаром говорят: в России надо жить долго. На телевидении в особенности.

Он сел на ограду, скорчил рожу, скрестил ножки и со скупающим видом стал ждать, когда соберется публика.

Народ озирается, вроде никто не снимает. Все по-правдошному. Надо сказать, никаких митингов,

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СПЕКТАКЛЬ БЕЗ АНТЕРА

кроме официальных, тогда не было. И с плакатом человек на Пушкинской – в диковинку.

Милиционера в «стакане» мы, конечно, предупредили и бумажку представили – с телевидения. Мол, снимаем подготовку к Новому году..

И тут началось! Проснулась улица. И закричала на разные голоса. Взыграл гормон.

– Ты что, милоч, с луны свалился?

– Или с утра перебрал.

– Вали к себе в Америку! У нас такого сроду не было...

– А может, человеку под Новый год деться некуда?

– Валяй к нам в общагу!

Ко мне подошел человек в пыжиковой шапке, и полупшепотом:

– Немедленно убирайтесь! Будут большие неприятности.

К Володе протиснулся дед с бабкой:

– Сынок, а сынок! Тебя что ж девка бросила? Давай к нам. У нас всегда весело. Попоем, попляшем. И гармошка есть! Соседей соберем, водочки нальем...

Храмов спрашивал публику, как они собираются отмечать Новый год. Но народ ударился в политику. Улица раскололась. Одни считали, что с плакатом можно. Другие ярились и требовали навести порядок. Через пару минут в толпе началась дискуссия по широкому кругу вопросов. Мы видим, такое дело, чуть снимали и дунули восвояси, от греха подальше.

Объехали площадь и уже издали заметили, что толпа гуляет и без «плаката». Вот она, «свобода слова», что с человеком делает!

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Конечно, тогда и в голову не могло придти, что через двадцать лет вон там, на стенке, вывесят «Московские новости», и снова закипит кровь для новой революции.

Сюжет, конечно, никуда не пошел. Сгинул в корзине. А в памяти остался. Мы поняли, что такой «приемчик» может пригодиться в кино, а теоретики нашли для него термин – «метод спровоцированной ситуации». Я стал ждать подходящего случая. И случай скоро сам пришел на Шаболовку. И принес этот «случай» Венечка Горохов.

Газетчики хвастались своими проблемными статьями. А на телевидении царил тишь, гладь и божья благодать.

Все противоречия только «за бугром». На кухнях интеллигенция переименовывала Николая Островского: «Жизнь дается один раз и прожить ее надо там».

Когда открылась какая-то оказия, Венечка тут же слинял в Нью-Йорк и через короткое время неожиданно умер. Прямо в лифте. Исчез в неизвестности. Вот такая «селяву»...

Незавидная судьба коснулась многих моих талантливых современников. Господи! Прости им невинный грех. Ведь никто не угадал, что 68-й год в Чехословакии – это предтеча.

Через двадцать лет аукнется в России.

Да еще с таким размахом, что от великой державы только перья полетят.

А пока наша «машина времени» припаркуется на обочине, на Шаболовке, где только что образовался «Экран», и мы все полны решимости реализовать себя.

Венечка принес заявку на «Ситцевый городок». Дело в том, что в текстильных поселках образовалась дырка. Они заполнялись в основном женским населением, а ребят катастрофически не хватало. По этому поводу сочинялись песенки, писались пьески, дошло дело и до телевидения.

Веня предлагал снять настоящее «проблемное кино». Одна группа – Хубов и Голдовская – отправилась в Иваново. А я поехал на рекогносцировку в Камышин, на Волгу.

КАМЫШИН

В первый же день узнаю потрясающую вещь. В этом году старинному русскому городку, который устроился по течению ниже Саратова, исполняется 300 лет. Махонький городок в последнее время разросся за счет гигантского текстильного комбината. И все проблемы тут были напоказ. Но меня осенила другая мысль. А что если все эти женские истории положить еще и на праздник города?

Я помчался в исполком с вопросом: как они собираются отметить юбилей города. Местное начальство ответило коротко:

– Проведем юбилейную сессию и откроем памятник на берегу Волги.

И тут меня понесло! Ну точно, как Остапа Бендера в Васюках.

Я расписал обалдевшим чиновникам, как можно устроить праздник города, чтобы позавидовала ему вся Россия, а может быть, и весь мир.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Надо сказать, что в те времена никаких городских юбилеев не праздновали. Отмечали 1 мая и 7 ноября нормальной демонстрацией. А я предложил устроить ярмарочное действо.

Чиновники сначала испуганно хлопали глазами. Но положение в городе было настолько безвыходным и народу так необходим был праздник, что через час моей пламенной речи они согласились. При условии, конечно, что с ихнего крохотного бюджета денег не потребуется и всю организацию праздника телевидение возьмет на себя.

В Москве Венечка тут же отказался от этой «авантюры». Но быстро нашелся Радик Кушнирович, которому эта сумасшедшая идея пришла по душе.

Начальство в лице мрачного директора Дмитрия Большова препятствовать не стало.

Может быть, наш напор был так велик, а Большов чувствовал себя не в своей тарелке? На телевидении (так же, как сейчас) попадались люди случайные. Надолго они не задерживались.

Слава Богу, над Большовым был еще ГАИ.

А Георгий Александрович Иванов всегда мечтал удивить мир вахтанговским спектаклем. Он сразу оценил нашу затею.

Мы с Радиком бросились придумывать сценарий «Ярмарки». Нашли «массовика-затейника», который должен был нам помочь поставить город с ног на голову.

До праздника оставался еще месяц с гаком. И так вышло, что в июле я успел побывать на фестивале в Чехословакии.

Тут необходимо вспомнить «пражскую весну», которая особым образом повлияла на всю камышинскую эпопею. Я еще не понимал, что хочу сделать. И понял только в Праге.

ПРАГА

Когда собирали делегацию на фестиваль, «станции» нас, конечно, просветили: в Чехословакии к власти пробрались «чуждые элементы», не исключены провокации и т.д. Нас просили поучаствовать в идеологической борьбе. Желающих нашлось много.

Москва грозила кулаком, а мы недоумевали. Ведь по нашим понятиям, чехи жили очень даже хорошо. Прилавки ломались от товаров и продуктов. Пиво – без очереди. За чешский хрусталь можно было душу отдать. «Шкода» и «татра» – лучшие машины. Так какого еще рожна надо? Живи и радуйся. На кой черт им еще какая-то контрреволюция?

Очень хотелось посмотреть все своими глазами.

Я уже был в Праге, на прошлом фестивале.

Вацлавская площадь, Карлов мост... Черепичные крыши, башенки, узенькие улочки с бульжной мостовой. Сказка! Игрушка!

Лучше, чем Прибалтика. Для нас тогда это был главный критерий.

Но меня всегда мало волновали декорации. Я жил в шекспировском театре – на голой сцене.

По кривым улочкам Средневековья витал демон свободы. Это пьянило всех, не только меня. Замечательный документалист Витя Лисакович прилетел

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

сюда прямо из Англии. Я помню, он сказал: «По сравнению с Прагой, Лондон – скучный город». У нас на курсе учился Душан Спачел, а на младшем – Сденек Млынарж.

Славные ребята.

Ну кто знал, что Душан станет замминистра иностранных дел, а Сденек – идеологом «пражской весны», одним их авторов «социализма с человеческим лицом». Кто знал, что его товарищ по курсу Михаил Горбачев вообще изменит ход истории! А мне поручат сделать первый фильм о первом Президенте.

Стоп, машина! Не стоит забегать вперед.

Я как-то привык видеть чехов сдержанных, неулыбчивых.

Чех всегда в галстук и начищенных ботинках. Серьезен и аккуратен до противности. Не славянин, а вылитый немец.

И вдруг я увидел совсем других чехов и совсем другую Прагу.

На Карловом мосту орудовали художники. Какие удивительные образы рождались на мостовой. На улицах и площадях разыгрывались целые спектакли. Народ пел, плясал, веселился от души.

В университете новоиспеченные журналисты давали клятву – говорить и писать правду, только правду, ничего кроме правды.

Сережка Муратов потащил меня к Милошу Форману. С нами переводчица. На всякий случай, если чех не говорит по-русски. Еще в прошлом году, в Праге всюду звучала русская речь. А в этом как будто все забыли. Даже в магазинах никто не понимал

наш великий и могучий. Мы знали этот фокус по Прибалтике.

В однокомнатной квартирке нас встретил вылитый «американец». В джинсе и сабо на босу ногу. Мне показалось, что он совершенно не рад нашему приходу. Форман только что снял полуигровую документалку «Черный Петер» и ходил в «молодых гениях». Через несколько лет, уже в Америке Форман снимет действительно гениальную картину «Полет над гнездом кукушки».

Жалею, что не вслушивался в умный разговор, который затеял Сережа Муратов через переводчика. Форман делал вид, что ни слова не понимает по-русски. Меня больше занимала его надменная поза и подчеркнутое негостеприимство. Вот тут я понял окончательно – отношение к нам изменилось.

Раньше нас любили, а теперь откровенно не любят. Как же так? Ведь совсем недавно мы спасли их от фашистов. И сколько русских полегло в этой земле, чтобы сохранилась Злата Прага!

В расхристанном мире ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

Вечером в гостинице мы устроили дружеский прием чешских кинематографистов. Как положено – водка, икра. Форман не пришел, зато с девицей явился некий Поцовский. Я почему-то решил, что он ихний Марьямов – оргсекретарь. Поцовский меня поправил: – Не Марьямов, а Караганов.

Александр Васильевич Караганов был главный идеолог нашего Союза. Так что Поцовский сразу объяснил, с кем мы имеем дело. Вечеринка шла по-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

домашнему. Говорили откровенно. Помню, как Поцовский встал для тоста и вдруг закатил слезную речь:

– Мы боимся ваших танков...

Я принялся разубеждать наших чешских друзей. Ну почему они думают, что мы будем давить счастливый народ. Наоборот. Вы показываете хороший пример, как должен выглядеть «настоящий социализм».

– Русские любят сами показывать пример и не любят, когда это делают другие, – с пафосом заявил Поцовский.

Я и мои товарищи клятвенно уверяли, что никогда наша славная Советская армия не будет воевать с Прагой.

– Мы дали вам свободу, и никто ее у вас теперь не отнимет.

Мне до сих пор немножко стыдно за ту свою пламенную речь. Но я думаю, что вожди «пражской весны» нам тогда не поверили. Атмосфера сгущалась не по дням, а по часам. Только мы, доморощенные политики, в это никак не могли поверить.

– Зачем мешать людям жить, как им хочется? Ну не «нравится» русский социализм, построенный по заветам Ленина товарищем Сталиным. Нам самим он пока тоже не очень нравится. Вот чешский опыт и поможет России выйти на «светлый путь».

– Вы ведь не сомневаетесь, что в принципе Карл Маркс прав?

Они не сомневались в принципе. Но верных ленинцев боялись.

Конечно, я теперь понимаю: они в тайне рассчитывали, что Запад им поможет. Чудаки, ей-богу!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СПЕКТАКЛЬ БЕЗ АНТЕРА

Жертвовать собой ради блага всего человечества согласен только русский «дурачок». В этом наше горе и наше утешение.

До чего же трудно дается эта самая странная из наук человеческих – политика – простому смертному! Не иначе потому, что политика не божеское изобретение, а игрушка Дьявола.

Как ни дави, а нутро все равно проснется. Вот она идея для Камышина – раскрепостить народ праздником!

На фестивале тоже было событие. Чехи показали фильм «Инзерат» («Объявление»).

Двое журналистов придумали такой острый социальный сюжет. Дали объявление в газете: «Меняю «фиат» на ребенка».

Сняли обыкновенную квартиру, оборудовали ее скрытыми микрофонами и стали ждать посетителей. Через некоторое время в квартиру постучались:

– Почему вы хотите поменять своего ребенка на машину?

– Ребенка родить я еще смогу, а машину купить – нет.

– Я хочу дать своему ребенку приличное образование и вообще устроить его судьбу. Судя по тому, что у вас есть лишние деньги, я могу не беспокоиться за его будущее...

Ответы посетителей были самые разные. Но все они создавали впечатление неблагополучия, свидетельствовали о моральном обнищании общества. После показа этого фильма по телевидению народ вышел на улицы с требованием перемен. Оказыва-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

ется, богатая, на наш взгляд, Чехословакия переживает глубокий кризис. Они хотят жить «как там», а работать «как здесь».

В Праге происходило то, что случилось у нас только через двадцать лет. Здесь на наших глазах вынули первый камешек из Берлинской стены. Но это мы поняли потом. А пока нам хотелось увезти домой частицу «пражской весны». Может быть, впервые мы ощутили это состояние невесомости:

Ух ты, ах ты!

Все мы – космонавты...

ЯРМАРКА

Ватагу скоморохов мы быстро набрали из местной самодеятельности. Ребята с радостью напялили на себя белые холщевые рубахи и порты. У кого-то нашлись лапти.

Наша художница разрисовала им смешные рожицы. Разучили тексты, пляски. И пошли в атаку на спящий город.

Утром на съёмочной площадке я узнал, что наши танки вошли в Прагу.

Я, конечно, решил, что «кина» не будет, а начнется третья мировая война.

Председатель горисполкома успокоил.

– Брось! Никакой войны. Пошумят и забудут через два дня. А у нас знаменательная дата. Триста лет – не шутка. Работайте спокойно...

Насчет войны – он оказался прав. А вот что «пражская весна» сама явится в Москву осенью 91 года, никому и в голову не могло прийти.

А если бы пришло?
Наверное, мы жили бы уже в другой стране. В Праге
заварилась эта каша...

КАРТИНА

Сначала я хотел сделать фильм без дикторского
текста.

Не из пижонства. А для обобщения.

Мол, случилась такая «петрушка» в одном русском
городке. В конце объясниться со зрителем в титре.

Не дали.

– Еще чего! Какие там обобщения! Мало ли что
народ подумает...

Главное, конечно, что подумает инстанция!

Пришлось выстроить пролог, исключив всякое
инакомыслие.

Чтобы совсем не испортить кашу маслом, напи-
сали текст в сказочной манере:

– По течению ниже Саратова, там, где малая
речка Камышинка отдает воды своей великой Волге,
примостился к берегу Камышин-городок. Не
велик, да знатен. Есть о нем даже в летописи
строка...

И тут ниоткуда появляется ватага скomoroxов. С
криком и пляской они начинают собирать народ на
праздник.

Из окон своих избушек выглядывают удивленные
жители. Что к чему – не понимают. На памяти войны,
революции, драки, скандалы. И свадьбы случались, но
чтобы вдруг да скomoroxи!..

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

*Граждане! Горожане!
Пришлые и прирожденные камышане!
Слушайте. Слушайте!
Нашему Камышину – триста лет!
По такому случаю постановил горсовет:
Праздник на весь белый свет!
Бал, карнавал, ЯРМАРКА...*

Босоногая малышня тут же разглядела нашу камеру и включилась в игру.

Раскачать город, задвленный бытовыми заботами и комплексом половой неполноценности, было совсем не просто.

Наш «затейник», привезенный из Москвы, только и мог сварить компот из «пяти орденов комсомола», который он в очередной раз поставил на городском ста-

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СПЕКТАКЛЬ БЕЗ АКТЕРА

дионе. Мы и снимать эту мутотень не стали. Но других массовиков тогда в стране не было.

Пришлось все придумывать самим по ходу дела. Ватага скоморохов помогала нам изо всех сил.

Вот кто был счастлив безоговорочно! Они и жили теперь с нами, и участвовали во всех сценах, где вовсе и не снимались.

Но разве смогут что-либо сделать эти милые работы, если в народе замурована память?

По ночам я сопел в подушку, вспоминая веселую Прагу.

Сомневались мы все, пока не вывели однажды нашу ватагу на обыкновенный колхозный базар.

Случилось чудо.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Только что хмурые покупатели отчаянно торговались за каждую копейку.

А бабки обороняли свой товар от непрошенных гостей. Вдруг вся площадь стала дыбом. Под звуки неизвестно откуда взявшейся гармошки закричала, заиграла до того момента безликая толпа.

– Кончай базар, раздавай товар! – вопили скоморохи.

Прямо с купленными галошами, с нагруженными авоськами, не жалея ног, пошли в пляс камышане.

Целые лотки с яблоками полетели в скоморохов. Заглохли трубы, доверху забитые дарованной снедью.

Оказывается, был на Руси такой обычай!

Виталий Чупин и Александр Щавлев снимали, не выключая камер. Пока не кончилась вся пленка.

На такой успех мы не рассчитывали. Потом на

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СПЕКТАКЛЬ БЕЗ АКТЕРА

экрane мы увидели только малую толику из того, что случилось на наших глазах. И то хлеб!

Может быть, сейчас ничем удивить нельзя. За последнее время страна сделала столько кувырков. Такие цирковые номера выкинула История!

А вот на советском пейзаже, где пятьдесят лет вытравлялась из сознания «национальная гордость великороссов», появление символов древней Руси было полной неожиданностью.

Это придурь народная. Дохристианская цивилизация. На улицах закатывались петушинные бои. Стены общежития сотрясали споры. Целые роты женихов с песней маршировали по городу. Какие трогательные исповеди девушек записала наша камера!

– Небылица в лицах – небывальщина! Небываль-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

щина! Неслыхальщина! – двусмысленной улыбкой завершал игру главный скоморох.

Не понимаю, откуда брались силы у моего бесстрашного ассистента, рыженькой Вали Ковалевой. Но для всех нас это была не работа. Это был праздник, оставшийся в памяти навсегда.

МОСКВА

На первом же просмотре фильма на меня посыпались обвинения. Большов обозвал меня политическим хулиганом и антисоветчиком. Честно говоря, я растерялся. Хотя время было напряженное из-за событий в Праге, но мне казалось, что я ловко ушел от политики и сделал просто веселую документальную комедию. Но «пуганая ворона – куста боится».

Сейчас я думаю, что не такой уж простачок был этот Большов. Звериное чутье партработника подсказывало ему, что в картине есть тяга к свободе русского человека. Недаром наши правители так сурово обходились со скоморохами.

Это смачно показал Тарковский в своем «Рублеве», который вышел на экран только через два года после нашей «Ярмарки». Но сценарий я уже знал. Дома у Сережи Муратова нам прочитал его сам Андрей. В Хавском переулке, рядом с Шаболовкой. Вот видите, как тесен мир!

Хижина Сережи Муратова – в двух шагах от Шуховской башни. Дома давно уже нет. И улица теперь называется по-другому. Но ведь дух не исчезает бесследно. Здесь еще витают знаменитые тени.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СПЕКТАКЛЬ БЕЗ АНТЕРА

Две комнатки в деревянном доме. Почти без мебели. Гипсовая лошадка прискакала сюда из довоенного детства и стоит посреди комнаты. На колесиках...

Кто только не играл с этой лошадкой! Вся Шаболовка. Какие фантастические идеи витали в этом воздухе! Вот и знаменитый КВН родился здесь – Муратов, Яковлев, Аксельрод.

Никакого Маслякова и в помине не было. Можно сказать, тут билось сердце изначального телевидения. Тепло, уютно, весело.

Однажды Леня Золотаревский сказал:

– Вчера был у Муратика. С Валею Леонтьевой. Ничего особенного...

Так обрушилась моя голубая мечта...

Стоп, машина. Стоп!

Теперь назад полегоньку, в 68-й.

Спас меня от Большова опять Г.А.И. Он сказал, что в картине здорово показана самодеятельность и ничего антисоветского в ней нет.

Тем не менее, мне пришлось из готовой картины вырезать под присмотром главного редактора Стелы Ждановой двадцать минут самого сочного материала. Мой любимый монтажер Наташа Захарская просто плакала.

Пришлось убрать и поливальные машины, которые шли строем, смывая с асфальта последние следы праздника.

Небывальщина, неслыхальщина...

И все-таки грусть по России, широкая душа русского человека, измочаленная марксизмом и все же открытая для радости, сохранилась. Конечно, не все можно объяснить словами.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Но образ – это такая хитрая штука, которую, как ни обрежь, если сердцевина цела, то и мысль невидимо дойдет и дорисует картину в сознании зрителя.

А пересказывать картину, мне думается, скучно. Ее надо пересмотреть. Причудливая мозаика сохранила до сих пор и вкус времени, и характер эпохи.

Как часто повторял мой однокурсник в университете: мы живем в такое время, когда все идеи должны приходиться сверху.

Я подумал, подумал – и решил вступить в партию...

Вместе со мной вступал в Союзе кинематографистов Василий Соловьев. Фронтвик, правая рука Сергея Бондарчука, автор сценария по роману Толстого «Война и мир».

На приемной комиссии «старые большевики» просто зверствовали. Требовали цитаты назубок. Вася встал, опираясь на палочку, и сказал:

– Когда шел в атаку, у меня не спрашивали «основы ленинизма».

Приняли, как миленькие.

Меня тоже тузили. Раньше я боялся этого, как огня. Думал – повяжут по рукам и ногам. После Чехословакии захотелось делать телевидение с «человеческим лицом».

За двадцать лет в «Экране» я сделал много фильмов. О некоторых стоит вспомнить. Что было в кадре и что осталось за кадром.

ШАХТЕРЫ

Голос за кадром:

– Только что они были в лаве. Не остыли еще. Не проходит это сразу – напряжение всей смены.

А что было? Так, обычно. Ну, там головку транспорта завалило... В нижней нише стойки выбило... Порожняка не давали, это уж как водится...

А девяносто вагонов накачали. В общем, план есть.

Да... не отпускает лава. Держит. И так всякий раз после ночной смены, когда клеть летит, как сумасшедшая, с горизонта восемьсот восемьдесят на-гора...

Так начинается фильм «Шахтеры». А познакомились мы с нашими героями, можно сказать, случайно. Ездили по разным шахтам. Никак не могли остановиться на объекте будущих съемок. Были и на Трудовской как раз в тот момент, когда Иван Стрельченко поставил новый рекорд. Работали там люди хорошо. Но слишком уж часто снимали их разные корреспонденты. А это вредно, если задумываешь серьезную картину.

Нет, материал надо искать нетронутый...

Нам хотелось сделать фильм о простом рабочем человеке, не обремененном лишней славой.

И вот однажды сценарист Леонид Дмитриев вернулся после долгих дневных поисков, уставший от шахтерского гостеприимства, так сказать, ни жив ни мертв. Но в руках сжимал фотографию Петра Брухалья. Со снимка смотрел высоколобый большеглазый человек с застенчивой улыбкой.

Утром мы помчались на шахту. Брухаль еще не вернулся с ночной, так что познакомились сначала заочно.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Парторг шахты нам сказал тогда:

– Он не совершал подвигов. Нет у него и мировых рекордов, как у Ивана Стрельченко. Но вся жизнь Петра Мартыновича Брухаля на нашей шахте – это непрерывный двадцатилетний подвиг.

А редактор местной многотиражки добавил:

– Беритесь, ребята, не пожалеете. Народ в бригаде у него что надо.

Мы взялись. Потому что шахта была особенная. Потому что люди здесь работали, как на войне. И еще потому, что у Брухаля в жизни оказались такие чистые голубые глаза...

Вообще-то, в этой шахте по нормам техники безопасности снимать нельзя: шахта взрывоопасная, глубина больше тысячи метров, жара в лаве под сорок, повышенное горное давление. Недаром каждый день трясут пласт взрывами, предупреждая выбросы. Но берут они знаменитый смоляниновский уголь, по сравнению с которым любой другой уголь просто солома, как тут говорят.

Никто из документалистов никогда здесь не снимал. Нет даже фотоснимка в лаве. В самом начале, когда мы только приехали, какой-то молодой шахтер сказал: «Да не снимете вы ничего, порошу не хватит. Сделаете липу. Я этих фильмов во сколько насмотрелся в кино...»

Разговор запомнился.

Работу над сценарием начали с того, что провели в лаве с бригадой Брухаля смену. Сценариста и режиссера встретили под землей весело. Когда мы ползли на карачках из конца в конец лавы (а это более ста мет-

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СПЕКТАКЛЬ БЕЗ АКТЕРА

ров), задыхаясь от жары и откровенно испытывая ужас, шахтеры по-доброму над нами подтрунивали. Я бывал раньше в шахтах, но такого, как здесь, вообразить себе не мог.

Нас тогда поразили люди, наши будущие герои. Под землей, в работе, они ощущали себя настолько свободно, раскованно, настолько ярко проявлялись сразу характеры, что захотелось писать не очерк, а пьесу.

Бригада образовалась несколько лет назад, в особое для шахты время. Вот как об этом рассказал в фильме начальник участка Скоробрещук:

– Стоял вопрос: или закрыть Смолянку, раздать людей по другим предприятиям, или открывать новую лаву. Начали мы прохождение разреза. Сразу, с первых

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

шагов, очень большие выбросы. Люди сидят на поверхности. Передают: выброс. Где выброс? В четвертом западном разрезе.

Брухалю поручили создать бригаду и пройти этот разрез. Бригада слагалась из добровольцев. Таким образом, общность людей рождалась не посторонней волей, а по каким-то внутренним закономерностям, по родству натур.

Мы, документалисты, склонны обращать внимание на внешнюю общность людей (скажем, жильцы одного дома в большом городе), хотя в ней сочетание характеров часто случайно и не позволяет поэтому сложить цельный образ. Здесь же сама жизнь произвела отбор. И мы стали интересоваться не столько производством, сколько внутренним миром наших героев.

Все они гордились своим трудом, который и в самом деле не каждому по плечу. Им нравились эта размашистость и независимость, с которыми вынуждены считаться шахтерские семьи. По всем параметрам шахтерское дело их устраивало, и, что немало важно, они оказались в этом деле способными. А как же иначе формируются в наше время цельные натуры, если не в согласии дела и человека? Они с великим удовольствием пели давнишнюю песню композитора Флярковского:

«Только тот знает солнце и высокое небо, кто поднялся с утра на-гора».

Снимать синхронно шахтеров нелегко. Говорить они не мастаки. Оказавшись в непривычной среде, смущаются, и тут уж из них слова клещами не выта-

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СПЕКТАКЛЬ БЕЗ АКТЕРА

щишь. Необходимо было продумать в деталях технику съемки, чтобы не стращать людей камерой и микрофоном.

Мы оборудовали наскоро небольшой угол на шахте, повесили взятый в клубе занавес, оставшийся от новогоднего оформления. Там, я помню, зайцы, медведи и волки вокруг елки плясали. Вырезали в этом хороводе дырочку для объектива и спрятали всю киногруппу за занавес. На съемочной площадке остался я, свет был прицелен заранее.

И вот сидит рядом со мной Петя Брухаль, и мы разговариваем, как вчера разговаривали с ним дома, как позавчера на ставке (так называют здесь запруду, около которой любят отдыхать шахтеры). Никто не командует: «мотор!», камера включается и

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

выключается по условному сигналу. Так мы сняли основной синхронный материал.

Я заранее предполагал, как будет Брухаль реагировать на тот или иной мой вопрос. Я знал его реакцию. Какие слова он скажет, не знал, но их смысл и эмоциональный строй были уже предсказуемы. Как хорошо, что мы не торопились с синхронными съемками, откладывали их и начали снимать только после того, как люди к нам привыкли!

Мы приезжали каждый день на шахту, ставили свою камеру и... не снимали. Или снимали какой-нибудь пейзаж.

Мы выбрали для фильма часть бригады. Одно звено. Люди в этом небольшом общежитии показались нам наиболее характерными. Вероятно, они каким-то образом дополняли друг друга, были связаны между собой не только общим делом, но и каким-то внутренним расположением. Надо было довериться природе этого собрания разных людей и как-то психологически объяснить его в картине.

В них был азарт добытчиков. Если не ладилась работа под землей, они поднимались на-гора злые, как черти. При удачной смене никакая усталость их не брала – тут же на ставке праздник. А так как удачных смен было больше, то праздновали почти каждый день. Они жили по-мужски, но в них, как ни странно, сохранялось много детскости. И плакали, и смеялись они очень искренне.

Я помню, как на выбросе погибли два человека. Хоронила шахта. Был предпраздничный день, уже вывесили флаги и лозунги. В хмуром осеннем дне

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СПЕКТАКЛЬ БЕЗ АНТЕРА

медленно двигалась через весь поселок процессия. Гробы несли на руках. Впереди процессии шла девушка и обрывала цветы. Лепестки ложились на мокрую скользкую мостовую. Несли портреты погибших, потом венки. Когда поравнялись с шахтой, гробы подняли на вытянутых руках. Оркестр перестал играть. Слышно было только шарканье сотен ног по мостовой. Шли ровно, торжественно, молча.

Для семей погибших пустили шапку по кругу. Давали помногу, хотя и государство помогает семьям шахтеров полной мерой.

Я думал, что мрачная атмосфера несчастья еще долго будет владеть людьми на шахте. Ничуть. На следующий же день работали как обычно. Ругались, смеялись, про выброс молчали.

Понимая, что остродраматические события вряд ли придутся на съемочный период, мы решили построить фильм как документальную пьесу.

На окраине рабочего поселка, на улице Беранже (есть такая!), в доме № 28 проживала молодая шахтерская семья, Лариса и Володя Исаковы. Лариса работала медицинской сестрой. Захлебываясь от счастья, они рассказали нам, как переписывались целый год ежедневно, пока не встретились, когда Володя вернулся из армии.

Мы сняли их рассказы порознь, а потом соединили в параллельном монтаже всю сцену.

Лариса:

— Это было тридцатого мая в прошлом году. Я была па работе, дежурила в день. Только вернулась с адреса, как раз у дверей слышу голос диспетчера:

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

«Минуточку, минуточку подождите, вот она вернулась с адреса. Лариса! Тебя к телефону». Я подхожу, беру трубку: «Я слушаю...»

Володя:

– Я говорю: «Здравствуйте!» Она говорит: «Здравствуйте». Не узнала, что это я. Откуда ей знать, что я приехал! Я говорю: «Вы знаете, кто с вами говорит?» На «вы» начал...

Лариса:

– Слышу, мужской голос. Такой какой-то незнакомый показался мне сначала. «Лариса, это ты?»

Володя:

– Я говорю: «Это Володя». Она: «Ох, Володя...», и больше я ничего не слышал в трубку. Она или трубку положила, или не положила... что она делала, я не знаю. Я: «Лора, Лора, Лора...» Потом говорит: «Да, да» – и плачет, слышу, в трубку...

Лариса:

– Он говорит: «Это я. Я приехал». Я говорю: «Откуда ты?» Он: «Я уже из дома звоню, от соседки. Через пять минут буду у тебя».

Володя:

– Ну, я раз, вскочил, прибежал на трамвайную остановку, смотрю – трамвай.

Лариса:

– Я повесила трубку, все сразу на работе: «Лариса, что случилось?»

Володя:

– Ну, встреча знаете какая была! Я захожу в «Скорую помощь», она убежала в другую комнату... потом как выскакивает... Ой, боже!..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СПЕКТАКЛЬ БЕЗ АКТЕРА

Не знаю, смогли бы актеры сыграть такую сцену в кино или нет. Каждая деталь воспоминания переживалась Володей и Ларисой заново. Я думаю, что эпизода бы не получилось, если бы мы снимали их вместе. Они бы помешали друг другу.

Такие монтажные сцены кажутся мне сильным приемом в документальной пьесе. Тогда для себя я попробовал этот прием впервые.

В фильме есть еще один семейный эпизод. Мария Брухаль жалуется на свою женскую долю. С тех пор как Петр стал общественным деятелем, он мало уделяет внимания дому. (Петр неловко оправдывается).

Драматургически этот разговор должен был стать антитезой эпизоду со счастливой парой. Так

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

было в жизни, так мы старались показать и в нашем фильме.

Банальная для игрового кино ситуация в документальной форме партийному руководству в Донецке показалась неприемлемой. Как же так: герой фильма и вдруг неважный семьянин? Да и как может жена быть недовольной, если муж успешно продвигается по общественной линии?

Смешно? А нам было совсем не смешно. Помню, как один донецкий начальник говорил во время просмотра своей супруге: «Разве ты не такая же Мария Ивановна?» А потом все требовал, чтобы мы убрали этот эпизод из фильма.

Да, к документальному кино относятся иначе, чем к игровому...

А в работе Брухаль был действительно горяч и прекрасен. У него прорезывались прямо-таки чапаевские интонации:

– Ну вот, допустим, где-то зарубился комбайн, в нижней нише – трудное, плохое положение. Где должен быть бригадир? Вот там и должен быть бригадир! И показать, как надо подкрепиться.

Обаятельная, застенчивая улыбка. Голубые глаза. В чем-то сильный, в чем-то слабый...

Сложная штука человек! И надо показывать его таким, какой он есть на самом деле. Во всяком случае, в документалистике.

Брухаль:

– Я не знаю, почему и на работе у меня такой характер, и дома. Я не могу, когда медленно мне борщ дает Мария Ивановна, еле-еле подтягивает. Должно

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СПЕКТАКЛЬ БЕЗ АКТЕРА

быть все так: принесла борщ, чтобы он аж горел. Вот это работа! Я говорю: если бы ты в мою бригаду попала, я бы тебя выгнал. (Смеется.)

Параллельный монтаж – вообще главный конструктивный принцип в этой картине. Параллельно идут рассказы шахтеров о своей профессии, параллельно монтируются труд под землей и городской праздник в конце фильма и т. д. Композиция строится вне течения времени. Эпизоды не определяются в системе временных координат. Только единое пространство, единый круг действующих лиц. Пространственная композиция как раз очень нуждается в параллельном монтаже, чтобы было ощущение поступательного движения фильма.

Правда, для такой конструкции нужен постоянный импульс напряжения. В фильме он есть. Каждую минуту на шахте мог случиться выброс, и зритель об этом знает.

Весь месяц наш директор картины Захар Хотимский страдал. Пытался изготовить в мастерских световую гирлянду по правилам техники безопасности. Дважды мы спускали эту многопудовую гирлянду вниз. Приходилось несколько километров топать пешком по душным штолкам. Выбивались из сил. Но этот взрывобезопасный свет, как заговоренный, отказывался работать под землей.

Сроки кончались. Мы просто не знали, что делать.

Директор шахты уехал в отпуск. Решать должен был главный инженер Борис Севостьянов – человек смелый, бывший велогонщик.

И он сказал:

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

– Ладно, разрешу вам снимать с открытым светом. Только в моем присутствии. Если что случится – по крайней мере, отвечать не придется. Но вы особенно не дрейфьте. Мы воздуху дадим побольше, опытного дозиметриста поставим, проверять будем тщательно. Так что, если выброса не будет, все обойдется. А насчет выброса – это, как говорится, только богу известно...

Тут главный инженер коварно усмехнулся, вероятно, рассчитывая, что мы все-таки откажемся от этого сомнительного предприятия. Хотя нет, не знаю. Слишком уж здесь гордились тем, что снимается фильм не на какой-нибудь из известных шахт, а на скромной «17-17 бис».

Выброс случился около девяти часов утра. Мы только что приехали на шахту – и вдруг душераздирающий вой сирены.

У ствола мы оказались раньше горноспасателей. Вниз нас, естественно, не пустили. У входа в шахту столпился набежавший народ. Стояли молча.

Какая-то женщина отчаянно всхлипывала. Ее поддерживали, а она все пыталась сесть на землю. Говорили, что муж ее ушел в утреннюю смену.

Никто не знал еще, что там случилось. Вдруг кто-то заметил:

– Да вон он идет, чего ж ты...

По дорожке шла какая-то фигура в длинном черном пальто. Женщина как-то встрепенулась и побрела навстречу мужу. Они сошлись молча. Молча он взял ее под руку, и они пошли медленно от людей в степь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СПЕКТАКЛЬ БЕЗ АНТЕРА

Почему-то он, видно, не спустился со своей сме-
ной. Говорили: судьба...

Это было так страшно. Мы не снимали.

Я все время готовил группу к неожиданностям на
этой шахте. У нас всегда была в запасе пленка. Но мы
не были готовы к тому, чтобы снимать такой докумен-
тальный фильм.

Подробности о происшествии мы узнали от по-
страдавших спустя некоторое время. Этот материал в
картину вошел. Хотя с трудом.

А в самой лаве мы все-таки съемку провели. И с от-
крытым светом.

Во время съемки случилось несчастье прямо на
наших глазах. Стойка была плохо закреплена, обруши-
лась кровля, и тяжело ранило одного шахтера. Мы оста-
новились. А начальник участка сказал:

— Ребята, делайте свое дело. Ничего... У нас так
бывает.

Раненого вынесли из лавы. А мы продолжали сни-
мать, понимая, что второй раз никто нас сюда не пу-
стит, да и у самих вряд ли хватит смелости на это.
Больше всех старался наш директор. Он и свет держал,
и оператору помогал перезаряжаться прямо в лаве.

А на пленке эти кадры ни на кого впечатления не
произвели. Сколько раз показывали уже, как добывают
уголь под землей. И комбайн ходит, и крепь перестав-
ляют. Ничего особенного. Не объяснишь же зрителю
всей сложности съемки именно этих кадров.

Ну а специалисты-угольщики, посмотрев фильм на
своей конференции, не поверили, что мы снимали
смоляниновский пласт на глубине тысячи метров.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

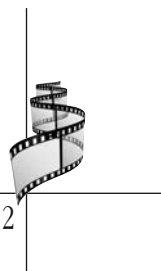
Решили, что это просто хитрость кино...

В документалистике так часто бывает: обыкновенное удивляет, а необычное кажется обыденным. Приходится помогать себе закадровым текстом. Да и то... Можно показать сноровку людей. Можно объяснить работу и технику. А черный, липнувший к лицу ветер? А каменный жар пола и кровли? Как тут покажешь, что все кругом дышит, потрескивает — и все-таки держится. Держится! Как объяснишь, что так вот не день, не два, а всю жизнь, кроме выходных? Ну и праздников, конечно...

Фильм с увлечением снимал Александр Летичевский. Храбро записывал звук Анатолий Шергин. Армен Джигарханян от души читал авторские монологи.

А для того чтобы стать документальной пьесой, фильму не хватило действенного сюжета. Он получился описательным, по конструкции остался очерком. Правда, по разработке характеров, как попытка выделить из документа типичное для строительства образа, это был для меня определенный шаг вперед.

Я делал картины, а картины делали меня.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МУЗЫКА ЖИЗНИ

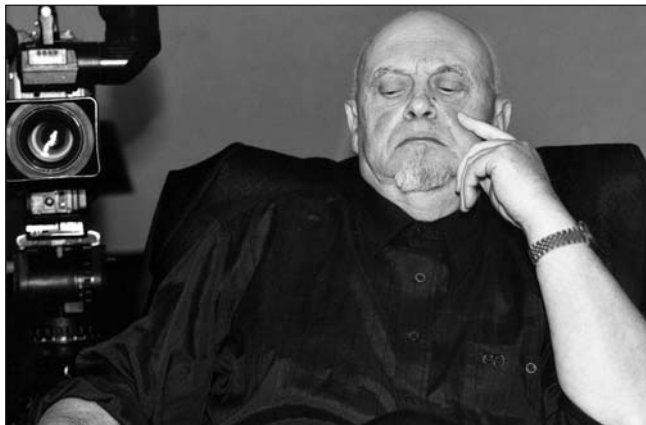
(ВЫЖИМКИ ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК)

Образ спит в документе. Его надобно разбудить...
Читаешь иной раз критические статьи и дивишься: «Авторы раскрыли перед нами образы современников... Режиссер воссоздал на экране образ...»

Ну нет, тут что-то не так! Неплохая картина, крепко сбитая, есть в ней любопытная информация. Но образ? Автор даже не покушался на него. Ему хватило внешнего события, общего плана, привычного взгляда на героя. Да большего и не требовала заданная тема. Должен признаться, что понимаю документальный образ более узко и никак не согласен на расширение этого понятия.

Конечно, любая художественная структура не обходится без нехудожественных элементов. С другой стороны, почему бы и в области экранной информации не использовать образность для усиления зрительских впечатлений? В наш век чего только с чем не соединяют! И в человеческое тело вживляют пластмассу...

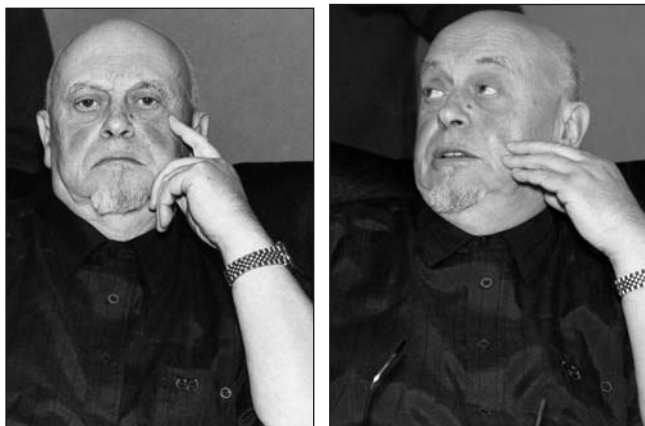
ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

И все-таки информация, публицистика должны строиться по своим законам, искусство – по своим. Там и здесь можно добиться превосходного мастерства, если следовать природе своего творчества, а не соседствующего.

Для меня звучащий экран – это просто новая знаковая система. Система общения двадцать первого века. Но так же, как слово устное и письменное само по себе еще не есть литературное слово, так и съемка – еще не художественное творчество. Образ на экране,

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. МУЗЫКА ЖИЗНИ

как и в старых искусствах, остается плодом живородящего сознания, а не техники. В том числе, конечно, и документальный образ.

* * *

Документалисты чаще стремятся к яркости, актуальности, плотности информации, чем к преобразованию документов в образные системы. Между тем, выразительность и образность – разные понятия. Введение в информационную структуру символов и других выразительных элементов не меняет

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

существа дела, так же как использование эпитетов или сравнений не превращает статью в произведение художественной литературы. Своеобразие материала, из которого строится документальный образ, не отменяет общих законов искусства, а лишь требует, чтобы мы приспособливали к ним свои возможности.

Есть ли противоречие между художественным образом и документом? Есть! Документ не несет эстетической оценки, точнее, она в нем второстепенна. Образ же воспринимается прежде всего эстетически.

Поэтому, строго говоря, документ и образ – понятия, противоречащие друг другу. Образ может быть убедительным, правдивым, достоверным. Но не чисто документальным, потому что в нем обязательно присутствует авторское «так я вижу». Только хроника еще может претендовать на роль «беспримесного» документа, фиксирующего объективную поверхность факта, облик факта. В этом принципиальное отличие информационных моделей, сколь бы ни были они сложны, от художественно-документальных.

Для рождения образа нужна вся алгебра гармонии. Образ явления, факта или какого-либо лица – это ведь то, чего никто не видел и не мог увидеть прежде художника. Внутренний мир не отпечатывается на целлулоидной пленке или магнитной ленте прямо и непосредственно. Лишь путем сложных построений (вот она, структура!) отыскивается форма его выражения. Потому-то документальный образ – уже не документ в полном значении этого слова. И я говорю «спектакль документов», имея в

виду, конечно, не фальсификацию жизни, а субъективное, личностное ее прочтение, документальный фильм как особый вид зрелищного искусства.

Каждый раз это удивительное состояние: только что ты полноправно распорядился материалом, перекраивал, переставлял, прибавлял, отнимал... И вдруг, именно вдруг, он начинает диктовать свою волю. Делай так, только так, никаких вариантов, никакой вольности – будто ты уже и не автор.

Образ – гармоническая система. В ней выверены и уравновешены соотношения внешних и внутренних признаков изображаемого предмета, частного и общего. Живая самодвижущая модель действительности! Я обращаю на это внимание еще и потому, что в документалистике эмоциональный выброс личности, единственный и не связанный с остальным, иногда понимается как образное решение. Я думаю, что образ содержит, скрывает в себе целостный мир изображаемой личности. Он передает предмет изображения объемно.

В структурах, тяготеющих к хроникальности, можно изменить их смысл и содержание, меняя объем информации. Образные структуры куда более стойки. До поры до времени всяческие операции на них не изменяют их содержания. Отсеченная часть остается в ощущении всего организма, поэтому можно восстановить по части целое. Условно говоря, в каждой монтажной фразе заключен весь фильм.

Иными словами, в образе всякое продолжение имеет код начала, то есть общий принцип отбора и

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

соединения элементов. Вот почему в образной конструкции изменение объема информации еще не означает изменения сущности.

Вместе с тем образ возникает в документальном фильме лишь на определенном уровне информации. Ее дефицит не дает видения, образного представления об объекте. Избыток ее может разрушить образ. Такая тонкая материя...

Образ живуч. Его жизнеспособность защищена еще и тем, что это система не законченная, не завершенная. У зрителя находится вторая часть «пароля». Образ достраивается зрителем. Так сказать, завершается в его восприятии. Причем ключ у каждого зрителя свой. Образ – резонирующая система!

* * *

В соединении документов важно обнаружить тот первичный элемент, который содержит в себе программу всей вещи или будущего образа. А дальше надо только, не насилуя материал, умело подчиняться этой программе, органично следовать ей. И тогда возможно чудо рождения живого образа из документов. У меня на поиски этого первичного элемента часто уходит основное время.

Пока образ не укрепился цельной конструкцией, он хрупок, способен омертветь при любом неловком движении. Но зато, когда он сформировался во всей вещи, можно делать с ним что угодно – он выстоит, выживет, дотянется до зрителя даже усеченной частью. Чудо какое-то! Но это и есть основное свойство образа, его отличие от любой внеобразной структуры.

Информационные модели часто строятся на основании «здравого смысла» и «бытовой последовательности». Образ из документов во многих случаях опирается на парадокс. И не ради оригинальности. Просто парадокс сразу показывает объем предмета изображения. Ведь тут вскрываешь не информативную функцию документа, а его поэтический смысл. Образ – всегда контраст, всегда борьба света и тени. Он рождается из внутренних противоречий документа. Соединение противодействующих сил. Синтез противоречий!

Противоборство сразу дает спектаклю документов объем, выявляет пространство, время и место действия. Недаром театр всегда требовал конфликта. Документы, чтобы дать образную конструкцию, должны столкнуться, а не сложиться.

Я бы сформулировал как правило для документалиста: хочешь получить образ – ищи конфликт. Найди ступок противоречий в одной клетке и расти его во все стороны – не ошибешься. Эта первоклетка потом может оказаться в любом месте картины. Для меня образ – система противоречий обязательно.

В документальном фильме образность часто ослаблена именно потому, что нечеток конфликт. Не проблема (это из терминологии публициста), а конфликт.

* * *

Но конфликт означает движение. Образ всегда в движении. Развитие происходит и внутри кадра и внутри эпизода, в пространстве и во времени картины. Один кадр, один документ образ составить не могут,

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

как бы они ни были прекрасны сами по себе. Происходит (должно происходить) накопление каких-то качеств, изменение.

Накопление эмоционального напряжения – едва ли не единственный путь построения документального сюжета. Хорошо, конечно, если есть у предмета изображения мощная фабула. Но чаще в документальном фильме ей взяться неоткуда. Сюжет здесь ближе к музыкальному построению. Вообще, сложение картины мне видится как оркестровая партитура. Изображение ведет основную мелодию. Вдруг она переходит к слову. От слова, может быть, к шуму, потом опять к изображению. Вот изображение и слово разошлись на два голоса. А вот все компоненты фильма слились в одном аккорде.

Самая увлекательная задача – найти архитектурный принцип строения картины. Не сразу, конечно, не вдруг появляется ощущение конструкции. Появляется чувство ритма. Не только в смене кадров, но и в движении от эпизода к эпизоду. И потом форма начинает диктовать свои условия. Я бы даже сказал так: форма начинает исследовать содержание – поднимает одни документы, отбрасывает другие... Настоящей, крепкой конструкции я очень доверяю. Она часто «чувствует» то, что не удастся выразить логически.

В игровом фильме архитектурный замысел более или менее ясен до съемок. В документальном он рождается часто вместе со съемкой, а иногда – только на монтажном столе. Но без архитектуры сложить образ из документов нельзя.

И еще: подлинно архитектурная форма фильма неповторима на другом материале. Умозрительно ее не создашь.

Документы документами, а форма – это ведь воплотивший себя на экране автор. Вот в чем штука... Бог не в содержании, бог в форме.

При образном решении всегда можно обнаружить эстетическую закономерность явления каждого нового документального звена в зависимости от предыдущего. Не просто логическую оправданность, а именно эстетическую закономерность. Она диктует не только движение сюжета, но весь темпоритм вещи. Скажут: сами документы диктуют. Так-то оно так. Но вот для меня правильная аналогия: ювелир берет камень, обрабатывает его и показывает нам то, что было скрыто природой. Он «проявляет» своей работой камень, действуя по закону красоты.

У каждого режиссера свой ключ к работе над фильмом. Для одного – слово, для другого – живопись, а для меня – все-таки музыка. Предпочитаю ощущение логики. Атмосфера для меня важнее самого действия, а недосказанное ценю выше сказанного. Мне кажется, в фильме должен быть элемент тайны, который раздражает, беспокоит, будоражит мысль и чувство зрителя. И это все справедливо, я думаю, для картины документальной так же, как и для игровой.

* * *

Я не доверяю мысль слову. Слово может «предать». В экранной речи при построении образа главное для меня – подтекст. И в документальном фильме можно управлять подтекстом слова. В этом, собственно, и со-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

стоит искусство режиссера при работе с синхронной камерой. Можно с помощью различных приемов провести через фильм определенную интонацию речи героя, которая ляжет на задуманный рисунок неигровой роли. При таком подходе режиссера больше интересует не то, что человек говорит, а как он говорит. Тут – поле режиссерской деятельности, а там – скорее редакторской.

Выбрать героя для спектакля документов – задача ничуть не менее сложная, чем найти актера на роль. Причем, во многом это работа аналогичная. Правда, в игровом фильме еще придет художник и «дорисует» актера. У документалиста таких возможностей нет, если он хочет остаться в рамках своего искусства. А герой тоже должен быть и выразительным, и типичным.

Я должен обязательно отыскать в герое нечто существенное для меня. Не всегда близкое, может, и враждебное. Но всегда мое. Потом, на экране, он станет частью меня самого.

Резонный вопрос: разве герой не существует сам по себе? Существует, конечно. В жизни. А в фильме – герой плюс я. У другого автора он будет иным. Мне приходилось в этом неоднократно убеждаться, когда о моих героях делали фильмы другие люди.

Можно ли в таком случае говорить о документальности картины? Можно, потому что я ведь не выдумываю ни героя, ни обстоятельств. Я предлагаю их толкование, как в портретной живописи.

Я знаю, многие документалисты чересчур полагаются на кинокамеру. Она, мол, сама проанализирует и сложит... По-моему, это заблуждение. Нет, докумен-

тальную реальность надо сначала разобрать до основания, а уж потом собрать.

* * *

В каждом человеке есть тайна – может быть, желание, может быть, мысль. Тайна эта скрыта от посторонних, иногда скрывается даже от самого себя. И вот мне кажется, что для создания образа необходимо, если не понять, то по крайней мере почувствовать ее. Живописный портрет способен передать тайну личности. Конечно, подробное изучение человека во всех его ипостасях подвигает к открытию этой тайны.

Уловить не сказанное, а мыслимое. Даже еще и не мысль, а лишь ощущение, настроение или в глубине скрываемый мотив того или иного действия. Вот задача для документалиста, если он хочет создать портрет.

Образ содержит тайну личности. Иначе это всего-навсего облик, а не образ. В отдельных ситуациях частица тайны вырывается наружу. Иногда можно создать такую ситуацию или пронаблюдать личность в острый момент.

ЧАСТНАЯ ХРОНИКА ВРЕМЕН ВОЙНЫ

К этой теме я шел издали.

Снимал боевых ветеранов в фильмах «Нам двадцать пять», «Сыновья». Монтировал боевую кинохронику, читал солдатские письма в одной из картин. Но все эти работы не дали возможности помыслить основательно над теми вопросами, которые мучили меня давно.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Пытаясь разобраться в душевных проблемах моего поколения, вступившего в сознательную пору сразу после войны, я постоянно оглядывался на людей, которые прошли фронт.

В жизни мы часто оказывались рядом, учились вместе, но все-таки они были другие. Между нами всегда существовала разница не в несколько лет, а в целое поколение. И чтобы понять и себя, и свое время, надо было обязательно осознать эту разницу. Не по чужим книгам, не по чужим картинам, а самостоятельно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. МУЗЫКА ЖИЗНИ

Вот почему я так обрадовался материалу, который предложил телевидению бывший командир партизанского отряда Михаил Сидорович Прудников в год тридцатилетия Победы. Документы, а главное, живые свидетельства современников позволяли рассмотреть войну не «общим планом», а как историю отдельных личностей, связанных одной судьбой. Так возникла идея «частной хроники».

Над картиной группа работала три года. Работала влюбленно и самоотверженно, потому что люди, с которыми свела эта работа, скоро стали

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

всем нам дороги. И потому еще, что мы изначально решились соревноваться в этой теме с игровым кино и, может быть, с театром.

Готовились и снимали долго. Конечно, многие вещи, как всегда в документальных лентах, открывались в последний момент на съемочной площадке и потом еще переиначивались на монтажном столе. Но все-таки основные решения принимались заранее, на стадии сценарной разработки.

Сначала картина задумывалась как полуигровая. События должны были не только описываться действительными участниками, но и восстанавливаться актерами. Однако оказалось, что студия документальных фильмов не в состоянии справиться с постановочными работами. При производстве игровых картин можно использовать документальный материал, а в нашем деле для привлечения актеров, художников не предусмотрены ни средства, ни нормы. Мне давно казалось, что пора раздвинуть рамки организационно дозволенного при создании документальных фильмов, как это уже блестяще сделано в «живом» телевидении. Но преодолеть существующие ограничения мы тогда не смогли. Расстроились ужасно. Правда, теперь я счастлив, что картина сделана без актеров в кадре и пришлось искать иные художественные средства.

Трехсерийной «Частной хронике времен войны» отдали свое профессиональное мастерство Ефим Яковлев, Марк Пинус, Евгений Васильев, Александр Голубев, Зинаида Ожиганова, Павел Лопатин, Юрий Мартиросов, Инна Логванева. Монтировала, как всегда,

Наталья Захарская. Ларису Ленскую герои нашей картины, бывшие партизаны, называли «начальником штаба». Так оно и было на протяжении всей работы.

Затись по фильму:

Пожилый человек в генеральской форме раскрыл толстую клеенчатую тетрадь.

– Это не тетрадь, это дневник. Дневник, который я вел на фронте, а потом в тылу немецко-фашистских войск ежедневно...

На столе записи, обрывки донесений, журнал боевых действий. Суровый гриф: «Совершенно секретно». Глухие удары ведут счет времени. На тетрадном листе в клетку проступает надпись — название фильма. И сразу...

Медленный проход в лесу вдоль заросшей траншеи. Разрушенная церковь. Пламенеют рядом с ней кусты бузины (как капельки крови – красные ягоды)... И рождается песня:

*Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещения похоронные,
И перестуки эшелонные...*

Горит деревня – черная деревня в красном контуре. Горит хлеб – черные колосья в красном контуре. Бегут люди – черные дымы в красном контуре. Пикируют самолеты – черная свастика в красном контуре. Мечется женщина, проклиная черное небо. Черная земля. Черное огнище в красном контуре.

*Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.*

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

*И погорельцы, погорельцы.
Кочуют с запада к востоку...*

Мы взяли эти жуткие кадры в хронике сорок первого года. Печатали особым способом. Изображение стало символическим, не потеряв своей документальности.

Ярость и гнев пожарищ. Падает на землю человек.

И тут же – обернулась черная земля золотым полем. Засветилось голубое небо. И встал навечно у края леса белый памятник с пятиконечной красной звездой.

Надпись на камне: «Здесь в период Великой Отечественной войны была сформирована партизанская бригада...»

*Как это было! Как совпало –
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало.*

И лишь потом во мне очнулось!..

Композитор Илья Катаев написал на слова известного стихотворения Давида Самойлова удивительную песню. Она стала лейтмотивом картины, дала, как мне кажется, новое измерение всему, что мы показали на экране. Никогда раньше не была столь драматична музыка в моих фильмах.

«Сороковые, роковые, Свинцовые, пороховые...»

Встали на лесной дороге крестьяне. В руках – хлеб-соль на белом рушнике. Торжественны и грозны лица бывших солдат.

*Война гуляет по России,
Война гуляет по России...
А мы – такие молодые!..*

Медленно проплывает список действующих лиц фильма. Все они — бойцы и командиры отряда особого назначения.

Москва. Раннее утро летнего дня. Солнце играет на мокрых тротуарах. Где-то вдали легко парит ажурная арка — довоенный вход на Сельскохозяйственную выставку.

Воздух чист и прохладен. Тишина в окружающем мире. Беззаботно и радостно щебечут птицы над головой. Медленно и спокойно издали приближается к нам прохожий. Мы пока не знаем, кто он. Но еще до того как успеваем разглядеть его лицо, по уверенной, прямой походке отличаем, несмотря на штатский костюм, военного человека.

Автор:

— Эта история составлена из прямых свидетельств очевидцев и участников событий, на основании личных документов. Факты представляются в их подлинной последовательности.

И песню, и текст от автора исполняет Валентин Никулин. Его особому драматическому дарованию многим обязана картина.

Титр: «22 июня».

Человек подошел к нам совсем близко. Мы всматриваемся в его лицо. Странное, непримиримое лицо, резкий разлет бровей, трагические черточки у молчаливых губ. Все это рождает напряжение. За кадром — глухой, временами задыхающийся голос комиссара отряда Бориса Львовича Глезина:

— Война застала меня на самой границе, в Западной Белоруссии. В четыре часа утра разрывы артилле-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

рийских снарядов на территории нашей казармы подняли нас по тревоге. Выскочив из помещения, мы увидели в июньском небе большую группу гитлеровских самолетов с черной фашистской свастикой на бортах. Пикируя, они сбрасывали свой смертоносный груз на жилые и другие объекты и вели непрерывный огонь из орудий и пулеметов. Стало ясно, что фашистская Германия напала на нашу Родину.

Протяжно звучат позывные Москвы:

*Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля...*

Улицы, площади, здания как бы застыли в утренней дымке. Сегодня точно так же, как и тогда... Генерал Прудников рассказывает в машине:

– Война застала меня в лагерях высшего пограничного училища. Ночью 22 июня раздался сигнал тревоги. Мы собрались в лесу, где нас ждала колонна автомашин с работающими моторами. На это мы все обратили внимание. Колонна быстро тронулась в сторону Москвы.

Машина с Прудниковым едет по Манежной площади, потом у гостиницы «Москва» сворачивает в сторону Большого театра...

И сразу – снятый до войны буквально с той же точки проезд по Охотному ряду.

Автор:

– Москва встретила капитана Прудникова еще мирным утром.

Прудников:

– Когда мы приехали, один из товарищей шутливо обратился к дежурному: «Как вы могли нас побеспокоить

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. МУЗЫКА ЖИЗНИ

в такое время! Ведь сегодня выходной!» Дежурный, помню, строго повернулся и говорит: «Шутки в сторону. Война!»

Кадры хроники. Мимо Кремля идут солдаты на фронт. Гремит марш «Прощание славянки». Как солдаты в строю, застыли зубцы кремлевской стены. Игрет бравурно духовой оркестр.

И в такт музыке, уже в наши дни, идет по стройке человек в сапогах. Это Борис Петрович Табачников – начальник одного из московских строительных управлений. А тогда...

С фотографии на нас смотрит глазастый мальчишка. Глухие удары отсчитывают время.

Табачников:

– Я только-только получил аттестат зрелости.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Помню выпускной бал, гулянье по Москве... А в этот день собирался с утра на дачу ехать. Ну, договорились с соседями, машину заказали. Где-то около десяти я побежал к ним окончательно договариваться. И вдруг сказали по радио, что будет передано важное сообщение... Потом мы услышали выступление Молотова... Я тут же побежал домой и застал маму. Она, я помню, стирала и плакала. Я спрашиваю: «Ты чего плачешь?» Она говорит: «Война...» А я говорю: «Ну и что – война?»

Есть люди, обладающие прекрасной эмоциональной памятью. Это качество сродни актерскому дарованию. Хотя и не сразу, Борис Петрович полностью уходил в воспоминания, извлекая из теперь уже далекого прошлого детали поистине драгоценные. Конечно, необходимо было иногда помочь ему настроиться. Но когда прошлое овладевало им целиком, тут важно было не мешать, не суетиться с вопросами. Тут надо было только слушать. И тогда его переживания становились нашими. Пленка это фиксировала безошибочно. Часто паузы играли красноречивее слов.

«Ну и что – война?» – произнес человек на экране.

А в ответ ему грозно и страшно прозвучал хор. И опять из небытия возникли ужасы пожарниц – черная смерть в красном контуре.

Только что у Табачникова было такое веселое и озорное лицо мальчишки, и вдруг в одно мгновение оно стало серым и растерянным.

Табачников:

– А буквально через час мне позвонила девушка, секретарь комитета комсомола нашей школы, и сказала,

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. МУЗЫКА ЖИЗНИ

что все мы, комсомольцы, призваны в военкомат – повестки разносить мобилизованным.

И снова хроника возвращает нас в атмосферу первых дней войны.

...Сумрачный свет едва проникает сквозь густые кроны деревьев. Рука осторожно коснулась тела березы.

Глезин:

– В первый день войны на одном из участков шоссе Волоковиск – Слоним после очередного налета вражеской авиации я оказался совершенно один в небольшой роще...

На фотографии немного удивленное лицо младшего политрука Бориса Глезина.

Глезин:

– Фашистские парашютисты начали проческу леса. Я присел пониже к кусту и с пистолетом в руке жду, когда ко мне ближе подойдет гитлеровец...

Мы попытались методом субъективной камеры передать обстановку действия. Откровенно говоря, несмотря на все старания оператора, кадр не получился. Что-то было в этом приеме ненастоящее, как мне теперь представляется. Какой-то рудимент, оставшийся от замысла «сыграть ситуацию». Видимо, не только актера трудно совместить с документом, но и «игровую» камеру. Думаю, что в актерском эпизоде эти переброски по деревьям под свист пуль были бы вполне естественны, а здесь они вдруг оказались чужеродными. В дальнейших эпизодах мы отказались от такого приема.

Глезин рассказал, как, попав в безвыходное положение, он решил на самоубийство и только случай спас ему жизнь.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Сложность эпизода состояла вовсе не в поиске изобразительного решения. Необходимо было сделать достоверной для зрителя ту давнюю ситуацию. Это важно было и для характеристики времени и для раскрытия образа будущего комиссара отряда. Убедить могла только исповедь, то есть высшая степень душевной откровенности. Но исповедь не терпит публичности.

Я убрал почти всех со съемочной площадки, максимально удалил камеру, спрятал микрофон. А главное, попытался найти такую тональность в общении с героем, которая позволила бы говорить о сокровенном.

Сдержанность, которая является основой характера Бориса Львовича Глезина, свойством натуры и следствием воспитания этого прекрасного человека, делала его особенно трудным для съемки синхронной камерой. Но монологом в начале картины я остался доволен. Там голос был записан отдельно, изображение снималось отдельно, и несинхронное совмещение оказалось действительно эмоциональным. А мы то привыкли думать, что синхронная камера «лучше» немой. Оказывается, не всегда.

17 июля... Этот день ничем не отмечен в анналах истории, но для героев картины он стал поворотным моментом в их судьбе. В тот день, еще не зная друг друга, они пришли на стадион «Динамо», где собирались добровольцы.

Табачников:

– Меня пригласили в Сокольнический райком комсомола, а потом послали в ЦК комсомола. Там со мной беседовали серьезные, разбирающиеся, видно,

в психологии молодого человека люди. Сказали, что подхожу для службы в специальных каких-то частях, которые формируются только из добровольцев – комсомольцев, спортсменов, московских студентов. И что, если я согласен вступить в такую часть, я должен поехать на стадион «Динамо». И вот я уже не помню, на каком транспорте, но очень быстро добрался от Ильинских ворот сюда...

Мы снимаем этот эпизод на пустых трибунах стадиона. Каждого из участников расспрашиваем отдельно. Общий рассказ должен получиться на монтажном столе. Всякий раз перед интервью на какое-то время оставляем человека одного. Вижу, как обстановка стадиона, мало чем изменившегося с довоенной поры, им помогает. Они вспоминают не вообще, а конкретно, и эта конкретность рождает волнение.

Файнгелеринт:

– Приехал на метро. И, по-моему, вон там, у первой станции вышел... Здесь уже была большая толпа. Вот в этом здании, где общество «Динамо» находится, заседали комиссии. Врачи по кабинетам... Их было много... Очень просто, ничего праздничного, ничего торжественного не было. Война же шла, не до праздников было. (Усмехнулся.)

Калошин:

– Я рассказал о себе. Сказал, что работаю на московском мотоциклетном заводе испытателем. А председатель комиссии мне вдруг говорит: «С такой специальностью в армию не возьмем». Я очень расстроился, хотел уходить домой и в этот момент увидел своего

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

товарища по школе Валентина Никольского. Он мне говорит: «Эдик, ты чего такой расстроенный?» Я рассказал, что меня не берут. Тогда он говорит: «Не падай духом. Завтра пройдем. Завтра обманем, а пройдем...»

Файнгелеринт:

— Мы сразу со Шмыловским договорились. У меня зрение хуже, чем норма, а он был менее здоров, чем я, внешне. Так мы сообразили: я пошел к терапевту вместо него, а он — вместо меня к глазнику.

Большой, грузный человек, милый и необыкновенно мягкий, такой типично штатский, близоруко щурясь и несколько смущаясь, рассказывает начало своей военной истории. Как-то не сразу верится, что перед нами — бывший комсорг партизанской бригады, взрывавший вражеские эшелоны, убивавший врагов в ближнем бою. Невольно подумалось: какая же сила любви и ненависти вложила в эти добрые руки оружие!

Друза:

— После того как мне выдали документы, я поехал на завод и встретился в проходной с женой. Я сказал ей, что ухожу в армию. Мы шли некоторое время молча. Потом она сказала: «Если бы ты не пошел в армию, я и разговаривать с тобой не смогла бы».

Каждое новое лицо мы представляем зрителям фотографией того времени, о котором идет речь.

Так выстраивается в нашем фильме своеобразная портретная галерея. Эти карточки, переснятые, как правило, со старых удостоверений, дали неожиданно много. Особенно повезло с фотографией Колошина. Он сфотографировался, оказывается, как раз 17 июля.

Калошин:

– Я схватил то, что мне выдали здесь: гимнастерку, брюки, шинель, пояс, пилотку, вещмешок с запасом продовольствия на двенадцать дней, и пошел к парикмахеру, который меня тут же остриг «под Котовского». И когда я надел пилотку, чтобы сфотографироваться, то увидел, что она мне как раз до ушей...

Галерея лиц. Люди они сейчас несхожие, жизнь давно их развела по разным дорогам. И говорят они очень по-разному. Было совсем не просто свести их монологи в единый рассказ. И все-таки он получился – не только благодаря общему месту действия, но главным образом потому, что удалось воскресить в этих людях настроение, которое владело ими в тот трудный час сорок первого года.

Табачников:

– Пришел домой. Дома никого не было. Мать была на работе. Война-то шла уже месяц почти, все работали днями и ночами... И я обнаружил на столе свою фотографию. Не знаю, может быть, мать готовилась взять ее с собой? На обороте этой фотографии я написал. «Это я, мама, ухажу на фронт. Немцы меня будут помнить». (С трудом сдерживает вдруг подступившие слезы.) Вот так кончилась моя юность и для меня началась настоящая война.

Оператор медленно повел свою камеру по пустым трибунам, а потом вышел на самый общий план. Огромная чаша стадиона. Торжественно прозвучал хор:

*Как это было! Как совпало –
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало*

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

И лишь потом во мне очнулось!...

Очнулось! Очнулось...

Счастливая идея пришла композитору Илье Катаеву: вся музыка в фильме звучит лишь в хоровом исполнении. Даже оркестровые, по существу, куски даны голосами. Возникает некое единство синхронных монологов действующих лиц и закадрового музыкального сопровождения, усиливая тему и настроение народной трагедии. Я просто не представляю себе нашей картины без этой песни и без этого хора:

Сороковые, роковые

Свинцовые, пороховые...

Суровые скорбные лица бывших солдат. Замерли люди у Вечного Огня.

Среди них мы видим наших героев.

Выстрелы. Стрельбище Динамо под Москвой, в Мытищах.

Телегуев:

– Военная подготовка сначала велась как бы в спешке. То есть чувствовалось, что мы скоро должны вступить в дело. Нам никто прямо не говорил о том, к чему нас готовят и как будут использовать. Мы были готовы ко всему, но процесс подготовки наводил нас на определенные предположения. Еще в Центральном комитете, когда решался вопрос, зачислить или не зачислить меня в эту часть, спрашивали: умею ли я ориентироваться ночью, могу ли стрелять снайперски, ходить на лыжах. Потом сама подготовка на стрельбище тоже была не обычна для простой воинской части – нас учили подрывному делу. Все это заставляло нас думать, что часть необычная. Еще одно обстоятельство

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. МУЗЫКА ЖИЗНИ

говорило, за то, что нас готовят выполнить какое-то особое задание – рядом с нами располагалось подразделение политэмигрантов...

Мы снимаем торжественный сбор ветеранов бригады особого назначения. Увидим радостные, разгоряченные встречи лица людей. Среди них поляки, болгары, испанцы... Услышим легендарную песню «Бандьера роса» и прочтем на мраморной доске слова: «Здесь, на стрельбище «Динамо», в первые дни Отечественной войны формировалась отдельная мотострелковая бригада особого назначения, личный состав которой героически сражался на фронтах и в глубоком тылу противника». А Евгений Телегуев скажет:

– Войну мы представляли себе очень упрощенно. Думали так, вот выведут на позиции и скажут: «Отсюда отступать нельзя». Потом будет бой. Может быть, два-три боя... Или я выдержу, или погибну. О том, что придется воевать долго, столкнуться с невероятными трудностями, огромными переживаниями, голодом, холодом, такого понятия у нас не было...

16 октября... Эта дата памятна, вероятно, многим, особенно москвичам. Тяжелый для обороны Москвы день. Именно в этот день наши герои в составе батальонов ОМСБОН (отдельная мотострелковая бригада особого назначения) вернулись из Мытищ в столицу, чтобы защитить ее или умереть в ней.

Мы раскрываем военную карту полковника Иванова, где он красным карандашом утром 16 октября отметил участки обороны: Пушкинская площадь, Садовая, Белорусский вокзал.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Хор берет несколько тяжелых мощных аккордов. Кадры хроники осадной Москвы. Солдат у зенитного орудия на Ленинградском шоссе...

Генерал Прудников рассказывает на площади у Белорусского вокзала:

– Батальон получил боевую задачу организовать оборону вот этого района города. Передний край обороны проходил по черте вот этих зданий. Командный пункт батальона находился вот в этом трехэтажном здании, где раньше была аптека. Вдоль Бутырского вала проходил противотанковый ров...

Друца продолжает рассказ на Пушкинской площади:

– Нам выдали полный комплект боеприпасов. У меня был пулемет Дегтярева, три снаряженных диска, гранаты. На случай прорыва танков противника мне было приказано занять боевой пост на углу Мамоновского переулка. Там есть на втором этаже маленький балкончик с цементным барьерчиком.

Табачников на углу Малой Бронной:

– Я получил приказ занять здесь огневую позицию, и эта позиция должна была быть последней. Дальше нас немец пройти не должен был. Пришли мы с ребятами сюда, зашли в одну из квартир. Там две девушки сидели, такие замершие, а мы тут с гранатами, с пулеметами... Конечно, им не по себе стало. А мы сказали спокойно: «Ну, девчата, раз мы пришли, можете быть уверены – немец сюда не пройдет».

Мы старались снимать не только в тех же местах, но и в те же числа. Это был принцип картины. Было холодно, Табачников мерз и, несмотря на мирную

обстановку нынешнего дня, кажется, совершенно ясно видел себя и своих товарищей на улице сорок первого года!

– Вот этот балкончик нам очень понравился. Можно было установить пулемет. А если танки пойдут, сверху гранатами кидать. Правда, нас предупредили, что танки могут быть закрыты сетями. Но мы свой рецепт тут придумали: сначала противопехотную бросать гранату, с задержкой вырыва кольца, чтобы порвать сеть, а потом уже бить противотанковой.

Друца на Пушкинской площади:

– Я обратился в этот день к замполиту с просьбой принять в партию. Ответ был несколько неожиданным для меня. «Ты, – сказал замполит, – напиши бумагу: если убьют, прошу считать меня коммунистом. И положи бумагу в карман...».

Табачников на Малой Бронной:

– Ни для кого не было тайной, что фашисты в каких-то сорока километрах от города. Но у нас, вот у меня и моих товарищей, не было никакой боязни чего-то. Наоборот, было какое-то романтическое настроение. Я помню, мы шли по улице и пели «По морям, по волнам. Нынче здесь – завтра там. По-о морям, морям, морям...»

Борис Петрович поет замерзшими губами песню, счастливо и звонко. И тут же хор подхватывает ее.

В киноархиве нам удалось отыскать кадр, где часовой с винтовкой шагает прямо по заснеженной осевой линии улицы Горького в октябре сорок первого. И песня совпала с чеканным шагом этого солдата.

7 ноября мы снимаем парад на Красной площади.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

На трибунах наши герои рассказывают об этом дне сорок первого года.

Константинов:

– Седьмого числа нас подняли ранее обычного. Такое было состояние, что что-то должно произойти. Никак, конечно, мы не могли предполагать, что будет парад. Скорее всего, ожидали отправки на фронт. И поняли мы, что будет парад и что мы будем участниками этого парада, только тогда, когда наш отдельный батальон вступил на Красную площадь.

Бадоев:

– Стали вот здесь, напротив Мавзолея. Стоим и думаем: кто же будет принимать парад? Мы накануне читали листовки немецкие, что в Москве нет уже правительства, что Буденный у них в плену... И вот мы видим: ровно в восемь часов из Спасских ворот выезжает Буденный на рыжей своей лошади. Длинная кокарда у лошади, белые чулки...

Мы просили всех вспоминать события как можно детальнее, как можно подробнее. И наши герои старались выполнить эту просьбу. Не всегда получалось с первого раза. Приходилось останавливать камеру и переснимать.

Бадоев:

– Буденный объехал строй, потом подъехал к трибуне, сошел с лошади, доложил правительству...

Константинов:

– Видимость была очень хорошая. На трибуне стояли руководители партии во главе с Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Вдруг я услышал какую-то приглушенную речь. Сначала было непонятно, кто го-

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. МУЗЫКА ЖИЗНИ

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

ворит. Потом почувствовали: да это ведь он, Сталин! Обращается к нам, участникам парада...

Последние фразы Константинов произносит с особой интонацией. В этом – характеристика времени. И только после его рассказа мы воспроизводим исторические кадры парада на Красной площади 7 ноября 1941 года. А Константинов комментирует эти кадры:

– Развернулись, пошли колонной. Шеренга была тридцать два человека. Я в шеренге – четвертый справа. Вот проходим. Рядом трибуна, рядом Мавзолей... Нас приветствуют. С трибуны на нас смотрят. Воодушевление потрясающее...

(Нам хотелось, чтобы хроника в этот момент стала живой трансляцией из глубины истории...)

Потом прошли парадным маршем нынешние войска. А участники того парада, растревоженные воспоминаниями, стояли на трибунах. Наша камера издала наблюдала за ними. Мы видели, как блестели глаза людей, не плакавших никогда.

Автор:

– Тот день был счастливейший в их жизни, хотя они еще не знали тогда, что скоро начнется долгожданное наступление под Москвой и все они будут участниками великой битвы. Они не знали тогда, что часть батальона, сражаясь, героически погибнет. И одному из бойцов посмертно будет присвоено звание Героя Советского Союза. Они не знали тогда, что весь мир, затаив дыхание, прислушивается к шагам этих солдат на Красной площади.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. МУЗЫКА ЖИЗНИ

И снова мощно грянет хор. Помчатся танки, пойдет в атаку пехота, ударит в пасмурное небо сорок первого года артиллерия. Наши войска будут брать неведомые высоты и развалины старинных городов, развивая первое победоносное наступление.

Но все это будет на общем плане.

А на крупном. 23 января... На окраине деревни Хлуднево часть батальона Прудникова, выполняя специальное задание командования, попала в засаду. Погибли все, совсем еще молодые ребята. Последний, Лазарь Паперник, когда враги окружили его плотным кольцом, поднялся и вдруг метнул под ноги себе связку гранат...

У деревни Хлуднево на заснеженном поле упирается в бесконечное небо гранитная стена. И глядит на нас улыбающееся лицо молодого парня.

16 февраля 1942 года... Капитана Прудникова неожиданно отзывают с фронта в Москву. Сейчас, в своем кабинете он рассказывает об этом событии так:

— Проснулся очень рано. С теми же мыслями, с которыми лег спать: зачем меня вызвали в органы государственной безопасности? Еще как-то беспокоился, где взять чистый белый подворотничок...

Нам важно было, чтобы по мере движения картины не только раскрывалась фабула, но и постепенно накапливался у зрителя материал для характеристики действующих лиц. Каждое следующее появление героя должно было показывать его с новой стороны. Во всяком случае, мы к этому постоянно стремились. В частности, поэтому не позволяли себе снимать одним махом монологи, предназначенные для разных частей фильма.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Прудников:

— Я быстро поднялся по лестнице, чуть ли не строевым шагом вошел в кабинет. За столом, покрытым зеленым сукном, сидели четыре человека. Доложился. Один из товарищей говорит: «Товарищ Прудников, скажите, как вы себя чувствуете? Как ваше здоровье?» Ну, любой вопрос я мог ожидать, но такое!.. Про здоровье?! Я даже как-то растерялся и вскочил. Мне говорят: «Садитесь». Я сел. А потом этот товарищ говорит: «Мы пригласили вас сюда, чтобы поручить вам задание особой важности. С данной минуты ваш пароль — Неуловимый...»

Этим эпизодом, по существу, заканчивалась первая серия картины. Конечно, прямого действия в ней было мало. Но ведь для наших героев этот период — предыстория их боевых подвигов. Мы сосредоточили внимание на переживаниях людей, только что вступивших в войну. Экспозиционная часть должна была перебросить мост из ушедшего в историю времени к сегодняшнему зрителю. Кроме того, в ней мы обозначили основные принципы образного решения картины. Всегда важно, чтобы зритель понял и принял «условия игры». В документальном фильме добиться этого трудно, потому что мы сами долго приучали аудиторию к информационному восприятию наших лент, а не к сотворчеству, которое требуется для проникновения в образ.

ПРОЦЕСС

«Процесс» – так я назвал свою первую картину «эпохи перестройки». Делал я ее еще в «Экране» при Советской власти, играя в «кошки-мышки» с цензурой и партийным руководством.

История создания этой картины весьма забавна. Семидесятилетие советской власти телевидение решило отметить многосерийным фильмом «Революция продолжается». Власть требовала картину к юбилею. Нормальную здравицу, как было всегда, может быть, с элементами каких-то новшеств. Ветер перемен дул из Кремля.

Улица закипала. Повсюду шли дискуссии, митинги. Рай для репортажа. И мы пошли на улицу...

В стране все желали быстрых перемен, как всегда, ждали чуда, хотели проснуться сразу на Западе, куда прежде пускали по разнарядке. «Счастливики» привозили с собой разные «шмотки» и рассказывали сказки. Теперь одни быстренько стали собирать чемоданы, а другим захотелось, чтобы и у нас были полные прилавки и абсолютная свобода. Говори и пиши, что хочешь, ездь во все стороны без разрешения райкома. Казалось, что стоит сбросить с себя опостылевший социализм, как тут же начнется настоящая жизнь. (Анекдот той поры: хотим работать как здесь, а зарабатывать, как там.) Никому и в голову не приходило, что может рассыпаться страна, а жулики под шумок обдерут ее, как липку. Даже самые большие умники той поры больше кричали, чем думали.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Составить модель общества при бесчисленном количестве вариантов – задача сложная, можно сказать, даже не решаемая маленькой творческой группкой, если подходить к этому вопросу с научной стороны. Но экран не наука, и строится модель не в рамках социологии. На этой картине не было научного консультанта, мы решили строить модель художественную, основанную на личных впечатлениях.

Конечно, все читали газеты и журналы. Журналисты были героями дня и вперегонки бежали впереди паровоза. А может быть, даже тащили за собой паровоз истории. Это так всем нравилось! Только теперь, спустя много лет и пережив столько бед, народ начинает понимать, как опасно отдавать свою жизнь, жизнь всей страны в руки амбициозных, как правило, поверхностных себялюбцев. Но в тот момент недостатка в информации уже не было. Маршруты «перестройки сознания» прокладывались мгновенно.

Поколение «шестидесятников», такое удачливое по части разоблачений существующих порядков, оказалось инфантильным по части проектов переустройства общества. Кроме криков: давайте жить, как за Западе, и Запад нам поможет, никакого толку от них добиться не удалось. А прямые диссиденты, захлебнувшись от ненависти к советской власти, выдавили из себя только одно проклятие: чем хуже, тем лучше. Все раскачивали лодку, но куда плыть, не знали. Не знало это и близкое окружение Горбачева. Так начиналось Смутное время. Об этом и хотелось рассказать в фильме.

В подкрепление мне дали еще двух режиссеров. Они тоже должны были сделать юбилейные работы под моим чутким руководством. Вожжи уже ослабли, никто особенно нас не контролировал. Я тоже не лез в замыслы своих коллег. Каждый работал по своему разумению.

Все задачу видели в том, чтобы создать образ времени. Это требовало от нас конструктивных решений, и я стал искать «слово», понятие, которое передавало бы художественный замысел.

Сценарий был написан больше для бухгалтерии, чем для работы. В документальном фильме события, рассчитанные по сценарию, случаются раньше, чем высыхают чернила на бумаге. Но некоторые принципы, заложенные в сценарии, все же помогали решать те или иные задачи на съемочной площадке.

Прежде всего было решено отказаться от дикторского текста: он всегда требует определенных оценок происходящего события. А в этом и была главная сложность момента – оценивать время было еще рано.

Мы только свидетели – ни обвинять, ни оправдывать, не имеем права. Решили наблюдать и слушать, а экран отдать людям. Пусть они высказывают свои позиции. Часто противоположные. Тогда для публицистики это был нонсенс.

Заметим, что раньше так политические картины не делались. Пропаганда требовала жесткой определенности в оценках. Но мы-то как раз и решили делать не пропагандистскую и даже не информационную, а художественную картину.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Где-то я читал, что в давние времена художники вкладывали особый смысл в создание орнаментов. В Художественной энциклопедии пишут: «Орнамент, прежде чем стать просто украшением, представлялся системой особых сакральных знаков и символов, которые вкладывал художник в свое произведение, скрывающей подлинный смысл представлений автора».

Я решил, что форма будущей картины будет строиться, по законам орнамента. Понятно, составить орнамент нам предстояло из реальных фактов, событий исторической хроники и повседневных репортажей. Но все они должны нести не просто информацию о том, что случилось или происходит, а обязательно заключать в себе символы времени. Поэтому картина должна была нести в себе тайный смысл.

Орнаментальной документалистикой, наполненной знаками и символами, раньше мы не занимались. Мозаичные работы, особенно в условиях какой-нибудь обзорной картины, делались постоянно. Да и вообще телевидение мозаично по своему характеру изначально. Но нам хотелось сделать именно орнамент.

Понимая, что вступаем в область острейшей политической борьбы, мы хотели защитить себя искусством. Мы считали себя заговорщиками (если не революционерами). Это было естественное состояние для всей художественной интеллигенции на тот момент. Но диссидентом я не был. Ни скрытым, ни явным. Эта «публика» всегда вызывала у меня недоверие. Они

бравировали тем, что борются с властью, а на деле разрушали народ и ломали его историю, я же просто хотел служить людям по мере сил и возможности.

Обычная задача публицистики на телевидении того времени – пропаганда. Плакатная по форме и существу. А вот орнамент, по исходному понятию в искусстве, – это тайнопись. Вот мы и попытались создать документальный орнамент на голубом экране. Нет, мы не делали картину на «голубом глазу». Мы знали, что творили, и наивно рассчитывали, что начальство не поймет, не оценит.

В советское время начальники были опытные и умные. Они сразу поняли, с чем имеют дело. Нет, они не знали, что мы открыли новую форму – орнаментальную документалистику. Они прямо назвали это политической провокацией.

Вместе с тем претензий к эстетической стороне картины у руководства не было. Тогдашний председатель Гостелерадио, который требовал уничтожить картину и подвергнуть ее автора самым жестоким санкциям, однажды не вытерпел и заявил: «Мы имеем дело с высокохудожественным произведением, а потому особенно вредным».

Появление «Процесса», который всего лишь констатировал обстановку в обществе, было воспринято как землетрясение. А между тем никакой особой крамолы в ней не было, Просто история излагалась не на бумаге, а в видимой и слышимой форме, то есть наглядно.

А картина была простая и невинная по нынешним временам. Телевидение явно запаздывало в своем «де-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

мократическом» развитии. Сейчас я и не пытаюсь изложить картину. Никакие слова не могут быть адекватны звукозрительному образу. Поэтому я и считаю кадровидение особой знаковой системой, которую изобрело человечество для общения на особом языке. Впрочем, и язык театра так же не соответствует подстрочному переводу, как и язык кино. Это касается и документального фильма, если это картина, а не «ток-шоу».

Снимали всё.

В институтах бесконечные конференции и дискуссии. В Доме литераторов бушуют писатели. На Красной площади последние из живых свидетелей Октябрьской революции. В театре Ленинского комсомола новый спектакль Захарова «Диктатура совести». Анна Бухарина, жена не реабилитированного еще вождя революции, готова прочитать политическое завещание мужа, которое она сохраняла все семнадцать лет ссылки. А брат Твардовского – рассказать правду о раскулаченной семье автора «Василия Теркина». Секретарь Максима Горького, чудом уцелевший, открывает последнюю страницу из жизни великого «пролетарского» писателя. Военные говорят правду о войне.

Калейдоскоп событий готов захлестнуть любой метраж фильма. Архив готов предоставить любые кадры, скрытые до последнего дня под грифом «совершенно секретно».

Вот в этой информационной каше надо найти строгий орнамент будущей картины. Сюжета нет и быть не может. Решаемся разделить картину на две серии. Хронологически – от начала Октябрьской ре-

волюции до «грозных тридцатых». И вторая часть – предвоенные и военные годы. А в целом это сталинская эпоха, взгляды и оценки современников.

Нет, не ради разрушения делалась картина, даже трагические страницы истории, по замыслу авторов, должны были восстанавливать справедливость. Картина добрая в своей основе, искренняя и честная. Она звала современника не к гражданской войне, а к гражданскому миру. Хотя впрямую никто никуда не звал.

Вообще, в картине, несмотря на тему, много было чувства и настроения. И если ее политическая актуальность давно ушла, человеческая сущность сохранилась до сих пор. Только кто решится поставить сейчас эту картину в эфир? (Кравченко в свое время не решился.) Документальным картинам часто не везет, к ним телевидение относится по-телевизионному, то есть замечая политическую актуальность и не обращая внимания на художественную сущность. Игровым картинам везет куда больше, хотя искусства в них очень часто меньше, чем в картинах документальных.

Игровое кино ставят, снимают. Документальное кино – делают. Иногда из сущих пустяков. Порой против всех законов и правил. А получается настоящее кино, которое открывает новый мир, потрясает и захватывает. И ты сам не можешь объяснить, почему. Это как в музыке. Или в стихах.

Пытаться пересказывать сейчас весь причудливый орнамент фильма бессмысленно и неубедительно. Картину надо смотреть, расшифровывая каждый кадр и в каждом эпизоде обнаруживая двойной смысл. Одним понравилась больше первая серия,

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

другим вторая. Впечатление от просмотра было очень сильным. Директор «Экрана», когда шел показывать ее «наверх», в сердцах сказал: «Знал бы, взял бюллетень на неделю. Даже не представляю, что они с нами теперь сделают».

Шел 1987 год. Через несколько дней в «Правде» была опубликована статья Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами». Испуганно начинался откат от «перестройки». Так что мы со своей картиной попали «как кур во щип». Картина прочно легла на полку. Честно говоря, я боялся, что ее уничтожат, а дома уже сушили «сухари».

Вступился Союз кинематографистов. Элем Климов, тогда первый секретарь, по своим каналам добрался до Горбачева. Генсек через некоторое время сам посмотрел картину и вдруг одобрил. Через полгода я сидел в кабинете председателя Гостелерадио, и он по бумажке мне прочитал, какую я сделал замечательную картину. Правда, был передан ряд пожеланий: Горбачев был не уверен, что при такой сложной форме народ все поймет правильно.

Предлагалось опрощение. И я пошел на это. В картине появился некий ведущий, который должен был время от времени появляться и разъяснять сложные исторические события. Им стал академик Тихонов. Интервью с ним снималось легко, потому что это был действительно глубокий и светлый ум. К этому моменту он нашел ответы на сакраментальные вопросы сталинской эпохи.

Мне было очень горько и досадно расставаться с красивой и законченной, как мне казалось, формой,

но чего не сделаешь из «политических» соображений. Уж очень хотелось, чтобы картину посмотрел народ. Хотелось участвовать, как тогда представлялось, в борьбе с консервативным крылом. В первом варианте, по-моему, картина была точнее и сильнее, а по форме чище. К сожалению, этот вариант не сохранился.

На телевидении нельзя работать, если ты не готов к компромиссам. Я хорошо знал, куда меня назначила судьба, и редкую из своих картин доводил до зрителя без редакционных искажений. Поэтому всегда больше гордился замыслом, чем исполнением. И сегодня то же самое происходит со мной и моими коллегами, но теперь уже не по политическим, а по «другим» соображениям.

К маю фильм был показан, правда, всего один раз. С тех пор о нем уже никто не вспоминает. Потому что «устарел» еще до эфира.

Наше телевидение вообще не любит показывать дважды документальное кино. Это его родовое свойство сохранилось до сих пор. Одну и ту же информацию можно гонять по десять раз на день, одни и те же комедии крутятся годами по всем каналам, а вот перед документальным фильмом кланяются один раз. Видимо, не догадываются, что именно документальные телевизионные фильмы могут иной раз составить мировоззрение целого поколения. Сколько замечательных лент сохнет без дела на складах. Но это уже разговор на другую тему.

При орнаментальном построении каждый эпизод должен доводиться до значения символа или, можно

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

сказать, иероглифа. Вся соединительная ткань отбрасывается. Эпизод строится только из основных элементов, которые в совокупности и создают символ.

Между эпизодами тоже нет соединительной ткани. Монтаж ведется жестко. Эпизоды чаще сталкиваются, чем соединяются.

Все складывается отнюдь не сразу. Для выработки стиля приходится решать ряд головоломок. Но вот когда найдено решение, освоен жанр документального орнамента и сложился образ, работать становится легко. Картина складывается сама собой, и уже нельзя изменить не только порядок эпизодов, но и последовательность кадров. Вот когда приходит счастье обладания.

Фильм готов! Ни убавить, ни прибавить!

Быть может, некоторые скажут, зачем нужна тайнопись, когда сейчас можно говорить все открытым текстом? Неправда. Ясновидящих наказывают во все эпохи. Тем более во времена всеобщего ослепления. И наш опыт орнаментальной документалистики еще пригодится.

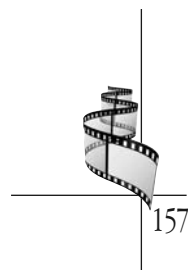
Пересказывать наш фильм не стоит – скучно. Может быть, телевидение когда-нибудь опомнится и покажет его в эфире. Честное слово, мы неплохо делали свое дело в «Экране»! Это нынешнее поколение телевизионщиков живет одним днем. Мы же работали надолго. Может быть, навсегда.

После «Процесса» я еще успел немного поработать. Но уже чувствовал, что дело близится к закату. На экране бушевало «живое» телевидение, изгоняя из эфира и театр, и кино. Самые крепкие профессионалы остались без работы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. МУЗЫКА ЖИЗНИ

Однажды в Сан-Франциско американский журналист мне сказал: «Мы никогда не пойдем друг друга. Вы живете в зоопарке, а мы – в джунглях». И вот Горбачев, а потом Ельцин со своей командой распахнули клетки, и все мы разом оказались в джунглях. Никто уже никому не верил, быстро объединялись разве что жулики. Каждый встал только за себя. Рухнуло государство. Веселые и находчивые разорили промышленность, сельское хозяйство, придушили культуру и искусство. Началась жизнь на базаре. Самое смешное, что в первый момент это безобразие поддержала почти вся творческая интеллигенция. И я, грешный, тоже приложил к этому руку. Наказали себя очень быстро.

Исчезла целая отрасль телевизионного кинопроизводства. Уходили кто куда. Я тоже подался «на вольные хлеба». Стал преподавателем в телеинституте, но время от времени еще получал заказы. В девяностые спас многих новый российский канал. Появились частные компании. Как ни странно, в это смутное время удалось сделать немало порядочных документальных картин. Наконец, собрал свою теорию телефильма. Печатал статьи, выпустил несколько книг. Новые времена потребовали новых песен.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

ЧЕЛОВЕК ИЛИ ДЬЯВОЛ

Вскоре после «Процесса» мне довелось продолжить тему в трехсерийном фильме «Человек или Дьявол». Делал я его уже «на стороне», без всякого начальства. Фильм не просто о сталинской эпохе, а о самом Сталине. Это была первая попытка разобраться в исторической фигуре вождя, изложить на экране, по существу, биографию с претензией на портрет.

МОНТАЖНЫЙ ЛИСТ

Кремлевская стена набухла кровью и раскрылась, как занавес.

Великие похороны вождя. В кровавых подтеках руки Сталина.

Автор:

— Эти руки держали в страхе полмира. До последнего дня.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Сталин умер пятого марта 1953 года. Во всяком случае, по официальной версии.

Жизнь и смерть вождя всегда были окутаны тайной. Генеральный секретарь, генералиссимус, хозяин, как его называли...

Даже царь не имел такой власти.

Некоронованный император оставил сверхдержаву, так и не назначив своего преемника. Может, он собирался жить вечно?

(Почетный караул замер у гроба.)

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Автор:

– Получив невероятное наследство, его ближайшие соратники стали делить власть тут же, у гроба. Они сами впервые вздохнули свободно. Над всеми висел топор палача.

(Толты у гроба Сталина).

Автор:

– А народ горевал искренно. Чтобы попасть на великие похороны, люди давили друг друга. И это была еще не последняя дань, которую собирал диктатор уже на том свете. В этот день многим казалось, что небеса упали на землю, а время остановилось.

Какая же таинственная сила подняла на вершину могущества сына бедного грузинского сапожника и неграмотной прачки?

Нет ли тут дьявольского наваждения?..

Я стремился чеканить фразы, чтобы каждое слово врезалось в память. Не только мысль, но именно СЛОВО. Дело в том, что хроникальные кадры похорон были всем известны. Хотелось изменить отношение зрителя к изображению. А это можно было сделать только словом и музыкой. И неожиданным свидетельством. На риторический вопрос автора вдруг отвечает внук Сталина, сын Василия Сталина, по царской традиции – прямой наследник.

Синхрон Александра Бурдонского (внука Сталина):

– А почему нет? Почему человек не может родиться с какой-то печатью, с какой-то отметиной, понимаете? Пусть даже дьявольской. Он может быть и гений, я здесь не возражаю. Но никто не утверждал,

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

что гений может быть только добрый. Гений может быть и зла...

Так начинается первый акт документальной драмы «Человек или Дьявол». Деление пьесы на три акта не произвольно, а соответствует этапам жизни и деятельности Иосифа Сталина. Хроникальная драматургия показана этому жанру, если строить на экране портрет исторического деятеля. Время крепко держит сюжет. Но вернемся к тексту самой пьесы.

(В кадре детские фотографии Иосифа Джугашвили).

Автор:

– Нет, вы только посмотрите, какой взгляд у этого мальчика? Что это – знак судьбы? Ученик духовного училища, благообразный юноша с пробором уже

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

тогда не верил, по свидетельству одноклассников, ни в Бога, ни в Черта.

Мать мечтала вывести своего мальчика «в люди». Дорога священника казалась ей самой короткой. А сын завидовал судьбе благородного разбойника. И взял себе его кличку – Коба...

В архиве мы обнаруживаем полицейское дело, которое было заведено на Иосифа Джугашвили после первого ареста и ссылки. Архивист дает нам возможность познакомиться с характеристикой арестанта.

Синхрон архивиста:

– Приметы: рост два аршина, четыре с половиной вершков, телосложение посредственное, производит впечатление обыкновенного человека, волосы на голове темно-каштановые, вид волос прямой, лицо смуглое, голос тихий, походка обыкновенная, на левом ухе родинка... И еще примечательно: на левой ноге второй и третий палец сросшиеся...

Автор:

– По народному поверью, это знак Сатаны. Но товарищи по партии в приметы не верят. Зато верят в Маркса и революцию. Друг к другу относятся настороженно. Слишком часто в их среде оказываются перевертыши...

(Фотографии большевиков в ссылке. Среди них и Иосиф Джугашвили).

Автор:

– Был ли Коба на самом деле Иудой? Об этом продолжают спорить историки. Если Бога нет – все позволено (по пророчеству Достоевского).

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

(Архивные доносы в полицию).

Автор:

– Еще до революции он перевел свою фамилию с грузинского на русский: Джугашвили – СТАЛИН.

Переделки слова и изображения создают ощущение диалога. Это как раз очень важно, потому что вовлекает зрителя в действие и создает телевизионный «эффект присутствия». Психологическая атака на зрителя продолжается. Каждое слово должно бить в цель. И должно быть литературно отточенным по закону жанра. В этом всегда стилистическое отличие художественной публицистики от информации.

(Хроника революции).

Автор:

– Чтобы построить рай на земле, большевики объявили войну Богу, здравому смыслу и собственному народу..

Они дарили землю – крестьянам, заводы – рабочим, мир – народам, хлеб – голодным.

На всех перекрестках большевики кричали: «Грабь награбленное!»

Народ обалдел и обрадовался..

(В квартире Александра Бурдонского на стене улыбается языческая маска).

Синхрон Бурдонского (цитирует Лермонтова):

... Настанет год, России черный год,

Когда царей корона упадет.

Забудет чернь к ним прежнюю любовь.

И пищей многих будет смерть и кровь...

В тот день явится мощный человек,

И ты его узнаешь и поймешь,

Зачем в его руке булатный нож...

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Предсказание Лермонтова сбылось. Осознавать это мне особенно больно...

Конечно, в структуре фильма большую роль играет «живое слово», т.е. прямые свидетели. В первом акте они характеризуют Сталина в начале его карьеры. Анна Бухарина, Борис Ефимов, Иван Врачев, Кира Аллилуева – каждый рассказывает какой-нибудь эпизод из жизни Сталина. Причем, если авторское слово стремится к лаконичности, даже к афористичности, то живые свидетели намеренно «обываются». Никаких обобщений от них и не требуется. Язык автора и язык действующих лиц может быть в контрапункте, даже должен быть в контрапункте.

Чем точнее, детальнее воспоминание, тем больше к нему доверия зрителя. Пафос трагедии уравновешивается бытовой историей. Здесь нет стилистического противоречия. Наоборот, историческая пьеса приближается к современнику. Недаром в подзаголовке стоит название «Живые хроники». Даже в классической русской литературе со времен Пушкина писатели стали использовать бытовые обороты речи в драмах и трагедиях. Кажется, даже древние греки с удовольствием это делали.

Синхрон Киры Аллилуевой (племянницы Сталина):

– Кирка, а в голове дырка – вот так Сталин мог меня дразнить бесконечно. Это ему нравилось, меня дразнить, хотя он меня любил. «Кирка – в голове дырка». Я обижалась страшно. Мне всего четыре годика было. Сталин отца называл Павел, а папа называл его Иосиф Виссарионович. А мама звала его просто Иосиф...

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Синхрон Анны Бухариной (жены Николая Бухарина):

— Однажды Бухарин приехал в Зубалово, где была дача Сталина, и, не застав самого Сталина, долго ходил по дорожке с Надеждой Аллилуевой, к которой он относился очень тепло. Это было зимой...

Сталин подъехал, увидел их, незаметно подкрался и произнес: «Убью!» Кого Сталин собирался убить, не знаю. Николай Иванович принял это за шутку, а Надежда Аллилуева просто побелела...

Синхрон Бориса Ефимова (брата известного журналиста Михаила Кольцова):

Рассказывали, будто бы в узком кругу руководители партии разговорились о том, что такое высшее счастье для человека. Зиновьев сразу сказал, что для

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

него высшее счастье – это мировая революция, что-то в этом роде сказал и Каменев. Бухарин сказал, что для него высшим счастьем было бы благополучие всех советских людей. Потом заговорил Сталин и сказал: «Высшее счастье для человека – это месть». И повторил: «Месь!» Действительно, синдром мести в нем сидел глубоко. Это была основная черта его характера.

Он мстил, не торопясь. Есть одна такая восточная поговорка, которой он, видимо, руководствовался: месть – это кушанье, которое надо есть холодным...

(Фотография: Сталин в домашней обстановке, в кругу товарищей по партии).

Автор:

– Интересно, понимают ли они сейчас свое положение. К сожалению, наука пока не умеет читать мысли по фотографии. Но может быть, нам поможет «голос крови»?

Синхрон Бурдонского:

– Я думаю, что исчерпывающего ответа я дать не смогу. Люди, которые были до Сталина, скажем, тот же Ленин и та программа, которая шла от Маркса – Энгельса, – считаю все это утопия. Сталину досталась роль человека, который утопию проводил в жизнь. А утопию в жизнь проводить нельзя. Утопия должна оставаться светлой мечтой человечества, маяком, который нас куда-то влечет, манит, тянет... Но воплощать утопию с живыми людьми нельзя! Я думаю, что сначала был «сталинизм», потом возник Сталин, который был рабом, не жертвой, а рабом того пути, который был избран... Я глубоко убежден, что власть деформирует человека...

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

(Последняя фотография встречи Ленина и Сталина в Горках.)

Автор:

– Последняя встреча «учителя» со своим «учеником». Оба не умели дружить. Зато оба умели ненавидеть. Это сближало.

Ленин болен, но еще в здравом уме. Он просит яд, на всякий случай. Сталин колеблется. Хотя для него это лучший выход. Ему уже донесли, что Ленин собирается отнять у него власть на ближайшем съезде.

Сталин держит Ленина фактически под домашним арестом.

Ленин готовится дать последний бой. Кто кого перехитрит? А пока оба позируют для истории.

Господи! Какой там Шекспир!

Картина была закончена летом 91-го, перед самым «путчем». Меня в Москве не было в те дни, и я звонил продюсерам с просьбой спрятать картину. А когда победила «демократия» сказал себе: и жить хочется, и умереть не страшно. Какие мы были наивные в те годы!

Это теперь прошлись не только по Сталину, но и по Ленину горячим утюгом. И факты в картине были неизвестны, и манера необычна. Ирония, а иногда и откровенное ерничанье действовали безошибочно. Когда Егор Яковлев, назначенный председателем Гостелерадио сразу после «путча», впервые увидел эту картину, то очень удивился и тут же взял ее в эфир. Сейчас, после десяти лет «демократических» выкрутасов, я вряд ли смог бы сделать такую картину. Но тогда вся работа шла на каком-то бешеном вдохновении. Общество вырывалось на свободу и позволяло

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

себе посмеяться над прошлым. И Сталин, перещеголявший и Робеспьера, и Наполеона, был удачным «объектом».

Автор:

– В 1929 году Сталину стукнуло пятьдесят. Товарищи по работе пришли поздравить. Все довольны. Народу устроили «год великого перелома», а сами живут при полном коммунизме. От каждого Сталин берет «по способности», каждому Сталин дает «по потребности»...

Но почему сейчас мои ученики смотрят эту работу с таким напряженным вниманием? Когда они уже знают гораздо больше, чем автор в момент создания фильма?

В этом и состоит таинство искусства. В том числе и документального. Информационная фабула ушла, а образ времени и человека – остался. Это величина неизменная и вечная. Иногда это получается, иногда картина умирает еще до рождения. Истинный судья – время. В данном случае, мне кажется, картина пережила «свое» время и осталась жить. Это большое счастье для любого художника. Но телевидение, как заказчик, никогда не думает о вечности. Потому что привыкло существовать в конъюнктуре одного дня. Как газета. Конечно, это легкомысленный подход к документалистике на телевидении. Некоторые документальные картины не должны сходить с экрана десятилетиями, как это происходит с игровыми художественными кинофильмами.

Первый акт документальной пьесы «Человек или Дьявол» заканчивается самоубийством жены Сталина Надежды Аллилуевой.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Синхрон Бурдонского:

– Он прекрасно понимал, как драматически складываются судьбы вокруг него. Я думаю, может быть, все должны были исчезнуть куда-нибудь, а он хотел остаться один, космически один...Вы говорите о «голосе крови». А его не может быть, потому что от сердца к сердцу ничего не переходило. Наверное, у него была душа, было сердце, но они были холодные, жестокие. Может быть, для государства такое качество полезно. А для людей, для семьи – нет!

Второй акт пьесы посвящен Сталину периода массовых репрессий тридцатых годов. А третий акт – Сталину периода войны и последним годам его жизни. И в первом, и во втором действии «живые свидетели» рассказывают яркие истории и вспоминают важные

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

детали. Несколько раз цитируется сам вождь, снятый в кинохронике.

Академик Минц, главный советский историк, вспомнит о домашних «свиданиях» Сталина и Горького, свидетелем которых он был.

Борис Ефимов – о гибели своего брата, знаменитого журналиста Кольцова. О его последней встрече со Сталиным, когда вождь «из милости» предложит своему посланцу в Испании самому застрелиться, прежде чем его арестуют органы.

Кира Аллилуева – о гибели в сталинских застенках своей семьи.

Писатель Юрий Боров – о расстреле Тухачевского.

Все интервью снимались при первой встрече с «живым свидетелем». Поэтому звучат так естественно. Но я, конечно, был подготовлен своими помощниками к разговору и не начинал снимать, пока между нами не устанавливались доверительные отношения. Надо еще раз напомнить, что тогда все они говорили о Сталине перед камерой впервые. И то, о чем они молчали всю жизнь, вдруг выплеснулось с такой заразной энергией. Потом, в других картинах о Сталине, они тоже участвовали, но выглядели значительно бледнее. В документалистике так важно быть первым.

Автор:

– По существу, Сталин уже выиграл войну... у собственного народа.

Он наголову разбил свою армию.

Из своей партии сделал послушный орден Иуды – доносительство стало считаться гражданским подвигом.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Осталось ожидать только маленького чуда: оскотленный народ должен был принести к его ногам победу в мировой войне...

В картине нет глубокой аналитики, которая появилась несколько позже в литературе. Все силы режиссера ушли на эмоциональные удары. А проникнуть в подсознание зрителя и изменить его представление о «герое» можно было только в условиях эмоционального шока.

Третий акт особенно богат на «очевидцев» последнего десятилетия эпохи Сталина. Удалось поговорить и со сталинским телохранителем, и с последним сталинским министром. В достоверности их воспоминаний не приходится сомневаться: слишком они точны на детали. Каждый рассказал о том Сталине, которого

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

знал лично. Получилась своеобразная мозаика, где один свидетель мог противоречить другому, но все вместе они составили яркий портрет исторического деятеля и неординарной личности. Талантливый рассказ видного советского дипломата Николая Федоренко, единственного свидетеля встречи Сталина с китайским лидером Мао Цзэдуном, – во всех отношениях блестящий исторический документ и одновременно сочный артистичный монолог, «сыгранный» в кадре. Перевод синхронизации в запись на бумаге в принципе невозможен, потому что остается только бледная копия, которая, может быть, и содержит словесную информацию, но никак не передает всего богатства интонации и мимики исполнителя. Запись синхронизации не содержит подтекста, который играет в художественной картине порой главную роль.

Третий акт тоже богат хроникой. Удалось найти даже последнюю речь Сталина. Естественно встали картину и современные съемки, связанные с той эпохой. И автор не отмолчался.

Если в картине «Процесс» я еще не решался высказаться, то здесь обязан был найти собственные слова.

Автор:

– Народ всегда расплачивается за своего вождя.

Даже если это не человек, а Дьявол.

Ни один народ не платил своему правителю так дорого. И ни одному правителю не доставался народ так дешево.

По существу - задаром!

(Митинги на местах захоронения жертв сталинских репрессий).

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Автор:

– Только что открылось еще одно тайное захоронение расстрелянных на окраине Москвы...

(В маленькой церквушке у кладбищенских ворот православный священник Глеб Якунин читает поминальную молитву, не называя имен...)

Автор:

– Кто знает всех погибших? Разве что на небесах. Господи! Прости нам этот великий грех!

(Музей восковых фигур).

Фигура Сталина вписана в историческую панораму начиная с Ивана Грозного и его опричников. За кадром, сплетаясь с трагической музыкой, надрывно квохчет дьявольский смех.

Автор:

– В России разыграна одна из самых страшных трагедий двадцатого века. Здесь революция объявила конкурс на роль Сталина.

И Джугашвили выиграл его не случайно.

...Пьеса не окончена. Еще рано давать занавес!

РУССКАЯ ТРАГЕДИЯ

(СЦЕНАРНАЯ ЗАПИСЬ ФИЛЬМА В ТРЕХ ЧАСТЯХ)

Для меня, вахтанговца по происхождению, развитие телекино в сторону драмы, комедии, даже трагедии казалось естественным.

Первым опытом документальной комедии была «Ярмарка». Первый опыт документальной драмы –

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

фильм «Ваше мнение по делу?» Это было еще в эпоху черно-белого телевидения.

В условиях нового телевидения я долго искал подходящий сюжет, и наконец случай представился. Я стал делать «Русскую трагедию».

Работая над большим трехсерийным фильмом, я пытался сформулировать эстетические принципы для этой необычной работы в документального кино. Несколько режиссеров и операторов мне помогали. В общем, затевалось большое дело, а учитывая тему, которая впервые открывалась для зрителя, мы вполне понимали ответственность и сложность задачи.

Этот большой фильм я делал «на стороне», то есть без начальства. Продюсер Саша Голубев был моим директором в «Экране», а теперь другом и помощником. Его тоже чрезвычайно увлекла идея будущей картины.

Время было смутное. Президент и парламент в смертельной схватке уже сцепились друг с другом, а народ бедствовал без работы и часто без куска хлеба. Страшно было смотреть на эти километровые баракхолки у метро. Веселились только жулики и сумасшедшие диссиденты, которым всегда «чем хуже, тем лучше».

Ельцинская эпоха у многих отняла сам смысл жизни. И люди готовы были грызть друг друга, чтобы не умереть с голоду, а телевидение цвело и пахло. Наши западные «друзья» потирали ручки. Давали советы, кого-то и подкармливали.

Вот на этом фоне и надо было рассказать о подлинном герое, который отдал свою жизнь за то,

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

чтобы случилась эта мещанская революция. Причем сама «революция» так и не вспомнила о своем предвестнике.

Так и родилась одна из главных моих картин – «РУССКАЯ ТРАГЕДИЯ».

Она была сложна по замыслу, по содержанию и по форме. Требовала предельного мастерства от каждого участника. Слава Богу, удалось собрать дружную команду. И еще нам часто сопутствовала удача, видно, мы боролись за правое дело.

Наша история была особенной.

В самый разгар брежневской эпохи один из кораблей Балтийского флота поднял восстание. Его возглавил капитан Саблин. И когда? В день празднования очередной годовщины Октябрьской революции. Но под-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

робностей мятежа никто не знал. Все скрывалось тогда под грифом «совершенно секретно», впрочем, продолжает скрываться и теперь, в совсем другие времена.

Правда, писатель Николай Черкашин написал небольшую книжечку об этой истории, пару раз вякнули какие-то журналисты, но им тут же заткнули рот соответствующие ведомства. Историю надо было восстанавливать заново. Началось журналистское расследование. Прежде всего надо было найти участников этого события. Мы встретились и сняли на пленку их показания.

Сам Саблин был, конечно, расстрелян, а матросы демобилизованы и рассеяны по всей стране. Каждый дал подписку о неразглашении «государственной тайны».

Службы отказывались с нами сотрудничать.

Ассистенту каким-то чудом удалось достать приговор по делу и несколько не самых существенных документов. Одна из наших групп полетела во Владивосток и сняла вставший корабль «Сторожевой». Он ржавел в доке на дальнем причале, ожидая печальной участи «утилизации», как отслуживший свой срок металлолом. Но удалось найти в трюме рынду, которая и объявила начало восстания. (Треснувший морской колокол теперь украшает мою мастерскую.)

Постепенно мы обрастали материалом.

Случайно обнаружилась в телевизионном архиве запись парада на Красной площади, снятого в день восстания. Какие-то пленки морских учений. Просмотрели американский фильм «Охота за Красным Октябрем», снятый по мотивам событий, но не имеющий ничего общего с реальностью.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Теперь надо было искать форму.

Мы решили провести открытый суд с участием всех свидетелей и документов. В тот момент на телевидении еще не была опробована такая форма. Придумали, как соединить преимущество телевидения (прямая трансляция, эффект присутствия) с возможностями кино (свободное обращение с пространством и временем) для создания художественного образа).

Для того чтобы создать полную иллюзию процесса, изучили дореволюционный российский кодекс и постарались вести суд в полном соответствии с его правилами.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

В качестве председателя, ведущего процесс, мы пригласили знаменитого юриста Сергея Алексева, который еще недавно исполнял обязанности председателя Конституционного суда СССР. Попросили приехать на суд из Петербурга известного адвоката Юрия Шмидта, собрали представителей всех демократических организаций Москвы и за день до суда провели жеребьевку присяжных заседателей – о суде присяжных тогда еще только мечтали.

Действительный прокурор по делу Саблина и его адвокат отказались принять участие в нашем слушании. Обвинение поддерживал старший советник юстиции Макс Хазин. В зале присутствовала публика, среди которой были знаменитые писатели, правозащитники, священнослужители, военные и родственники капитана Саблина.

Процесс продолжался два дня, его записывали пять камер. (Кстати, зал находился в нынешнем здании Совета Федерации, и предоставил нам его тогдашний министр по делам печати Михаил Полторанин.) В зале стояли мониторы, которые транслировали киносюжеты, необходимые по ходу дела. Это не был художественный театр, это был настоящий документальный спектакль.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Хроника. Парад на Красной площади, 1975 год.
Иронично звучит текст за кадром.

Автор:

– 7 ноября 1975 года, в день очередной годовщины

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Октябрьской революции, из тайной подворотни Кремля, как всегда, выползла группа старцев и гуськом, строго по ранжиру, двинулась на крышу Мавзолея шаркающей походкой (хронику ведь не обманешь!).

Это был железный порядок, заведенный еще при Сталине. По нему весь мир догадывался, как распределяются роли в Кремле.

Уже десять лет во главе этой компании шел Леонид Ильич Брежнев.

Соперников у него больше не было.

Недовольных отправили в тюрьмы и психушки, в крайнем случае выслали за рубеж. Убаюканная маршами, страна аккуратно демонстрировала свою преданность, в полуголодных снах покорно ожидая прихода «светлого будущего». Никому и в голову не могло

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

прийти, что найдется такой смельчак, который открыто, бросит вызов Брежневу и его режиму.

По площади ладно маршировали солдаты... И вдруг куранты на Спасской башни перевернулись вокруг своей оси. Знаковый телевизионный трюк, понятный теперь каждому зрителю, – изменилось время. Теперь мы оказываемся в зале суда. Публика рассаживается.

Секретарь объявляет:

– Вы присутствуете на заседании общественного суда, организованного по инициативе движения за демократические реформы и других общественных организаций. Прошу встать! Суд идет!

Входят присяжные заседатели.

Председательствующий занимает свое место.

– Дамы и господа, уважаемые граждане России! Я удостоен чести провести общественное слушание, которое по существу является общественным судом по делу капитана Саблина. По событиям, происшедшим в 1975 году..

Через мониторы мы снова на Красной площади 7 ноября 1975 года. Моряки чеканят шаг.

Автор:

– Власть более всего доверяла своему флоту.

Спецэффектом выделяется на экране фигура министра обороны Гречко, который что-то говорит Брежневу.

Автор:

– Однако через несколько часов министр обороны поднимет с постели верховного главнокомандующего и попросит санкцию на уничтожение одного из лучших кораблей Балтийского флота, вместе со всем

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

экипажем. За измену Родине – как будет сказано в его донесении.

Парад продолжается.

А пока на капитанском мостике державы – тишь и благодать. КГБ держал в страхе народ, армия пугала весь мир на суше, в воздухе и на просторах «голубых океанов».

Через монитор, на котором продолжается действие, возвращаемся в зал суда.

Председательствующий:

– Общественный суд по делу капитана Саблина, обвиненного в государственной измене, приговоренного к расстрелу и расстрелянного, объявляю открытым.

Кадры суда над Саблиным, конечно, отсутствуют, но мы сняли пустой зал Верховного суда СССР еще с советской символикой.

Диктор сообщает сухие сведения из протокола:

– 13 июля 1976 года, город Москва. Военная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрела в закрытом заседании уголовное дело капитана третьего ранга Саблина Валерия Михайловича, родившегося 1 января 1939 года, русского, имеющего высшее образование, исключенного из КПСС в связи с данным делом, женатого, ранее не судимого...

И здесь мы впервые видим спокойное, мужественное лицо капитана. Он всматривается в нас издалека.

Председательствующий Алексеев предлагает ознакомиться с письмом, которое написал жене Валерий Саблин как раз накануне мятежа. Мы специально ездили в Петербург, разыскали жену Саблина

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

и с великим трудом уговорили ее принять участие в фильме.

Эта скромная красивая женщина никому раньше не показывала последнего письма мужа. Она держала в руках хрупкие пожелтевшие листочки и, сдерживаясь из последних сил, тихо читала. Мы сняли эту нашу первую встречу, и теперь, по просьбе секретаря суда, запись демонстрировалась на экранах в зале.

– Это письмо я получила 7 ноября, за день до событий на корабле:

«Дорогая Ниночка!

Мне даже трудно представить, как ты встретишь сообщение, что я встал на путь революционной борьбы. Возможно, ты проклянешь меня, как человека, который испортил тебе всю жизнь. Возможно, что ты назовешь меня черствым человеком, не думающим о своей семье. Возможно, что ты глубоко обидишься за то, что я скрывал от тебя свои планы. А возможно, просто печально скажешь – чудаком ты был, чудаком остался. Не суди слишком строго меня и постарайся объяснить Мише, что я не злодей, не авантюрист, не анархист, а просто человек, глубоко любящий мой народ, свою Родину и свободу. И не видящий иного пути...»

Катит свои голубые волны река. Вдали, как в сказке, расправил свои паруса кораблик. И медленно, отражаясь в воде, плывут свадебные фотокарточки Валерия и Нины. Роман ленинградской студентки и морского курсанта случился на берегах Невы. Здесь они часто гуляли, мечтали и были счастливы друг другом.

«... Я очень любил и люблю тебя и, конечно, нашего сына Мишу. Эта любовь помогала мне быть честным в

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

жизни и стать революционером. Я не сразу стал революционером, но учеба в Академии окончательно убедила меня в том, что стальная партийно-государственная машина настолько стальная, что любой удар в лоб будет превращен в пустой звук, а шишки будут смертельны. Надо сломать эту машину изнутри, используя ее же броню. Что толкает меня на это?

Любовь к жизни. Причем я имею в виду любовь не сытого мещанина, а любовь светлую, честную, которая вызывает искреннюю радость у всех людей.

Я не хочу, чтобы после моего выступления к тебе были хоть какие-нибудь претензии со стороны властей, как к моей сообщнице. Вот почему я был нем, хотя иногда очень хотелось раскрыть тебе мои помыслы. Идя на этот решительный и опасный шаг, я понимаю,

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

что не все меня поймут и поддержат. Но мне очень хочется, чтобы вы с Мишей поняли меня...»

Вопрос за кадром:

– Нина Михайловна, а что вы подумали, когда получили это письмо?

– Я подумала, что я его больше не увижу. Потому что такое наши власти не допустят ... И что это будет очень трудно ему осуществить. Невозможно... (Если бы можно было передать словами, как она при этом улыбнулась...)

Медленная панорама по лицам на трибуне Мавзолея.

Автор:

– Эта власть не боялась ни чумы, ни холеры. А на случай глобальной катастрофы под землей был открыт целый город. Но за правду они карали строже, чем за воровство...

Хроника. Брежнев с трибуны грозит кому-то пальчиком.

Возвращаемся в зал. Председатель объявляет начало судебного следствия. По просьбе адвоката на свидетельскую трибуну приглашается капитан первого ранга в запасе Николай Черкашин.

Он принимал непосредственное участие в журналистском расследовании, которое проходило в августе 1992 года. Председатель суда обращается к свидетелю:

– Готовы ли вы говорить правду и только правду во имя исторической справедливости?

– Да, готов.

Это обязательная формула при опросе каждого свидетеля.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Николай Черкашин рассказывает об экспедиции во Владивосток, где у причала судоремонтного завода ржавеет корабль «Сторожевой». Мы подробно отсняли судно, чтобы все имели возможность точно оценить событие.

Капитан сообщает тактико-технические данные «Сторожевого»:

– Для своего времени это был один из лучших советских кораблей, оснащенный самым современным оружием и даже космической связью. Длина противолодочника – 124 метра, водоизмещение – около 4000 тонн, максимальная скорость – 32 узла...

Киносюжет позволяет представить себе место действия в деталях. Вот каюта капитана третьего ранга Саблина. Вот каюта командира корабля, капитана второго ранга Патульного.

Постепенно перед нами вырисовывается фабула дела.

Черкашин:

– Вечером 8 ноября капитан Саблин зашел в каюту командира корабля Патульного и сообщил, что в носовом отсеке пьянствуют матросы. Но это была своего рода ловушка...

Там же, на корабле, продолжает рассказ один из участников события:

– Я, Буров Михаил Михайлович, подготовил данное помещение для изоляции командира корабля. Принес матрас, несколько книг художественной литературы и сообщил об этом матросу Шеину...

Зал суда. Сергей Алексеев приглашает на свидетельскую трибуну матроса Шеина.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

– Я, Шеин Александр Николаевич, русский, 1955 года рождения родился на Алтае...

Алексеев:

– Готовы ли вы говорить правду, всю правду во имя исторической справедливости?

– Да, готов...

Посреди зала поставлена рында «Сторожевого». Это символ нашего процесса. Мы пользуемся планом этого колокола, когда перемещаемся в иное пространство, подчеркивая тем самым разрыв во времени и в пространстве. Удар колокола усиливает этот прием.

Здесь вставляется продолжение рассказа Шеина, снятого заранее в «интимной» обстановке. Так мы поступим неоднократно в картине, стькую судебное следствие с журналистским расследованием. Конечно, мы боялись, что на суде простые матросы будут говорить более скованно, менее эмоционально и свободно.

Условное объединение суда и журналистского расследования в ряде случаев нас выручало. Хотя вопросы к свидетелям были, по существу, одни и те же, характер ответов был, конечно, разный.

Но продолжим историю «РУССКОЙ ТРАГЕДИИ» и дослушаем показания главного свидетеля матроса Шеина:

– Я находился все время рядом с Саблиным, и все происходило на моих глазах. Сначала он рассказал офицерам и мичманам, как он пришел к такому выводу о необходимости переустройства общества. И предложил всем проголосовать. При этом достал шашки и высыпал на стол. Кто за – белыми! Кто против – черными!

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Алексеев:

– А была ли свобода выбора у экипажа во время этих событий?

Шейн:

– Насилия над личным составом не было. Большая часть офицеров проголосовала «против», а из мичманов большая часть проголосовала «за».

Напряженные лица в зале во время этих ответов.

– Саблин сказал: раз так получилось, мы не можем вас сейчас отпустить и поэтому должны временно изолировать. И предложил всем несогласным спуститься в пост..

Председатель приглашает на трибуну следующего свидетеля.

– Я, Анатолий Прошутинский, 1943 года рождения,

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

по должности в то время – начальник радиотехнической связи, капитан-лейтенант.

– Готовы ли вы говорить правду, только правду?

– Да, готов.

Слово просит обвинитель на процессе:

– Я не совсем понял, почему большая группа офицеров, которая не поддержала Саблина, так охотно дала себя изолировать? Фактически арестовать?

– Мы не думали, что он сможет снять корабль со швартовых. Нам еще было неясно мнение командира.

– Ведь он вас закрыл на замок. Почему вы так легко согласились на арест?

– Никакого ареста не было. Мы сами туда пошли.

– Вот в этом-то и вопрос. Почему вы не оказали сопротивления?

– А почему надо было сопротивляться? Я не мог сопротивляться.

– Прямо из кают-компания в подвал. Большая группа офицеров и мичманов. Почему?

– Потому что они внутренне его поддерживали.

– Я правильно вас понимаю, вы расцениваете это как молчаливую поддержку действий Саблина?

– В принципе, да.

Верхняя палуба корабля. Фотография Саблина. Матросы рассказывают, как в 22 часа по команде «Большой сбор» выстроился экипаж «Сторожевого». И Валерий Саблин впервые объявил свой план: идти в Ленинград и обратиться по телевидению к народу.

Свои показания продолжает капитан-лейтенант Прошутинский:

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

– Слышим: «Корабль к боепоходу приготовить!»
Голос не командира корабля. Голос Саблина. Думаем: мы сидим здесь, все начальники, командиры группы движения. Ну, не может без нас выйти корабль ! Тем более в Даугаве развернуться. Слышим плеск. Идет корабль. Быстрее и быстрее...

Нам удалось найти военную хронику с учений. Конечно, реальное событие никто тогда не снимал. Но ассоциативно зритель мог себе представить всю картину бегства огромного корабля по узкой реке. И текст ему в этом помог:

Автор:

– 9 ноября, на рассвете, точнее, в 2 часа 51 минуту, «Сторожевой» неожиданно вышел из парадного строя кораблей, выстроенных на виду у всей Риги, развернулся и, набирая скорость, двинулся к морю.

Всякая пьеса нуждается в конфликте. Здесь нам ничего не нужно было выдумывать. Наш новый собеседник был настроен очень решительно. Он продолжал воевать с Саблиным и теперь, спустя восемнадцать лет.

Вот как эта сцена строилась в нашем журналистском расследовании:

Вопрос: Ваша фамилия?

Ответ: Анатолий Косов.

– Ваша должность на момент события?

– Командующий дважды Краснознаменным Балтийским флотом.

– Не возражаете против записи нашей беседы на пленку?

– Не возражаю.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

– Просим вас ответить на ряд вопросов, объясняющих обстоятельства известного вам дела.

– 9 ноября в 2 часа ночи оперативный дежурный попросил меня прибыть на командный пункт. Одновременно сообщил, что машина за мной уже вышла.

Фотография адмирала Косова в 1975 году.

Косов подробно рассказывает о своих действиях в тот момент, когда он узнал о случившемся ЧП.

Он потребовал, чтобы корабль встал на якорь. Корабль не подчинился. Он понял, что кораблем управляет не командир, а замполит Саблин. Косов сообщил о случившемся главнокомандующему и министру обороны. Главнокомандующий сказал, что сам выйдет на связь с кораблем. В разговоре с ним Саблин потребовал связи с правительством, после чего на связь с мятежным кораблем вышел министр обороны маршал Советского Союза Андрей Гречко...

Хроника парада 7 ноября 1975 года. Маршал Гречко объезжает войска.

Как я благодарен судьбе и своему ассистенту за то, что он нашел эту пленку с парадом. Ведь на телевидении после 1991 года все старались стереть и выбросить.

Автор:

– Только что с крыши Мавзолея министр обороны клялся в неколебимой верности Коммунистической партии и ее генеральному секретарю – и вдруг такой поворот!

По свидетельству Косова, в шесть часов утра Гречко доложил верховному главнокомандующему Брежневу о сложившейся ситуации.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

По тревоге был поднят Балтийский флот.
Кадры военной хроники.

Автор:

– Приказ Москвы: догнать, остановить, если не подчинится – уничтожить.

Из письменных показаний Бориса Нечитайло, возглавлявшего в то время штаб дивизии, в состав которой входил «Сторожевой»:

«Корабль вышел из Риги, проследовал рекомендованным курсом по Рижскому заливу, далее фарватером по Ирбенскому проливу и после прохода маяка лег на курс 290...»

Адвокат:

– Уважаемый Председатель! Я хотел бы задать уточняющие вопросы вице-адмиралу Косову.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Косов появляется на свидетельской трибуне.

– Можно ли считать, что курс 290 – нормальный курс при движении по Рижскому заливу?

– Это нормальный курс при выходе из Ирбенского пролива, ведущий в территориальные воды Швеции...

В кадре появляется уникальный документ – военная карта района происшествия. Курс корабля проложен рукой капитана Саблина (правда, уже в тюрьме).

На экране в зале матрос Николай Соловьев.

– Помните ли вы события на корабле «Сторожевой»?

– Да, конечно. Это самое большое событие в моей жизни. (Лицо Соловьева в этот момент просияло.)

Все съемки велись репортажно. Вопросы, которые задавались, никому не были известны. Поэтому и ответы были искренние и даже неожиданные.

– Что вы делали в ночь с 8 на 9 ноября 1975 года?

– Я стоял на руле, вел корабль.

– Интересовалась ли команда маршрутом движения корабля?

– Да, интересовалась. Я всем говорил, что в Швецию мы не идем. Мы идем в Ленинград.

– От кого зависел курс корабля?

– Когда я стоял на руле, только от меня. На следствии меня даже спрашивали, почему я не направил корабль в берег, чтобы посадить на мель?

– А почему вы не направили корабль в берег?

– Потому что я полностью доверял Саблину и поддерживал его планы.

Лица присяжных заседателей были подчеркнута бесстрастны. Зато публика в зале откровенно

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

волновалась, реагируя на каждый ответ свидетеля. Особенно напряжены были братья Саблина. На Нину просто было тяжело смотреть. Она сидела окаменевшая, опустив глаза, но не пропускала ни одного слова.

Временами она вглядывалась в экран, когда шла хроника.

Никому и в голову не могло прийти, что это инсценировка. Все было по-настоящему серьезно.

У нас не было в руках самого дела Саблина. Но к началу процесса нам удалось раздобыть текст его воззвания. Во Владивостоке мы сняли рубку, из которой полетели в эфир слова воззвания, а на другом конце страны, в Калининграде, мы нашли человека, который решил передать это воззвание с корабля.

Автор:

– Ваша должность на момент события?

Виталий Виноградов:

– Командир поста засекреченной аппаратуры связи.

– Вы передали обращение Саблина?

– Не все! Частично.

Автор протягивает ему текст, напечатанный на машинке:

– Имеется в виду это обращение?

Виноградов курит, внимательно рассматривает листы, читает вслух начало текста.

«... Всем! Всем! Всем! Говорит противолодочный корабль «Сторожевой». Мы обратились через Командующего флотом к Центральному комитету КПСС с требованием дать возможность одному из членов

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

экипажа выступить по Центральному телевидению и радио с разъяснением задач нашего политического выступления ...»

– Да, именно это я и передал.

– Вы понимали ответственность, серьезность этого обращения?

– Да, понимал. У меня даже волосы дыбом стояли, когда я передавал.

– И все-таки вы решились...

– Надо же было кому-то передавать. Другие отказались.

– Вы уже тогда понимали, что в этом обращении правда?

– Да, понимал. И поэтому решился поддержать Саблина.

– А было вам страшно?

– Не только мне, всем было страшно. У моего напарника истерика была: «Не хочу умирать!» – кричал. Пришлось успокоить по-флотски, по щекам...

– А сами вы готовы были умереть?

– А куда деваться было? Куда?..

В зале по решению председателя суда диктор зачитывает текст обращения Саблина по стенограмме, оформленной протоколом от 12 декабря 1975 года старшим следователем по особо важным делам следственного отдела КГБ, капитаном Добровольским. Тогда мы еще не знали, что через несколько дней услышим запись самого Саблина...

Диктор за кадром:

«... Мы не предатели Родины, не авантюристы, ищущие известности любыми средствами. Назрела

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

крайняя необходимость открыто поставить ряд вопросов о политическом, социальном, экономическом развитии нашей страны.

... Мы осознаем опасность быть уничтоженными физически или в моральном смысле соответствующими органами государства или наемными лицами. Поэтому мы обращаемся за поддержкой ко всем честным людям нашей страны и за рубежом.

Поддержите нас, товарищи!»

Ударом колокола заканчивается первая серия картины.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

После короткого напоминания зрителю содержания первой серии вторая начинается с показаний капитана первого ранга Юрия Можарова.

— Ваша должность на момент события?

— Командир бригады ракетных кораблей Балтийского флота.

— Вы не возражаете против записи нашей беседы на пленку?

— Нет, не возражаю.

— Что передавал «Сторожевой» на берег?

— «Сторожевой» передавал на берег обращение к народам мира и народам СССР. Но передавал это в закрытой сети, то есть его фактически слышали только мы. Мы стояли с командиром дивизии и читали этот текст. А больше никто в мире его не слышал.

— Как вы отнеслись тогда к тексту этого обращения?

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

– Я слушал это обращение со смешанным чувством. Тогда я уже понимал, что не все в стране делается так, как написано в руководящих документах и Конституции. Но действия такого офицера-одиночки я понимал как самоубийство. Такой акт к положительному результату тогда привести не мог.

Обвинитель:

– Я прошу таким же образом продемонстрировать показания Бобракова.

Бобраков на экране в зале:

– Я был тогда начальником штаба дивизиона малых ракетных кораблей. В 4 часа утра получил приказ: догнать, задержать. Если не будет подчиняться – уничтожить. Мы из одной дивизии, и они знали, что от наших кораблей пощады нет. Я не сомневался, что приказ будет выполнен. Это дело чести офицера. Я так рассудил: ущерб, который будет нанесен моей Родине переходом корабля со всеми шифродокументами, кодировочными машинами, суперновойшей аппаратурой космической связи плюс литера ракет, – это миллиардный ущерб. Нельзя позволить уйти такому кораблю в чужой порт. Если люди враги, они будут потоплены. Если люди дураки, за глупость надо расплачиваться.

Поэтому повторяю: я не сомневался, что приказ выполню...

В зале моряки внимательно слушают эти слова офицера. По существу, все они были смертниками, но впервые видели лицо человека, который должен был их расстрелять. В качестве дополнения вице-адмирал Косов рассказывает, какие огромные силы были задействованы против мятежного корабля.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Можаров продолжает:

– Я достоверно знаю, что ракетная авиация лежала уже на боевом курсе и имела приказание нанести удар по тому квадрату, где находились кроме «Сторожевого» десятки кораблей. Уничтожить все живое в том районе...

Автор:

– Почему Саблин не остановил корабль?

Матрос Нехраш:

– Мы шли в Ленинград и мы не могли предположить... Он сам говорил – по нас стрелять не будут. Там было 108 человек, советских людей, еще не предателей Родины, и мы шли точно в Ленинград. На руле стоял мой товарищ Соловьев. Я ему верил, как самому себе. Он все время говорил, что мы идем в Ленинград.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Если бы мы почувствовали, что корабль направляется в Швецию, корабль тут же застопорил бы ход...

– Имел ли право Саблин рисковать жизнью стольких людей?

– Думаю ...нет.

– И сегодня так думаете?

– Да.

Мнения разошлись: одни поддерживали Саблина, другие и теперь были против. Это только подчеркивало объективность судебного разбирательства. Нет, это не был «сыгранный» спектакль. Это было подлинно документальное действо.

Вице-адмирал Косов в зале на свидетельской трибуне:

– На корабль была сброшена серия малых бомб. Были даны пушечно-пулеметные очереди по курсу корабля. По всем нашим существующим законам, для корабля, совершающего предательские действия, это последнее предупреждение. После чего следует его уничтожение.

Обвинитель:

– Вас не смущало, что вместе с Саблиным погибнут его противники, а ваши сторонники, им незаконно арестованные? Большая группа офицеров, мичманов, в том числе командир корабля, – должны были погибнуть?

– Это нужно было спросить у Саблина, как он мог так поступить с людьми. Ведь ему сообщали открытым текстом. И голосовой связью, и по радио. Если корабль не застопорит ход, он будет уничтожен.

– Вероятно, он не верил в реальность этих угроз, считал, что его только пугают. Каким образом можно

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

было отдать приказ на уничтожение, зная, что там находятся ваши сторонники?

– Но тогда-то я этого не знал. Я видел, что корабль движется, что кораблем управляют. Корабль уже входит в нейтральные воды...

– С чьей санкции был отдан приказ об уничтожении корабля?

– Я вам сказал: верховного главнокомандующего вооруженными силами страны, то есть генеральным секретарем нашей партии Брежневым.

– Вам точно это известно?

– Я получил приказ министра обороны, утвержденный верховным главнокомандующим.

Кинохроника. Вручение маршальских погон Брежневу в присутствии всех членов Политбюро. Брежнев обращается со словами благодарности к собравшимся.

Сегодня эти кадры вызывают у зрителя ироническое отношение.

Авторский комментарий только усиливает эту фарсовую ситуацию.

Автор:

– Одержав победу над мятежниками, Брежнев присвоил себе высшее воинское звание маршала. Чтобы оправдать бриллиантовую звезду в галстук, ему скоро потребуются «маленькая» война в Афгане.

Между тем события на корабле развивались дальше. Получив 30 пробоин корабль остановился. Один из матросов, не поддержавших Саблина, спустился в пост, сбил замки и освободил офицеров и командира корабля. Командир корабля Потульный

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

тут же бросился на ходовой мостик с пистолетом и, увидев Саблина, выстрелил...

Капитан Потульный отказался принять участие в нашем общественном слушании, но дал письменные показания, которые были зачитаны секретарем суда на процессе:

«Я сначала направил пистолет в печень, но потом подумал, что он будет нужен для следствия, и выстрелил в ногу. Считаю, что он нарушил присягу и был организатором бунта. Я, как капитан, был отстранен и должен был прекратить его действия...»

Автор:

— Здание Лефортовской тюрьмы в Москве. Отсюда никто никогда не бежал. С царских времен это была тюрьма для непокорных офицеров. КГБ содержал здесь самых опасных государственных преступников. Сюда привезли Саблина на допрос.

Уже после суда под напором общественности следователь по особо важным делам капитан КГБ Добровольский, который и вел от начала до конца следствие, согласился сниматься. Конечно, мы решили использовать этот материал. Хотя известная композиционная трудность у нас возникала, так как он вклинивался в картину как бы вне времени и пространства. Я думаю, что участие Добровольского не разрушило «эффект присутствия», которым мы так дорожили в картине. Может быть, использование хроники и снятых в разное время интервью, такая заданная мозаичность, позволили сохранить цельность картины. Телевидение и кино постоянно смешивались в фильме.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

– Мы снимали утром, в воскресенье, на Малой Лубянке в кабинете следователя.

– Ваше имя, фамилия?

– Добровольский.

– Ваше звание на момент события?

– Капитан, старший следователь по особо важным делам следственного отдела КГБ СССР. Я работал в бригаде на участке, связанном с допросами Саблина и некоторыми следственными действиями, которые относились непосредственно к нему.

– Что представляет из себя это дело?

И тут случилось чудо, которого мы так долго ждали. На столе у следователя лежали тома дела с грифом «совершенно секретно».

Добровольский:

– Все дело состоит из 39 томов. Плюс том судебного производства. То есть всего 40 томов. В них сосредоточены все материалы, которые удалось следственной группе найти, составить. Ничего другого по делу Саблина нет.

Он раскрывает первый том дела:

– Вот, 11 ноября 1975 года старший следователь капитан Добровольский начал допросы Саблина в 13 часов 30 минут...

Пока следователь перелистывает дело, мы возвращаемся на основное место действия. В перерыве между заседаниями суда у нас есть возможность побеседовать с публикой.

Писатель Даниил Гранин:

– Я ленинградец, петербуржец. Это происходило возле нашего города. Что-то говорили, что-то слышали

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

в 1975 году. Оказывается, это было восстание! Это был призыв к революции...

Преподаватель Военной Академии Юрий Носков:

– Политическая активность военных, превращение армии в субъект политики не вписывается в концепцию правового государства. Это ставит армию над государством. Но, видно, жизнь богаче и есть исключения из правил, которые оправдываются нравственностью, моралью...

Правозащитник Владимир Буковский:

– Мне кажется, немножко преждевременно говорить об ореоле героев, который якобы возник вокруг диссидентов. Страна до сих пор очень расколота...

Снова кабинет следователя, «украшенный» портретом Дзержинского.

Добровольский:

– На первые допросы он приходил на костылях. Врачи тщательно следили за его здоровьем. Пришли к выводу, что хождение на костылях не на пользу заживлению раны. Поэтому Саблина стали носить на носилках. Такой штрих. Когда его принесли на носилках первый раз, специально было подобрано кресло с мягкой передней частью. Он лежал в кресле, чтобы не беспокоилась нога. И мы работали...

Мы работали с ним с утра до вечера. Пили чай. У нас ведь совершенно другие методы допросов, чем были когда-то, много лет назад. Складывались хорошие взаимоотношения... Ему было даже неудобно говорить мне неправду.

Автор:

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

– Признавал ли Саблин себя виновным в измене Родине?

Добровольский (перелистывая листы дела):

– Через восемь дней, как я начал с ним работать, он сказал: «В предъявленном мне обвинении я признаю себя виновным частично». И перечисляет, в чем он считает себя виновным: «Я признаю себя виновным в нарушении присяги, в изоляции командира корабля, умышленном неподчинении приказам командующего Балтийским флотом. Вместе с тем, я не считаю себя изменником Родины. Все, что мы делали, мы делали на благо Родине.»

Примерно так звучал его ответ.

Автор:

– Кто квалифицировал поступок Саблина как измену Родине?

– Я считал, исходя из теории, которая определяет ответственность за измену Родине, что его действия объективно подпадали под признаки статьи «64», пункт «а».

В зале председатель суда предоставляет слово в качестве эксперта по вопросам уголовного права *профессору Генриху Миньковскому*:

– Петр Первый говорил: «Не держись закона, как слепой стены держится. В законе правила писаны, а случаев и времен там нет».

Закон дает исчерпывающий перечень форм измены. Это переход на сторону врага. Шпионаж или выдача государственной или военной тайны. Бегство за границу или отказ вернуться. Помощь иностранному государству в организации враждебной деятель-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

ности на территории страны. И, наконец, заговор с целью захвата власти.

По всем этим пунктам мы опрашиваем свидетелей.

– Ваше имя, фамилия?

– Михаил Буров.

– Готовы ли вы говорить правду и только правду во имя исторической справедливости?

– Да, готов.

– Призывал ли вас Саблин покинуть пределы страны?

– Нет.

– Перейти на сторону врага?

– Нет.

– Передать корабль под юрисдикцию другого государства?

– Нет.

– Призывал ли он к заговору с целью захвата власти?

– Нет.

– Провоцировал ли мятеж на других кораблях с целью свержения существующего строя?

– Нет.

– Были ли в высказываниях, в приказах и в обращениях Саблина намерения просить политическое убежище, выдать секреты и государственные тайны?

– Нет.

Адвокат просит допросить свидетеля Виктора Борода.

Бородай:

– Изменником Родины я Саблина никогда не считал. Мотивы его нам были понятны. Мы собирались поддержать его. Он болел за Родину. В то время уже

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

было видно, что жизнь в стране отличается от того, что пишут в газетах.

— Как вы считаете, был ли какой-нибудь шанс на успех?

— Я сомневался, что нам удастся прорваться в Ленинград. Но я его поддержал. Потому что его выступление так подействовало на нас. Первый раз мы услышали правду.

Кабинет следователя.

Автор:

— Были ли вам лично понятны мотивы поступка Саблина?

Добровольский:

— У меня сложилось впечатление, что Саблин чувствовал, что необходимы какие-то перемены. Но четкого плана у него не было. И поэтому все, что он предлагал и делал, выглядело наивно и несколько по-детски.

— То есть вы считали, что он в известной степени утопист?

— Абсолютно! Абсолютно! Он рассуждал как утопист. Причем с налетом детского мышления даже.

— Почему же тогда следствие старалось так целенаправленно доказать, что он враг народа, изменник Родины?

— А все-таки это был человек, который отдавал себе отчет в том, что он делает. Это не было спонтанным решением. Он готовился два года. У него было расписано все. В какой каюте собрать офицеров, что им сказать. Каким замком запереть. Вот он купил заранее несколько замков...

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Старшина присяжных обращается к председателю с просьбой, чтобы свидетели дали характеристику Саблину: известны ли им какие-либо факты, свидетельствующие о тщеславии, неуравновешенности, неискренности?

Этот вопрос помог нам перейти от фабулы дела к попытке нарисовать образ нашего героя. Хотя образ Саблина начинал проявляться в картине уже независимо от нашего желания.

Сначала характеристику дали моряки. Потом дополнили портрет капитана его родные и друзья. За этим материалом мы отправились в Горький.

Говорит *родной брат Саблина Николай*:

— Я не могу точно сказать, когда у него эта вот любовь к флоту зародилась. Но думаю, что давно, задолго до окончания школы. Флотские традиции в семье богатые. Дед матери был флотским офицером, и в 14-м году погиб. Корабль был взорван немецкой подлодкой. Наш дед, Бучинев Василий Петрович, тоже был морской офицер. И, конечно, отец — флотский офицер. Он был заместителем начальника Северного флота...

Семейные фотографии.

Автор:

— Валерий Саблин закончил Ленинградское училище на набережной лейтенанта Шмидта. Наверно, это не простое совпадение. Ведь за семьдесят лет до Саблина именно Петр Шмидт возглавил мятеж русских моряков на Черном море. В каюте Саблина всегда висел портрет легендарного революционера.

Старший брат Борис Саблин:

– На первых порах я просто долгое время не мог понять, для чего это он сделал. Сказать, что этот поступок похож на поступок самоубийцы, я не могу, потому что я прекрасно знал его характер. Знал, что у него прекрасная семья. Казалось бы, должен подумать и о семье? Этот вопрос долго не давал мне покоя, а потом я понял. Нужны были какие-то активные действия, чтобы создать трещинку, хотя бы микроскопическую трещинку в этой системе. Здесь не было никакой романтики, никакого утопизма. Это был человек целеустремленный. Знал прекрасно, что он делает.

Тамара Саблина, сестра:

– Я думаю, что он не мог вынести оскорбления страны, народа, что правит нами клика во главе с подобным генсеком.

Борис Саблин:

– При всей его честности, при всем его отношении к жизни, как могла сложиться его судьба в эти десять лет до перестройки? Люди его характера либо спивались, либо кончали с собой, либо шли в лагеря, на каторгу. Все-таки я думаю, что он пошел на это, рассчитывая, что шанс у него есть. Крикнуть во все горло...

Кабинет следователя.

Автор:

– Вы прослушали пленку с его радиообращением? Она есть в деле?

Нам показалось, что Добровольский как-то смутился в этот момент.

Добровольский:

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

– Он записал три пленки. Две он отослал с помощью матроса Шеина, а одна осталась у него в шкафу на корабле. Все три пленки у нас есть в деле.

– Мы с волнением рассматриваем эти крохотные моточки пленки, за которые отдал жизнь капитан Саблин.

Следователь включает магнитофон, и мы слышим эту хриловатую запись:

«Здравствуйте товарищи! Я обращаюсь к тем, кто революционное прошлое нашей страны чувствует сердцем. Кто критически, но не скептически оценивает настоящее, и кто мыслит о будущем нашего народа. Прежде всего большое спасибо вам за поддержку, иначе я бы сегодня не беседовал с вами. Наше выступление не есть предательство Родины, а чисто политическое прогрессивное выступление. И предателями Родины будут те, кто попытается нам помешать.

Мои товарищи просили передать, что в случае военных действий против нашей страны, мы будем достойно защищать ее. Но сейчас наша цель другая. Поднять голос правды...»

Фотография Саблина из «дела». Звучит колокол.
Конец второй части.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

После короткой прамбулы, с использованием новых кадров хроники и снятого материала, помогающего зрителю включиться в нашу картину, мы снова оказываемся на Лубянке, в кабинете следователя.

Через месяц после начала дознания Саблин изменил свои показания.

Добровольский читает новые показания Саблина:

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

«За время следствия я имел возможность еще раз продумать и более трезво оценить свою вину, свои взгляды и рассуждения политического характера. В результате чего пришел к выводу, что глубоко заблуждался в своих оценках внутривнутриполитической деятельности Центрального Комитета Коммунистической партии и советского правительства, в своих рассуждениях о будущих, так называемых преобразованиях в нашей стране. Я пришел к выводу, что мое выступление по телевидению ненаучно, абсурдно по содержанию, носит клеветнический характер, и так называемые выступления не были бы поняты народом.

Я раскаиваюсь в своих действиях, сожалею, что вовлек в это выступление молодых еще людей...

Считаю, что их увлекла новизна и эффектность поставленных мною вопросов, а также эмоциональность изложения их. Я искренне, глубоко и бесповоротно отказываюсь от всех, глубоко неверных моих теоретических, в кавычках, положений и резких клеветнических высказываний в адрес ЦК КПСС и советского правительства, изложенных в различных моих записях...»

Такой неожиданный поворот в нашей истории. Теперь мы попытаемся понять причины этого слома в настроении Саблина. Прежде всего мы просим объяснений у следователя.

Добровольский:

— Для меня это тоже было загадкой. Причем объяснить это тем, что он страшился наказания? Вроде бы нет. Он не считал, что это закончится высшей мерой наказания. В своих заявлениях он пишет, что пони-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

мает – на флот ему не вернуться, но после того, как суд определит ему наказание, он готов работать на благо Родины. То есть у него не было убеждения, что надо спасать свою жизнь.

Автор:

– Считаете ли вы, что Саблин лавировал, сознательно путал следствие?

– Нет, я так не считаю. Он был искренен со мной. У нас установились хорошие отношения. Нигде его не били, нигде не пытали. Всегда и везде относились к нему с должной предупредительностью. Так что объяснить сейчас, почему Саблин так резко изменил свои показания, я не могу.

– Считаете ли вы, что над вами существовал негласный политический надзор, который и обусловил все ваши действия?

– Нет, я бы не сказал. Я считал и считаю сейчас, что честно делал свое дело.

Возвращаемся в зал суда. Адвокат просит слова:

– Уважаемый председатель! Уважаемые присяжные! 28 февраля 1976 года в ЦК КПСС поступает рапорт, подписанный председателем комитета госбезопасности Андроповым, министром обороны Гречко, генеральным прокурором Руденко и председателем Верховного суда Советского Союза Смирновым. В этом документе указанные лица верноподнически сообщают, в каком положении находится следствие по настоящему делу и просят согласия привлечь к суду только капитана Саблина и матроса Шеина, а остальных участников этого события освободить от уголовной ответственности.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

На экране появляется документ, где суд обращается с ходатайством в ЦК КПСС – приговорить Саблина к высшей мере наказания. На документе стоят подписи всех членов Политбюро: за – Брежнев, за – Суслов и т.д. Эти магические закорючки имели силу, куда большую, чем закон.

Мы подробно рассматриваем зал высшего судилища Советского Союза. Оно сохранилось в своем первозданном виде со всеми знаками и символами. Вот место для прокурора. Вот место для адвоката. А вот скамья подсудимого...

За кадром звучит голос Саблина с его обращением:

«... Ленин мечтал о государстве справедливости и свободы, а не о государстве жестокого подчинения и политического бесправия.

К сожалению, этого не произошло, и у нас ЦК и правительство – два сапога пара, а вернее, сапог в сапоге. Практически судьба всего народа находится в руках избранной элиты в лице Политбюро. Скажите, где, в каком печатном органе или передаче радио и телевидения допускается критика верхов? Это исключено.

Мы, конечно, можем миллион раз хохотать над сатирой Райкина, журнала «Крокодил», киножурнала «Фитиль». Но должна же когда-то появиться слеза сквозь смех по поводу настоящего и будущего Родины! Пора уже не смеяться, а привлечь кое-кого к ответственности и спросить за весь этот горький смех!

Наше выступление – это только маленький импульс, который должен послужить началом всплеска.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

И в заключение нашего выступления я хочу сообщить вам наши ближайшие действия.

Во-первых, мы будем требовать сохранения неприкосновенности территории нашего корабля, обеспечения его всеми видами довольствия.

Во-вторых, мы будем требовать ежедневного выступления по телевидению в течении 30 минут после программы «Время». В-третьих, мы будем требовать права на издание своего печатного органа и распространения его через «Союзпечать».

Ждем от представителей всех слоев населения корреспонденций, личных встреч и всяческой поддержки. Наш адрес: Ленинград, главная почта ВЧ 49358, до востребования. Если со стороны правительства к нам будет применена сила, чтобы ликвидировать нас, то вы об этом узнаете по отсутствию нашей передачи по радио и телевидению. И в этом случае только ваша политическая активность спасет революцию, начатую нами.

Поддержите нас, товарищи!»

Конечно, такой текст требовал изображения. Ни в коем случае нельзя было нарушить мысль иллюстрацией. Надо было искать знаки и символы, надо было опираться на лица людей, которые впервые слышат эти слова. Не все и не всегда удавалось.

Мы даже не смогли найти фотографию Саблина, которая как-то соответствовала бы этому кровотокающему Слову.

Приходилось рассчитывать на синхронные поддержки.

Автор:

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

– Вы присутствовали на суде?

Матрос Виноградов:

– Да.

– Что вспоминается?

– Закрытость. Вот сейчас читаешь – очень смахивало на сталинские времена.

– Какое впечатление произвел на вас Саблин?

– Гнетущее, он был очень сильно подавлен. Может, его сломали в тюрьме? Небритый, в каком-то свитерочке несвежем. Я привык его видеть в форме, подтянутого, выбритого. А тут сидел сутулый. Я даже боялся на него смотреть...

Нам разрешили снимать в Лефортовской тюрьме.

Оказывается, безусловно, в целях слежки Саблину позволили переписку с родными...

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Вот отрывки из этих писем:

«Дорогие мои Нина и Миша!

Сегодня 22 марта. Получил сразу и письма и посылку. Конфеты мне тоже дали от вас. Письмо шло три дня, а вот мое письмо от 12 марта вы почему-то еще не получили... Что я могу написать о себе, кроме того, что здоров, бодр, читаю книги.

Книги, книги и книги – это сейчас моя жизнь. Недавно закончил хорошую книгу «Сервантес». Жалко, что мы ее не прочитали перед тем, как смотрели спектакль «Человек из Ламанчи».

Ценность Дон Кихота в том, что он не выдуман, а выстрадан автором. Я вспоминаю слова Тургенева о Дон Кихоте: «Когда переведутся такие люди, пускай закроется навсегда книга истории. В ней нечего будет читать».

«Здравствуйте, мои дорогие папочка и мамочка!

Спасибо, что не забываете меня, великого грешника. Я же понимаю, что не из-за погоды, а из-за меня у вас ухудшилось здоровье. И это мучает меня, так как я вас очень люблю. Сейчас пишу, а перед глазами фотокарточки: мама, папа и я у избы. Всегда мысленно с вами, родные мои.

Целую крепко. Ваш Валерий».

Николай Саблин дома перебирает записочки брата Валерия.

Николай:

– В один из последних приездов, понимая, что разлука будет сложной, Валерий, Нина и Миша написали маленькие записочки с добрыми пожеланиями и спрятали их в разных местах.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Вот, например: «Как, папочка, дела огородные? Ты очень-то не переутомляйся. Желаю богатого урожая». «Желаем счастливой грибной охоты». «С легким паром!» И всюду веселые пляшущие человечки...»

Тамара Саблина:

– У него с отцом перед отъездом произошел очень серьезный драматический разговор. Быть может, тогда Валерий и рассказал отцу о своей программе. Но дядя Миша кадровый офицер, фронтовик, воспитанный на старых традициях, он, конечно, не мог понять сына...

За несколько дней до мятежа Валерий все-таки написал письмо отцу.

В ответ пришла «молния»: «Получили письмо. Удивлены, возмущены. Умоляем образумиться...»

Общественное слушание по делу Саблина продолжается. На свидетельской трибуне матрос Шеин.

Обвинитель:

– В период предварительного следствия оказывали на Вас какое-либо давление?

– Нет, не оказывалось.

Адвокат:

– Как вы ответили на вопрос – признаете ли вы себя виновным?

– Я признал себя виновным еще при предъявлении обвинительного заключения.

– Вы считаете, что изменили Родине?

– Не считаю, и тогда не считал.

– Почему же вы признали себя виновным?

– Я боялся за него. Потому что открыто говорили, если вы покаетесь, будет лучше.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

– Для кого лучше?

– В отношении Саблина. Я не верил, что у них хватит духа или совести применить к нему высшую меру наказания.

Секретарь общественного суда зачитывает приговор тогдашнего судилища:

«Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила: Саблина Валерия Михайловича признать виновным в измене Родине, то есть в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР. И на основании этого закона подвергнуть его смертной казни без конфискации имущества, за отсутствием такового.

Шейна Александра признать виновным в соучастии в измене Родине, в качестве пособника... Лишить его свободы сроком на восемь лет, из которых первых 2 года содержать в тюрьме, а остальной срок – в исправительно-трудовом лагере строгого режима. Судебные издержки на общую сумму 243 рубля 10 копеек распределить следующим образом: взыскать с Шейна в доход государству 186 рублей 50 копеек. Остальную сумму 56 рублей 60 копеек принять на счет государства.

Приговор обжалованию и опротестованию в кассационном порядке не подлежит».

После оглашения этого приговора мы обратились к участникам процесса с вопросом: если бы от вас зависело решение суда, какое наказание вы бы избрали?

Вице-адмирал Косов:

– То, которое было принято. И знаете почему? Первое – он поколебал веру во всех политработников.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Второе – он унизил личный состав этого экипажа. И последнее... я никогда не думал, что высший офицер военно-морского флота может стать предателем и преступником. Никогда в это не верил.

Капитан Можаров:

– Нет, я его не обвиняю. Это человек был с повышенным чувством совести. Я бы сказал, он опередил время на целых десять лет.

Начальник штаба Нечитайло:

– Сахаров ведь не схватил водородную бомбу: а ну-ка выполняйте мои требования. Он отказался от всех привилегий и стал выступать. Вот этот поступок заслуживает уважения. Нельзя никакое дело делать бесчестно и незаконно. Нельзя оправдать ни одно беззаконие. Нарушителю закона, тем более военному человеку, у которого оружие в руках, не может быть никакого оправдания. Никакого!

Удар колокола. И мы обращаемся к матросам.

– Имел ли право Саблин ради достижения своей цели рисковать жизнью стольких людей?

Шейн:

– Права у него такого не было. Но как бы его ни обвиняли, никто, кроме него самого, не пострадал. Меня можно не брать во внимание вообще.

Соловьев:

– Конечно, пользы мы принесли немного. И жизнь себе попортили. Но может, чего-нибудь и сделали хорошее...

Председатель:

– Судебное следствие закончено. Разрешите приступить к следующей стадии нашего процесса – пре-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

нию сторон. Слово предоставляется обвинительной стороне – Максиму Хазину.

Хазин:

– Давно известно, что не каждый мученик святой. Мы обязаны четко представлять себе, что замполит Саблин не только жертва режима, но и порождение его. И он ради достижения своих утопических идеалов едва не пожертвовал, вольно или невольно, жизнью экипажа. Ему ли было не знать, что на острове Березань погребен не только такой же, как он, противник насилия лейтенант Шмидт, но и казненные вместе с ним три матроса, которых он увлек за собой. А десятки других, только с этого крейсера «Очаков», пошли на каторгу и в тюрьмы...

Памятник революционерам.

Автор:

– Какая пропасть в России. Декабристы, народники, большевики и прочие революционеры говорили, что страдают за народ, но этим же народом всегда и жертвовали.

Завершая свою речь, обвинитель приходит к выводу, что оснований для обвинения Саблина в измене Родине не было тогда и не подтвердилось сейчас в результате судебного следствия.

Камера смертника в Лефортовской тюрьме.

Автор:

– Здесь угасла последняя надежда. Саблину, конечно, отказали в помиловании, и где-то за стеной приговор был приведен в исполнение.

Последний разговор на экране в суде с женой Саблина Ниной.

Автор:

– Он верил, что его расстреляют по приговору суда?

– О том, что его расстреляют, по-моему, он не догадывался. Было сделано все, чтобы убедить его в том, что не будет расстрела. Его обманули. Обещали, чтобы он вел себя на суде поскромнее. Еще он сказал, что адвокат защищал не его, а власть.

– Каково было содержание вашего последнего разговора с ним?

– Точно я сказать не могу. Свидания были такие короткие. Все, как сплошной сон. Осталось только какое-то общее впечатление. Точно сказать не могу. Я прошу вас – не снимайте меня...

Медленное затемнение в кадре. Одна за другой проплывают фотографии Саблина. Вся его короткая жизнь...

Из речи адвоката на общественном слушании по делу Саблина:

– Во имя чего мы потревожили тень убитого капитана? Во имя справедливости. Во имя правды. Мы должны расставить на места всех и все события, которые происходили почти семьдесят лет нашей перевернутой жизни. Когда история переписывалась с каждой сменой генерального секретаря, когда вымарывались целые главы... Когда герои Родины представлялись перед народом как изменники, а лицемеры и предатели возводились на пьедестал.

Я хочу напомнить вам, что в нашем праве есть такое понятие, как крайняя необходимость. В условиях 1975 года Саблин действовал в состоянии крайней необходимости. Мы знаем, что пробить эту носорожью шкуру можно было только ударом такой силы,

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

который был нанесен. Иначе не докричаться. Иначе не услышали бы. Не услышали никогда.

Тень погибшего капитана присутствует в зале. И, готовясь к участию в этом процессе, я не предполагал, что так высок будет его общественный и нравственный накал. Я не предполагал, что окажусь действительным защитником капитана Саблина. И если за моей спиной нет сегодня реального человека, то за моей спиной есть его доброе имя, есть честь его семьи. И я очень надеюсь, что ваш вердикт и наш процесс в целом вернут этой семье последнее, что у нее осталось и на что она имеет право – доброе имя Валерия Саблина.

На окраине Нижнего Новгорода – старое русское кладбище.

Автор:

– Здесь покоится прах родителей Саблина. Отец умер, не дождавшись известия о гибели сына, Мать ушла вскоре. Только через год в дом пришла по почте справка: гражданин Саблин умер 3 августа 1976 года. Причина смерти – прочерк, место смерти – прочерк.

Председатель общественного суда обращается к присяжным заседателям:

– Уважаемые, присяжные заседатели! Прошло судебное следствие. Вы выслушали обстоятельные выступления сторон. Теперь дело за вами. Вы уединитесь сейчас для того, чтобы вынести решение. Пусть вам сопутствует совесть, гражданский долг. С Богом!

Заседание присяжных заседателей мы снять не смогли, хотя собирались и очень хотели. Во время пе-

рерыва мы продолжили беседовать с публикой.

Тимур Гайдар:

– Я весь в противоречии, потому что я им восхищен. И вместе с тем, я, как военный человек, озадачен, растерян. Я считаю, что присяга для военного человека должна оставаться присягой. Если человек не согласен с существующим строем, если он не может терпеть того, что происходит, долг и честь его обязывают подать в отставку и потом уже вести борьбу. Никакое цивилизованное общество признать право офицера на такое выражение своего гражданского возмущения не может. И я, как военный человек, этого принять не могу...

Писатель Алесь Адамович:

– Если у этой партии были свои святые, то это не феликсы кровавые. Эта партия должна поклониться этому Человеку. Он, отвергая ее, отрицая ее, проклиная ее, но воспитанный и выросший из нее, он мог бы на Страшном суде своим поступком защитить ее, как политрук этой партии...

Священник отец Кирияк:

– С точки зрения Бога и Церкви, он поступил по совести. Это крик души о болях народа. Это самый благородный поступок и героический. С точки зрения Христа – нет больше той любви, кто душу свою положил за друзей своих...

Выпускники Морского училища готовятся к параду. И прежде и теперь морскому офицеру вручают кортик. Это не оружие. Это знак достоинства. Раньше на кортике делали надпись: «Жизнь – царю, душу – Богу, честь – себе».

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Бравые курсанты маршируют по набережной Невы. На постаменте загадочный древний Сфинкс.

Автор:

— Неужели и перед ними когда-нибудь встанет трагический вопрос: честь или долг? И чтобы от этого зависела судьба России?

Нет! Да минует их чаша сия.

На Лубянской площади на месте памятника Дзержинскому покосился деревянный крест.

Крутится маточек магнитной ленты.

Звучит голос Саблина:

— Всем, всем, всем! Говорит большой противолодочный корабль «Сторожевой»...

В зал входят 12 присяжных заседателей. Старшина передает решение председателю.

Председатель:

— На основании постановления жюри присяжных, выслушав мнения сторон, общественный суд считает Саблина оправданным перед Отечеством и Историей.

В зале люди выслушали это решение стоя, затаив дыхание. А Сергей Алексеев невольно вздохнул и продолжил:

— Совершая высокогражданственный поступок, жертвуя собой и собой пожертвовав, он служил Отечеству и народу.

По Неве, как в гриновской сказке, не то плывет, не то летит на всех парусах мимо дворцов и храмов гонимый ветром кораблик.

Автор:

— Отчего так в России? Кажется, добрей и дурней

ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

нас нет народа на свете. И в жертве, и в палачестве — мы первые. А уж если народится отчаянно смелый, честный человек, непременно сшибет его с ног идея какой-нибудь революции...

Над картиной работали, не щадя ни времени, ни сил мои товарищи: Андрей Медников, Лилия Зонина, Александр Михеев, Ирина Галкина, Роман Хрущ, Александр Летичевский, Юлий Ольшванг, Вячеслав Степанов, Вячеслав Бердников, Борис Зиньковский, Владимир Град, Валентин Борисов, Наум Боярский, Рубен Абрамян, Леонид Комарь, Валерий Иванов, Павел Лопатин, Алексей Макешин, Алексей Бинецкий, Любовь Ныркова, Виктор Дорохов, Анна Аксенова, Рубен Каранетян, Юрий Царьков, Михаил Хуммедов, Александра Стрижежевская, Гульфия Латыпова, Вячеслав Зиновкин, Лариса Вяжлинская.

Много сделал для картины писатель Николай Черкашин.

Продюсерами фильма были Александр Голубев и Александр Дышлок.

Может быть, «Русскую трагедию» сыграют когда-нибудь и на театре. Но пока эта документальная пьеса нужна сегодня в эфире для подрастающих поколений.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПРАЗДНИКУ

Я люблю отдавать долги. Всем, кому я чем-либо обязан. И если что-либо застряло в памяти, это постоянно болит и свербит, пока не найдет какого-либо отражения на экране. Большинство моих картин сделано по заказу. Не сам я приносил заявку. Кто-то снизу, сверху подталкивал меня, и тогда я вступал в игру. От чужой первоначальной заявки ничего не оставалось. Часто даже все выворачивалось в картине наизнанку. Но все равно в начале работы требовался толчок со стороны. Наверно, это не правило, а мой личный недостаток. Но надо же когда-нибудь признаться, что сам грешен и прожил свою жизнь «неправильно». Нынешние времена призывают к инициативе. Под «лежачий камень» вода не течет. А я всегда любил сказку о солдате и топоре:

Приходит солдат к скупой хозяйке и просит его накормить. Жадюга, естественно, отказывается. Тогда солдат предлагает сварить «суп из топора». Удивленная хозяйка соглашается. Солдат сначала

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПРИГЛАШЕНИЕ К ПРАЗДНИКУ

принимается за топор, а потом просит прибавить к своему вареву то одного, то другого. И получились «щи» на славу.

Вот и я часто начинал картину без особенного интереса. Appetit приходил во время еды. Надо работать, работать и работать, и тогда вдруг обнаруживается, что тебе удалось выразить себя гораздо полнее, чем закладывалось в начале «по заказу».

На этот раз все случилось иначе.

Я сам долгое время не находил повод расплатиться со своими театральными учителями и наставниками. Все-таки я – вахтанговец по происхождению. И вахтанговская школа определила мое отношение к театру и кино, а после и к телевидению.

Приближалась круглая дата рождения «Щуки». Так ласково ее всегда называли ученики. Тогда ректор училища, замечательный актер Владимир Этуш нашел меня в «Экране» и уговорил снять полнометражную картину.

Праздновать – так праздновать принародно, а значит, по телевидению. Уговаривать особенно меня не надо было. Самому до смерти хотелось сделать «вахтанговскую» картину.

Конечно, в юбилейном фильме не стоит затрагивать больных вопросов. Как разошлись в свое время Захава и Симонов, и разрыв между театром и училищем существует до сих пор. Не стоит вспоминать и причину ухода Любимова на Таганку. Наверное, не нужно и волноваться, почему вахтанговский театр на время ушел из общественного сознания, а на первые роли среди театров вышли «Современник», ленинградский театр

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Товстоногова и та же любимовская «Таганка»? Все это не материал для юбилейного фильма. Здесь вполне хватит «своего» праздника. А фильм проблемный я сниму как-нибудь в другой раз.

(Пока, впрочем, не снял! И не знаю, сниму ли когда-нибудь. Хотя в моем личном отдалении от театра тоже кроется «вахтанговская проблема» – театр вне противоречий жизни своего современника, вне политики, на одном «искусстве» существовать долго не может.)

Но и не углубляясь в проблемы, у меня хватало ремесленных задач. Как соединить учебный процесс в училище с великими артистами? Как найти и объединить историю и сегодняшний день. В конце концов, как сделать легкий, увлекательный документальный спектакль, который сам напоминал бы театральное представление. И все это надо было решить быстро и с малыми затратами, как всегда на телевидении.

И еще была потаенная цель – найти «вахтанговскую» формулу зрелища, не только пригодную для театра, но и объясняющую то направление в документалистике, к которому я себя давно причислял.

Только сначала я не знал, как и с какой стороны подойти? Время было смутное: все болели политикой, обрадовались жесткой публицистике, топтали власть. А тут я вдруг со своей «Принцессой Турандот». Но ведь и сам Евгений Багратионович Вахтангов ставил свой знаменитый спектакль в такое же беспутное время и, как оказалось, очень кстати!

Господи! Как мудр бывает случай!

И вот мы с Митей Бритиковым, оператором моей первой деревенской киноповести «Макаровы», уже

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПРИГЛАШЕНИЕ К ПРАЗДНИКУ

маракуем в коридорах училища, соображая, что снимать. Настоящий сценарий писать некогда. Фильм должен быть готов к дате.

Замысел родился легко.

Надо показать, как из неопытного птенца вырастает настоящий артист. Значит, от вступительного экзамена и до выпуска. И не за четыре года, а за один час на экране. Таковы условия игры.

Надо связать славную историю училища и его нынешних корифеев – вахтанговцев. Но главное, надо объяснить себе и людям, чем отличается вахтанговское мировоззрение от всех прочих театральных школ. Не говоря уже о том, что картина должна быть ярким запоминающимся зрелищем, иначе нам не простит публика, не простят великие Артисты. Как всегда, хотелось объять необъятное...

Сюжет мог выстроить один вопрос: чем же все-таки отличается вахтанговский стиль? Одни должны сформулировать это словами, другие продемонстрировать в действии.

Фильм начинается с «капустника», который устроили студенты, только что принятые в училище. С песнями, с танцами, немисливо разодетые или почти голые они появились перед входом в здание и стали творить «вахтанговский» спектакль прямо на улице, на глазах ошарашенных преподавателей...

Через несколько минут их собрал в зале Владимир Этуш и устроил им дикий разнос:

– Вы поступили неправильно. Вы думаете, что то, что вы сейчас устроили и есть вахтанговское? Разлюли малина! Что я вижу теперь каждый день на Ар-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

бате. Что я ненавижу! Против чего мы будем бороться! Не против «капустников», а против этого театрализованного хулиганства. Вахтанговское – совсем другое! Это истина страстей в предлагаемых ситуациях...

Студенты были растеряны, они не понимали, за что им так жестоко попало. А я обрадовался, потому что получил «завязку» в картине.

Потом, на протяжении экранного часа, выскажутся все знаменитые и постараются дать свое определение «вахтанговской» школы. Актеры – Яковлев, Ульянов, Лановой, Катин-Ярцев, Калягин, Быков, Симонов, Райкин, Симонова, Гундарева, Любимов. В конце фильма Василий Ливанов на репетиции в своем театре «Детектив» даже сделает неожиданный вывод в кадре, что «школа» избежала канонизации, и в этом ее явное преимущество.

Нам удалось снять уроки выдающихся педагогов училища и выстроить в последовательности целый «учебный» процесс, вплоть до дипломного спектакля. У нас получилось втиснуть в метраж редкие записи сцен из спектаклей с Борисом Щукиным и Рубеном Симоновым. Конечно, монтажная структура была предельно напряжена, и временами казалось, что фильм развалится. Но, к счастью, этого не произошло.

Может быть, в картине «Приглашение к празднику» и нет каких-то сногшибательных открытий. Но, как говорят мои ученики, он и теперь смотрится на одном дыхании и будет смотреться завтра и послезавтра.

Когда я сам просматриваю его в очередной раз, у меня обязательно поднимается настроение. Есть

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПРИГЛАШЕНИЕ К ПРАЗДНИКУ

какая-то неразгаданная до сих пор тайна в открытии Вахтангова. Эта тайна, мне кажется, есть и в картине.

Я даже боюсь сказать это вслух, но, по-моему, документальный фильм получился «вахтанговским». Иногда радостный, иногда грустный, порой трогательный, а порой серьезный.

Когда Ролан Быков снял «Доктора Айболита», великий Ромм назвал его фильм разрушением кинематографа. Нарушая все каноны, Быков просто снял на пленке типичный вахтанговский спектакль (об этом он рассказывает сам в нашем фильме). И не могло быть иначе. Потому что вахтанговская кровь – сильная кровь. И если она вошла в плоть художника, значит, навсегда.

Работая над картиной, я сделал выводы и для своего направления в документалистике: да, я тоже стремлюсь добиться «истины страстей в предлагаемых обстоятельствах». Независимо от того, какие декорации мне предлагает жизнь в картину.

В свое время я всячески ратовал за то, чтобы документальный телефильм почувствовал себя спектаклем документов. Кинематографисты слабо реагировали на это предложение. Зато живое телевидение вдруг в девяностых годах стало театрализовать почти все свои передачи, за исключением чисто информационных. Игры и спектакли из живых событий и фактов мгновенно сожрали в эфире классическое документальное кино. И оно, бедное, где-то прижалось в углу программы, сетуя на неотесанное прямое вещание. Конечно, никто и не вспомнил термина «спектакль документов». Но все стали в самых невероятных

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

формах развлекать зрителя иногда самой серьезной по сути публицистикой. Телефильм оказался куда более консервативным и неповоротливым. Некоторые, правда, удачно сыграли в детектив, но сам путь «театрализации» документальной материи многим показался неэтичным.

Вопрос был деликатным: можно ли перенести театральные принципы строения, не повредив самой сущности документального кино?

Особое примечание:

Есть темы болезненные и острые, в которых откровенная театрализация действительно неэтична. Не со всяким материалом можно играть. Устраивать игрища на погостах неприлично. Острая театральная форма не смеет оскорблять чувства зрителей. Иначе передачи из самых благих намерений цинично развращают публику. А не воспитывают в ней нравственность или хотя бы гражданскую ответственность. Границы этические вообще не определены на телевидении. Во всяком случае, стоит подумать о возможностях и ограничениях при театрализации передач и фильмов острой общественно-политической тематики. Никто не говорит, и в куклы можно играть, а вот оскорблять национальное достоинство нельзя. Говорят, что в бесцензурной передаче границы дозволенного на совести автора. Нет, здесь уместно говорить о нравственности не отдельного человека – речь идет об общественной морали. А общественная мораль не может зависеть от индивидуальности, пусть даже самой талантливой.

С некоторых пор телевидение полюбило подделки. Подделываются журналистские расследования, кон-

курсы, ток-шоу. Поддельвается присутствие народа на передачах и телесудилищах. Поддельвается даже «глас народа». Телевизионная бижутерия часто портит документ. Исчезает аромат правды. Эстрадные фокусы, конечно, повышают рейтинг у самой невзыскательной публики на некоторое время. Но скоро интерес снижается не потому, что зрелищность противопоставлена документальному произведению, а потому, что неумелая театрализация выглядит дешевой.

Но в моих фильмах игра была «всерьез».

ДУРАКОВИНА

Особенно трудно дается телевидению жанр комедии. Нет, конечно, «смешной» эстрады на экране пруд пруди. Но вот документальная комедия – это большая редкость. И не потому, что в нашей жизни мало смешного. Глупости вокруг «как грязи», а вот юмора документалистам не хватает. Да и дело это не шуточное.

Уж не знаю, в чем тут главный секрет? Попробую сослаться на собственный опыт. Началось все с «Ярмарки», первого моего фильма в «Экране». Тогда я на дыбы поставил целый город Камышин, который справлял в 1968 году свое трехсотлетие. Что-то вышло из этой скоморошины, что-то оказалось не по зубам. Но тот опыт первой телевизионной документальной комедии мне пригодился.

К «Дураковине» подвел меня автор, Юрий Зерчанинов. Люди мы разные – и вкусы не совпадают, и взгляды. Ему хотелось все усложнять, а мне, наоборот, все упрощать. Но вместе мы сделали на телеви-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

дении немало любопытных работ, вероятно, дополняя друг друга. Я думаю, что режиссер и автор всегда должны быть в «контрапункте», даже если это одно и то же лицо.

Юра обнаружил в Костроме «большого оригинала» Кусочкина, на котором я и решил построить свою документальную комедию. Спустя тридцать лет после «Ярмарки» наступили «новые времена», когда растащили «Останкино» и появилось Российское телевидение. На дворе стояли смутные девяностые. Никто толком не понимал, куда выведет страну президент-баламут. Во всяком случае, он опустил страну и народ дальше некуда. То ли корысти ради, то ли по глупости. Помните бессмертный афоризм Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Мне надо было искать опору и смысл в самой работе. Для отчаяния было слишком много поводов, а вот для оптимизма не густо. Вот потому-поэтому я и снял свою самую веселую и жизнерадостную картину. Про Иванушку-дурочка, который не раз в сказках выручал Россию.

После короткой поездки в Кострому я написал заявку, с которой все и началось.

Вот она.

ДУРАКОВИНЫ ГРИНИ КУСОЧКИНА

(ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАЯВКА)

Все-таки Гриня Кусочкин – тот еще фрукт. Один на всю Кострому, а может быть, и на всю Рассею.

Спроси в городе, где мэр живет? Половина и

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПРИГЛАШЕНИЕ К ПРАЗДНИКУ

впрямь не знает, а другая половина обязательно соврет, чтобы с толку сбить. Вон этих иностранцев сколько шляется! Расповсюдились! Того и гляди как-нибудь государственную тайну свистнут. Недаром у нас в городе торчит Иван Сусанин на самом видном месте. Но не в том интерес, что наш мэр сам из рода Сусаниных, а в том, что сидел с Гринею рядом, на соседнем горшке, когда они вместе в одном саду маялись. Так вот, спроси приезжий человек, как Гринею Кусочкина отыскать – всяк укажет: Под горой, вниз от Кукольного, набережную не доходя, на Щемиловке.

Знают Кусочкина, конечно, не за то, что пожарник. Хоть по долгу службы жарится он на всех костромских пожарах. А в этих перестройках, сами знаете, всяк горит синим пламенем. Уважают Кусочкина за то, что – Художник. От него вся заграница тащится. Да и наши русские, кто послабже, от его картинок прямо в обмороке. Сам Гриня называет свои произведения уважительно – «дураковины».

Рисовать он начал случайно. Можно сказать, жизнь заставила.

Был Гриня классным фотографом. У него и теперь архив – дай Бог!

Да разве ж можно всю нашу колготню на фотографию тиснуть?

И захотелось Грине, тут уж вы мне точно не поверите, показать жизнь изнутри. Изнутри наша жизнь еще смешнее будет. Ну и схватился мужик за краски. Прямо так, нигде не учась. Некогда было ему учиться, когда картинка из тебя прямо прет! Никогда он моря не видел, а жажнул так, что народ на пристани разо-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

дрался – кому сей пейзаж достанется. Оказалось, что народу для красоты в доме обязательно нужна какая-нибудь дураковина. Сначала у него и кисточек-то не было. Он прямо рукой мазал. И смотри ж ты, какие у него сразу рисунки вышли.. От Костромы до океанов вон сколько пахать надо, а у Грини они даже натуральнее получаются. Главное, посмотришь на них – и смеяться хочется. Это при нашей-то жизни смех откуда взять?

Теперь Гриня и скрывать перестал, что он – натуральный гений. Сама Леночка, жена-художница, да еще с наивысшим образованием, так за гения его и считает. А ведь в ее платьишках вся Волга пляшет и поет. Но жена, может, не показатель? Так ведь в самом Парижеке приговор вынесли и диплом выдали, правда, не по-русскому писанный.

Знающие люди все же прочитали.

Так вот: Григорий Кусочкин – великий русский примитивист, не то Гоген, по-ихнему, не то Ван Гог. Одним словом, явление природы, которое только в России теперь и можно наблюдать.

На радостях Гриня принялся еще частушки складывать, чтобы все таланты проявить сразу. И музыку обещался сочинить, если ему Лена пианино купит. Что тут скажешь, если у мужика изо всех дырок талант прет!

А какой Гриня рассказчик знатный! Если в настроении, конечно. Свои байки травить начнет – народ клещами не отгатишь. Ну вылитый Василий Теркин, только с бородой и проплешиной. Кому-то даже Швейка напоминает. А так он – исконный русский

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПРИГЛАШЕНИЕ К ПРАЗДНИКУ

мужик. Как не ищи – чужой кровинки ни капельки до десятого колена. У него даже документик имеется, где вся родословная почище, чем у Романовых. Ни одной шельмы в роду – все коренные, неразбавленные, один к одному волжские русаки.

Вот почему он и народ свой пупком чует.

Непонятно только, откуда он свою главную идею подхватил?

Будь ты хоть семи пядей во лбу, но жить должен для радостей.

Еретик, конечно, но крещеный по всем правилам.

– Как хошь крутись, но чтоб радость была. И в доме, и на улице, да и во всей России. Обязан человек жить в радости – вот где, говорит, собака зарыта. А собак Гриня очень уважает. У него своя лохматка есть.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Старая, правда, хромая. Так он ее на руках по городу носит, для прогулки. Университетов Гриня не кончал, но книг прочитал тьму-тьмущую. И если к нему пристать по-хорошему, обязательно сдернет с полки Монтеня и шпарит – только держись.

– Незачем нам вставать на ходули. И даже на самом высоком из земных престолов сидим мы на своем заду..

Вот ведь как оказывается! И во Франции у них умные мужики есть. Не хуже Кусочкина соображают. Хотя, говорят, этот Мишель жил еще до Ивана Сусанина.

Может Гриня хоть на базаре, хоть с пожарной каланчи проповедовать. Это ему один хрен. Среди земляков Гриня в большом авторитете. Начнет где-нибудь на базаре историю травить – вокруг сразу кольцо. Где приврет, где слукавит для радости. Народ только варежку раскрывает. А Гриня ему еще в нос сунет свою дураковину для чистейшего доказательства. Так и побежит наш сюжет.

Сначала будто картинка сама по себе, а жизнь – сама по себе. Потом только уразумеешь, что наша жизнь и есть дураковина. А хошь, наоборот смотри: дураковины Грини Кусочкина и есть сама жизнь.

У него зверь, птица и человек – одна семья.

Может, и неказиста сейчас Кострома. Да ничем не хуже любого города в России. Все знает, все помечает Гриня в своих картинках. Один от всех наших нескладушек желчью прыскает, а Гриня все в потеху обращает.

В какие бы помои ни бросала судьба, у Грини что ни день, то праздник. Что ни случай, то забава. От-

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПРИГЛАШЕНИЕ К ПРАЗДНИКУ

того и люди окрест не кислые ипохондрики, а веселые мужики да смешливые бабы. И Россия Кусочкина не мрачная чужбина, а плясучая, игручая родная сторона.

Сюжетов у Грини и для картин, и для рассказов – пруд пруди. Можем затовариться хоть на полгода. И какая бы ни шла на дворе избирательная кампания, наш Гриня всегда в цене. Потому что за кого Кусочкин, за того и народ. И получится у нас веселая история, если шутку эту делать всерьез.

Конечно, это не простая заявка. Обычно достаточно назвать тему, коротко сформулировать идею, объяснить сюжет, намекнуть на форму и технологию производства – и достаточно.

Эта же заявка – «позиционная». И написал я ее, чтобы объяснить себе самому, что, собственно, я собираюсь делать. Каков смысл и цель необычного зрелища. Потом, в процессе, многое изменится. Тем более что придется сочинить реальный сценарий, для того чтобы в короткое, отведенное телевидением время, на копеечные деньги быстро и безошибочно снять большой, по существу, постановочный фильм.

Надо было отработать фабулу и выстроить сюжет, надо было представить себе полный перечень художественных инструментов, которыми придется воспользоваться на такой сложной картине. Надо раскрыть характер в последовательности эпизодов и найти «интригу».

Автору приходит в голову парадоксальная идея.

В Костроме очень много разнообразной талантливой самодеятельности. Есть даже свой молодежный

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

музыкальный ансамбль, который не только веселит публику по праздникам, сочиняя эпатажные песенки, но и организовал в пику ленивому обывателю Клуб дураков. Конечно, чтобы собрать самых больших «умников» города.

А что если вступление Грини в этот самый клуб и станет сюжетом картины? Поначалу идея мне казалась вздорной и неорганичной. Уж очень разные фактуры! С одной стороны, Гриня – типично русское явление, а с другой – какие-то «битники-джазмены». Сойдутся ли ритмы, улягутся ли такие разные типажи в одном фильме?

Сошлись и улеглись...

Родилась совсем непривычная для документалистики форма. Почти «театр абсурда». А разве наша жизнь порой не напоминает такой театр?

Теперь я думаю, что если бы не случилось такого яркого «контрапункта» картина не получилась бы озорной и объемной.

Когда мы утвердились с жанром, сразу появились и связались в единую структуру эпизоды. Надо было только их реализовать. Очень много зависело от самого Грини. Выдержит ли он до конца свою «роль»? Сумеет ли мы отыскать и снять за короткий срок необходимые знаки и символы, которые должны придать философский смысл этой шутовской истории. Слава Богу, подобралась сильная команда во главе с талантливым оператором Вадимом Виноградовым и директором Ларисой Вяжлинской.

Запись по фильму

В первом кадре белоснежный Ипатьевский мона-

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПРИГЛАШЕНИЕ К ПРАЗДНИКУ

стырь словно повис в воздухе над широкой Волгой. Красный парус разрезает голубую гладь реки. Под балаганные аккорды русской песни о Степане Разине из монастырских ворот выходит мужик в широкой рубахе. На голове картуз, а под мышкой папка с рисунками. Так появляется в картине наш герой Гриня Кусочкин.

Останавливается автобус с «интуристами». На лобовом стекле надпись: Российское телевидение представляет художествен-НО-документальный фильм «ДУРАКОВИНА». Буквы подплясывают в ритме песни.

Кусочкин объявляет себя главным художником России и демонстрирует перед обалдевшими иностранцами свои произведения. Все это с шутками и прибаутками, которые с трудом пытается перевести на итальянский язык переводчик. На дураковинах черти, русалки и прочие сказочные персонажи. Гриня непрерывно импровизирует. Этот балаган поддерживает ансамбль костромского Клуба Дураков: приплясывая и дурачась в шутовском обличи, он исполняет свою коронную песню про Кощея Бессмертного.

Это фантазмагорическое представление вдруг обрывается заседанием Клуба, где происходит торжественный обряд приема Грини Кусочкина в благородное общество «дураков». Сам претендент отсутствует, и пока рассматриваются только его картины.

Конечно, это специально поставленная сцена. Заслуживает ли Гриня «высокого» звания русского «дурака»? Этот вопрос будет решаться на протяжении всей картины.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Веселый костромской базар. Если хочешь понять колорит города, обязательно надо побывать на торжище. В «Ярмарке» я тоже использовал такое место действия. Здесь неожиданно появляется Кукольник (артиста и куклу мы нашли в местном театре).

Кукла Боцман обращается к публике:

– Кто из вас знает Грину Кусочкина?

Одни шарахаются от неожиданности, другие радостно кивают:

– Раньше был горький пьяница, а теперь известный художник..

Краснощекий парень на горе арбузов созывает покупателей. Появляется Гриня. Под детскую песенку он выбирает арбуз, простукивает его и подпевает:

– В траве сидел кузнечик, совсем как огуречик, зелененький он был..

И объясняет продавцу, что арбуз ему нужен размером с его голову в точности, а голова у него 62 размера. Начинается долгий обмер арбузов с сантиметром, которым запасся Гриня. Конечно, эту ситуацию спровоцировали мы (незаметно идет съемка).

Гриня подмигивает нам, как сообщник. Подпевая, собирает вокруг себя публику и объясняет:

– Скоро у меня день рождения. Я поставлю арбуз на стол, одену на него свою кепку, а потом – хрясть! И моя голова развалится..

Народ смеется. Песенка про кузнечика, ускорясь, иронично звучит в исполнении ансамбля Клуба дураков. А вокруг скачет и резвится под музыку народ. Но это мы делаем уже в монтажной.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПРИГЛАШЕНИЕ К ПРАЗДНИКУ

И тут же рисуночек Кусочкина. Очередная дураковина! А в следующем эпизоде Гриня расхаживается у подножия памятника.

Гриня:

– Помнится в 13-м году решил наш царь-батюшка именины справить, в честь трехсотлетия дома Романовых. Приехал сюда царь, вот на это место. Встречали его купцы, дворяне, весь люд костромской. Проектик заготовили под памятник. И решил царь здесь всю свою династию увековечить. Как-никак, а начинались Романовы с Костромы! Заложили памятник. Но случилась тут революция...

ХА... ХА... – поет ансамбль. И в такт музыке сменяются кадры памятника. У постамента ржет кобыла.

– Посмотрели новые власти на этот памятник – ка-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

мень хороший, а девать его некуда. Тогда и порешили вместо царя-батюшки взгромоздить на это основание любимого нашего вождя Владимира Ильича Ленина. Влез он на этот памятник, руку высунул и показал куда? На Север! И пошли наши народы туда дружными рядами...

Костромской Ленин на основании памятника Романовым. Да еще рука его неимоверной длины. Под колокольный звон движется на площадь Крестный ход. Шаркают по земле ноги – кто в сапогах, а кто в тапочках.

Все эти знаки в картине и создают «театр абсурда». Все производит дикое впечатление. Ну чем не «Дураковина»?

Молебен на центральной площади города под пожарной каланчѐй тоже не «слабый» символ.

Над городом парит однорукий вождь.

Внизу трубит гипсовый пионер.

И лица, лица, такие печальные русские лица...

В доме Кусочкина Гриня разлегся на полу, босые ноги взгромоздил на диван. Рисует. Творения внимательно рассматривает его любимый старый пес Гуслин.

Гриня:

– А рисовать я начал в 1986 году, 23 февраля, ровно в 17.00. Подарила мне жена краски темперные. Вывалил это все и сразу за четыре часа картину с Рериха наваял. Потом за Курбе принялся... Гляжу, а у меня-то лучше получается. И тут начал я рисовать свои дураковины...

Конечно, эта сцена постановочная, но именно так, рассказал нам Кусочкин, он и начал рисовать. Слова

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПРИГЛАШЕНИЕ К ПРАЗДНИКУ

не надо было выдумывать и позу разучивать. Для него самого все это было легко и органично. Хотя инсценировкой все-таки пахнет. Особенно от его голых пяток.

На его рисунках приплясывает народ. И тут опять зазвучала музыка «дураков»:

*Ты проснешься с утра,
Завтра снова нагая.
Мы неприступны. Не Казановы.
Мы научим тебя любить попугая.
Он эротичен, знает два слова:
Дура ты! Дура ты, ты...*

Молодежь веселится на площади.

И снова мы в мастерской художника. Гриня рисует. Любимая собака наблюдает за своим хозяином.

Гриня:

– Будет у нас, Гуслин, на этой картине «Жизнь после смерти».

Какая она там – никто не знает. А мы знаем. Гляди-ка, вот говорят, что на том свете людей жарят. А они там на сковородках катаются...

И мы видим всю эту фантазмагорию в картинках.

*Я к милашке – под подол,
Да обжог ладошку.
Сунул в снег ее потом,
Остудил немножко.*

– А это пивной ларек такой, в шляпе!

На картине мужик с голой задницей.

Подходи! Бери без очереди...

А вот мужик двух баб в бочку посадил. Тискает!

Хорошо-то как, Господи!

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Чуешь, Гуслин, как жить будем после смерти. Молодец, все правильно понимаешь...

Тут мы неожиданно замечаем в его комнате фотографию Марчелло Матростройни. И начинает звучать в исполнении того же шутовского ансамбля музыка Нино Рота из фильма Феллини «Восемь с половиной». Гриня Кусочкин выводит своего хромого Гуслина на прогулку, останавливается посреди улицы и начинает новый рассказ:

— А вот вам еще дураковина. Сидим мы как-то с Марчелло Матростройни на Щемиловке и курим. Вон там, где мужики сидят... А дело было так. Иду я как-то с работы, смотрю, Михалков с Матростройни фильм снимает. И решил я с него автограф состричь. Рванул домой, взял фотографию и прибежал обратно. Говорю, так, мол, и так, не дают мне в семье поужинать, пока вы мне, сеньор Матростройни, автограф свой не подпишете. Покалякал он с переводчицей, посмеялся и подписал. А в это время вижу, Михалков на меня тяжелый зрак положил. Думаю, выгонят меня сейчас. Схватил фотографию и ...домой по Щемиловке.

Эта забавная история дала мне возможность использовать в сюжете любимую мелодию. Мне казалось, что напоминание о балаганном представлении Феллини даст волшебный ключик к пониманию особого документального жанра. Во всяком случае, временами пугаясь того, что делаю, я искал помощи и поддержки у великого итальянского Маэстро. Наверное, это был расчет на искушенного зрителя.

В картине появляется новое – лицо Леночка Кусочкина. Она сама замечательная художница по костю-

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПРИГЛАШЕНИЕ К ПРАЗДНИКУ

мам, обрядила всю Волгу в сказочные наряды. Вышивая очередное платье, жена дает своему Грине неожиданную характеристику:

— ...Уж очень особенный человек. И талант его не то от бога, не то от дьявола. Скорее от дьявола. Уж больно он большой богохульник и охальник. А беда его наша, русская...

И так она при этом горько вздохнула, что и без слов было понятно, какую судьбу сторожит эта хрупкая женщина.

В следующем эпизоде мы оказываемся в садике на площади, которую народ прозвал «Сковородочка». Здесь Гриня устраивает новую «провокацию». Собрал, оформил кибитку и проводит конкурс на предмет, чья водка лучше – местная «Костромская» или иностранный «Абсолют». Народу набежало разного немеряно. Тут и заправские любители выпить на «дармовщину», и просто любопытная публика. Гриня, не умолкая, сыпет своими шутками и прибаутками.

Сцена получилась веселая. Снимали ее репортажно, наблюдали издали, скрытно. Музыка нашего ансамбля за кадром придала веселому зрелищу свой темпоритм.

Особенно удались в этой сцене разнообразные характеры костромичан. Действие вышло яркое, ярмочное, а завершилось оно русской пляской. Мужика, честное слово, мы никак не готовили – сам вызвался. Да и «фигоуховка» помогла. Так Гриня называет водку местного разлива.

Много еще «провокаций» в этот день устроит Ку-сочкин в картине, а вечером дома он выдаст афо-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

ризмы, которые вычитал у своего любимого философа Монтеня:

– Чтобы умудриться, надо немножечко поглупеть...

А еще:

– Даже на самом высоком престоле мы сидим на собственном заду...

По городу шла очередная избирательная кампания, и по моей просьбе, откровенно шаржируя митинги кандидатов, Гриня Кусочкин выступил перед стадом коров с пламенной речью:

– Дорогие соотечественницы! К вам обращаюсь я, друзья мои. Никто не спасет, не поможет, даже партия ЛЮБИТЕЛЕЙ ПИВА, куда я собирался вступить, да не вступил – враги наше родное пиво испортили, а заморского пить не хочется. Я решил организовать партию ЛЮБИТЕЛЕЙ МОЛОКА. Я верю, потекут в России молочные реки с кисельными берегами, которые обещали нам разные горлопаны, да так и не исполнили.

В этот момент все стадо поддерживает оратора человеческими голосами. За них, конечно, старается все тот же ансамбль Клуба дураков.

А Гриня продолжает:

– Помогите нам, родимушки! Ведь одним стадом живем!

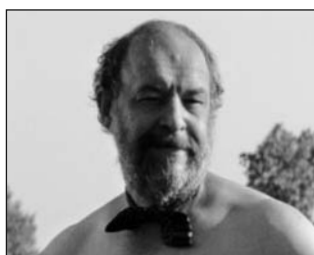
Коровы дружно поддерживают речь оратора:

Муууу!.. Муууу!.. Мууууууу...

А кульминацией в картине стало карнавальное шествие по городу.

Удалось собрать всю самодеятельность, поставить танцевальный щаг. Ансамбль шел, играя и дурачась, впереди. На носилках, завернутый в белую простыню,

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПРИГЛАШЕНИЕ К ПРАЗДНИКУ

как римский сенатор, гордо оглядывая шествие, плыл над толпой сам Кусочкин. И снова за кадром песня Кощея Бессмертного, который на старости лет решил заняться антибодибилдингом. В карнавале приплясывает кукла Боцман (с ним мы познакомились в начале картины). Шествие идет к высокому берегу Волги, где Кусочкина водружают на постамент в знак того, что он принят наконец в благородное собрание Клуба дураков. Спадает простыня, и Гриня принимает позу атлета. Народ вокруг ликует.

И тут неожиданно начинает звучать песня самого Грини Кусочкина. Сначала за кадром, а потом и в кадре:

*Как в былине, сказке старой,
Предо мною три дороги:*

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

*Хошь налево, хошь направо
Понесут куда-то ноги.
А в сердочке тропинка,
На тропинке – черепа.
Ах ты жизнь моя, тылинка,
Понесло тебя куда?
Возьму обрез да кинусь в лес,
За елочкой засяду,
На жизнь беспутную мою
Устрою сам засаду.
А счастья нет, да где-то ждет.
Неситесь, мои кони!
А из засады – пулемет.
Он все равно догонит...*

Песня получилась совсем не шутейная, даже немного мрачная. Правда, сам автор был категорически с этим не согласен. Но мне показалось, что Гриня Кусочкин достал ее с самого дна своей души, и потому она свидетельствует о подлинном раскрытии этого сложного, истинно русского характера. Карнавал уходит под музыку из фильма Филлини «Восемь с половиной», а Гриня несет свою хромую уставшую собаку на руках вдоль берега реки. Медленно падает в воду солнце.

И мне кажется, что несет русский человек на руках нынешнюю больную Россию.

Вот вам и еще одна «Дураковина».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЧЕЧЕНСКАЯ ЭПОПЕЯ

Всего о Чечне я сделал 14 фильмов. Это, по масштабам телевидения, целая эпопея. Жаль, что целиком в эфире ее никто не видел. Да я особенно и не горюю. Придет время – посмотрят.

Впервые я столкнулся с монтажным фильмом на серии «Летопись полувека». Год моей серии был 1946-й. Для меня этот фильм, где я не снял сам ни одного кадра, стал поворотом в понимании документалистики вообще. Именно тогда я понял, что даже монтажный фильм, сделанный на «чужом» материале, может выразить твоё отношение к жизни и создать образ времени. Ни один фильм не дал мне так много «открытий» – и практических, и теоретических. Судя по многочисленным статьям и отзывам, он и моим коллегам дал очень много.

Можно даже выразиться более откровенно. Именно на этом фильме я окончательно расстался с зеркальным отражением жизни на телевидении и стал искать пути художественного творчества на докумен-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

тальном экране. Спустя целых десять лет работы в телевизионном кино я понял, наконец, и что такое монтаж, и что такое «контрапункт», и где кончается «хроника» и начинается строительство Образа. Впервые перестал завидовать театру и прекратил считать себя неудачником.

ДОРОГА В АД

Когда началась чеченская война, я не предполагал, что в самый ее разгар в 1996 году мне придется заняться этой темой. И потом три года я только и буду делать фильмы о войне. Сначала на том материале, который привозил корреспондент, а потом и сам отправлюсь с ним в Чечню, чтобы сделать последние пять картин. Мы назвали эту серию из пяти фильмов «Кавказский крест», хотя, по сути, могли так назвать все тринадцать.

А начиналось все с «Дороги в ад».

Александр Сладков, военкор Российского телевидения, работал в Чечне. Он делал короткие сюжеты, а весь съемочный материал откладывал про запас. Накопилось огромное количество пленки, частично использованной в эфире, но большая ее часть оставалась лежать бесформенной кучей, и сам Сладков мечтал только об одном – чтобы материал, полученный буквально кровью, не сгинул, не был стерт, как это часто бывает в службе новостей.

О «большом», настоящем кино он еще не думал. Только через некоторое время понял разницу между репортажем и фильмом и, конечно, заболел документалистикой. Думаю, что это надолго, даже навсегда.

Сложность нашей работы заключалась в том, что надо было уйти от холодной информации и создать полноценный и яркий образ события, не потеряв телевизионной правды.

Так мы решились на форму дневника военного корреспондента, сохранив даже в некоторых случаях новостные «стендапы». Рассказывали о войне с конца декабря 1995-го по середину января 1996 года. Это был период войны самый дикий и самый страшный. На штурм Грозного были брошены необученные новобранцы. Чеченцы были подготовлены к войне Дудаевым гораздо лучше. Российские же политики и генералы допустили страшный промах.

Но солдат был не виноват, он сражался под пулями за свою жизнь и за Родину. А власть и «общественники» призывали к войне за какой-то конституционный порядок. Кровавая каша заваривалась на лжи и чьих-то корыстных интересах. В армии это чувствовали все – от солдата до генерала. Видел и чувствовал это и Сладков. Об этом он говорит в открытую в фильме.

Но кроме кровавой неразберихи, надо было показать еще смятенную душу русского солдата, героическую и беспомощную в те дни. Очень важно было найти особую интонацию рассказа корреспондента: они привыкли барабанить новости, а тут нужен был Хемингуэй. Новые слова и новая интонация дались Сладкову не просто. Но зато появился свежий образ военкора с его окопной правдой, которому безусловно поверил зритель.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Начальная фраза Сладкова в фильме:

– Тогда, 11 декабря, ближе к вечеру, мы стояли на трассе Ростов – Баку, местные говорят «Бакинка», и снимали. Шла броня. Всем парили мозги насчет Конституции... Мы так и думали – пугнем чеченцев всей мощью – и будет порядок. А на указателе какая-то падла нацарапала: «Добро пожаловать в Ад». Я помню, еще пошутил насчет благих намерений. Может, у кого-то они и были. Не знаю...

Так начиналась первая чеченская война. Так начинался и наш фильм. Хроника уже была набита новостями. Не известна была интонация текста. Мы ее долго искали, требуя от себя предельной искренности.

Но важны были не только кадры и факты, надо было найти звучание слова и стиль комментария. Это были не «новости». Война шла уже почти год и люди устали от кровавой бойни на экране, они отворачивались от телевизора, когда начинался очередной репортаж. От нас требовались уже не просто факты, а образы, которые могли тронуть сердца людей.

После вывода титра названия фильма «Дорога в Ад» мы видим в первом эпизоде, как город готовится к обороне. На площади чеченцы пляшут свой воинственный танец зикр. Окна нижних этажей дворца Дудаева закладывают мешками с песком. Сладков в кадре (перед дворцом на площади) демонстративно грызет семечки (этого кадра, конечно, не было в новостях) и кричит оператору:

– Димыч! Наводи свой фокус. Стендап!

Такое использование телевизионного приема из «новостей» позже критикам покажется излишним:

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ЧЕЧЕНСКАЯ ЭПОПЕЯ

якобы это снижало «художественное» достоинство картины. А мне кажется – наоборот. Постоянное присутствие корреспондента в кадре только укрепляет «эффект присутствия», и время «прошлое» становится «настоящим».

... Перед Новым годом авиация начала бомбить город. Без особого разбора.

Текст Сладкова за кадром:

– Мы материмся и качаем «новости». А новости наши вот такие:

И мы видим жуткие кадры сгоревших машин, раненых кричащих людей.

– Кошмар! Вьетнам какой-то! Мой дед на войне был летчиком, отец летчик, сам я восемь лет прослужил в авиации и знаю, для чего она предназначена. Но

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

вот тут – сплошная лажа. Ну не хотят они с нами жить. Что ж, всех пустить «под замес»?!

В этих словах все настроение фильма. Неприятие этой войны и невольное сочувствие чеченцам, защищающим свою свободу. Так в те дни казалось не одному Сладкову, так думали в стране многие.

Потом все изменится и у народа, и в нашем настроении, и в нашем фильме. Но по правилам драматургии «первый» фильм – это «завязка», и мы не вправе показать, что зрителя ждет впереди. Хотя к моменту работы над серией нам многое уже стало ясно.

Сладков за кадром бросит фразу:

– У меня и сейчас полста вопросов. К себе и к Господу Богу..

По тротуару идут толпы беженцев. Среди них хромает маленькая собачонка с перебитой лапой. Этот кадр станет одним из сильнейших символов фильма.

Текст за кадром:

– Человек грешен, я понимаю. Но за что собаку?!

На площадь из разбитого дома выкатили пианино. Солдат стоя отбивает на клавишах примитивный мотивчик: «Чижик-пыжик, где ты был? На Фонтанке водку пил...»

Я прошу композитора фильма Максима Кравченко сделать из «Чижика» несколько разных вариаций. Он сначала даже не понимает задачи. Как в трагическом сюжете о войне можно использовать такую легкомысленную песенку.

«Выпил рюмку, выпил две – закружилось в голове».

Примитивный мотивчик, ставший контрапунктом страшному изображению, создал особый колорит в

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ЧЕЧЕНСКАЯ ЭПОПЕЯ

картине, который нельзя выразить ни изображением, ни словом.

Конечно, в дальнейшем Максим написал музыкальный образ для всей серии. В фильмах прозвучал «Собачий вальс», «Соловей, соловей пташечка», и вообще, я считаю, что Кравченко сделал так много для наших чеченских фильмов, что я думаю, без него их просто бы не было. Именно музыкальное решение часто глубже раскрывает мысли и чувства, которые нами движут, но мы порой не находим для них нужных слов и кадров.

Постепенно вырисовывалась композиция картины и главная идея.

Мы хотели создать образ современного русского солдата и поклониться ему до земли. Делаем это в форме фронтового дневника.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Текст Сладкова за кадром:

– 7 января. Консервный завод. Ставка 8-го армейского корпуса. День и ночь бухают минометы. Я спросил тут у бойца – что, мол, делаете?

– Работаем по дворцу...

Слово-то какое – «работаем». Стволы почти под прямым углом. Значит, мины ложатся рядом. В чем счастье минометчика? В том, что он не видит, кого убивает. В чем счастье пехоты? В том, чтобы вернуться из боя на своих двоих.

12 января... Командный пункт группировки. Подбираемся шаг за шагом к Рохлину. Ведь его никто никогда не видел. Что он скажет? И вот перед нами первое интервью командующего:

Синхрон генерала Рохлина:

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ЧЕЧЕНСКАЯ ЭПОПЕЯ

— Моя служба в основном проходила в Заполярье. Потом Таджикистан, Афганистан, горячие точки на Кавказе. Это третья моя война. Шесть лет я воюю. Это больше, чем шла Великая Отечественная война. К великому сожалению, я ни в коем случае не горжусь своими победами, а испытываю величайшее чувство неудовлетворенности и досады, что это все твориться в России.

В картине много солдатских сцен, эпизодов войны, неподготовленных интервью.

Сладков с горечью признается:

— Я, как придурок, лезу в душу солдата, только что вернувшегося из боя.

Синхрон солдата:

— Я не могу вам сказать, какие чувства. Одно только скажу — тяжело нам здесь. Всё.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Сцены боев сняты бесстрашным Вадимом Андреевым. Он лез в самое пекло, хотя сам прихрамывает и ему тяжело ходить даже по ровной земле. В Чечне зимой грязь непролазная, он даже потерял сапог, еле нашли замену, сорок шестого размера. Во время штурма дворца ранили его ассистента Сергея Кукушкина. Объектив его камеры чеченский снайпер принял за оптический прицел. Счастливый Кукушкин, с перебинтованной головой и чудом уцелевший, говорит на камеру:

– Эту пулю я запомню на всю жизнь.

Конечный эпизод фильма:

Вертолет с ранеными летит над Терекком. Вповалку лежат солдаты, и не поймешь, о чем они сейчас думают. Сладков лежит рядом.

Текст за кадром:

– 22 января. Возвращаемся. Теперь я знаю, что такое война, но не знаю, зачем она. Спать не могу. А засыпаю как убитый.

Как бы во сне возникают кадры мирного домашнего праздника в чеченской семье. Танцует лезгинку маленькая девочка. Молодой русский солдат, сидя на танке, держится за голову.

Грустно звучит «Собачий вальс», разбиваемый какофонией рояльных аккордов.

Камера медленно плывет над дорогой войны.

Текст Сладкова за кадром:

– А через несколько дней мы снова шли по Грозному, Но это уже другая история.

Так заканчивался фильм «Дорога в Ад», ставший пилотом серии, которая потом делалась целый год.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ЧЕЧЕНСКАЯ ЭПОПЕЯ

О первой войне были сделаны еще две картины: «Собачий вальс» и «Вся война». О второй чеченской было выстроено продолжение серии «Настоящая война» из пяти фильмов.

После Буденовска и Кизляра, и особенно после нападения Басаева на Дагестан, коренным образом изменилось в обществе отношение к нашей армии. Россия снова полюбила своего защитника.

Изменились и наши картины. Но форма осталась неизменной.

Третья часть серии «Кавказский крест» требует отдельного разговора. Это была уже не «монтажная», а съемочная работа. Мне пришлось даже «тряхнуть стариной» и отправиться в Чечню самому. Материал давался трудно, и один корреспондент с оператором справиться не могли.

Саша Сладков одел меня в форму с ног до головы, и в Чечне меня сначала приняли за генерала-инспектора. На «вояку» я уже не тянул.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ИТОГИ ЖИЗНИ

МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ

Есть расхожее представление, что документальный фильм «легкомысленный» по природе. Получил тему, и назавтра уже снимаешь. Вот игровое кино делается годами, там вынашивается замысел, пишется сценарий, десятки людей копошатся в работе... А тут, прочел пару газетных статей. Ну, поговорил со знающим человеком – и все. Вперед и с песней.

Конечно, бывает так, что и документальное кино вынашивается годами. Когда фильм зреет долго и составляет определенный итог всей предыдущей жизни. Я предпочитаю именно такие картины. Они строятся не на хронике событий, а на долгом и мучительном размышлении.

Я не случайно взялся делать фильм о Горбачеве. И дело даже не в том, что мы учились вместе в МГУ на юрфаке, а скорее потому, что он дал имя нашему «непроявленному» поколению, дал имя нашей слабости и нашей силе.

Собственно говоря, к этому фильму я подходил трижды.

Сначала, когда Горбачева сделали генеральным секретарем, потребовалась его «визитка» для Франции. В две недели надо было сделать фильм, хотя делать его было буквально не из чего.

До своего воцарения Горбачев не любил сниматься. Было несколько официальных репортажей, и даже путевой фотографии не нашлось.

Мы поехали к нему на родину, в село Привольное. Это Краснодарский казачий край, там он родился, окончил школу и там еще жила его мать.

Но Горбачев категорически запретил ее снимать. Она плохо себя чувствовала и очень нервничала от назойливых визитов корреспондентов. И нам вся деревенская «одиссея» почти ничего не дала, если бы двоюродный брат Горбачева не сжалился, видя наше бедственное положение, и не принес старую, еще довоенную фотографию, где Горбачев был снят с дедом и бабкой, в семилетнем возрасте, где-то на базаре.

На снимке босоногий мальчишка. Он так серьезно и с таким отчаянием смотрел на мир из того времени, что я сразу успокоился. Это было открытие. Это была исходная точка для понимания его характера. Сразу стало легко работать.

Уже потом это фото обошло все западные издания, но никто не сослался, что это один из кадров нашего фильма.

Визитный фильм сделал свое дело, хотя в творческом отношении ничего из себя и не представлял. Потом уже, в период блистательного взлета Горбачева,

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

я к нему близко не подходил. Вокруг суетились другие. Их было много.

В начале декабря девяносто первого года меня пригласил «наверх» Егор Яковлев, тогда председатель Гостелерадио, и предложил сделать фильм о последних днях президента. Это было уже после путча, и все понимали, что дни Горбачева-президента сочтены. На всякий случай Яковлев уже договорился с американцами. То была высокая дипломатия: Егор был человеком Горбачева и боялся, что с Ельциным не договорится, поэтому решил защититься международным проектом.

Янки, как всегда, гнались за сенсацией. Им нужен был фильм в момент отставки, и никакая история их, естественно, не интересовала. Но Горбачев поставил условие. В Кремле с ним будут работать только русский режиссер и русский оператор.

Всю последнюю неделю президентства с утра до ночи я просидел вместе с операторами Юрой Прокофьевым и Димой Серебряковым в кабинете президента, куда прежде нас не подпустили бы на «пушечный выстрел».

Михаил Сергеевич сразу узнал во мне одноклассника. Для него это были тяжелые дни, и то, что рядом находился «свой» человек, словно посланный к нему из юности, думаю, как-то облегчало его положение и упрощало мою задачу.

Он находил любой предлог, чтобы перекинуться парой неофициальных фраз. А я старался снимать все, не жалея пленки.

Мы снимали, а американцы в гостинице монтировали. Для этого привезли три монтажных, два десятка

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ИТОГИ ЖИЗНИ

специалистов и знаменитого ведущего Теда Копполу, который должен был взять у Горбачева финальное интервью.

Полчаса американского фильма «Как уходил президент» Америка и весь мир увидели на следующий день после отречения Горбачева. Фильм получился хроникальной игрушкой без претензий на какую-либо мысль, и главное, без попытки создать образ необыкновенно живого человека. Впрочем, весьма профессионально сделанный и ловко откомментированный Копполой, который по всем американским правилам постоянно мотался в кадре. Честь ему и хвала. Но к искусству экрана это не имело никакого отношения. По моим, очень поверхностным наблюдениям, искусство вообще американцев волнует только на аукционах.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Когда я заикнулся о своем фильме Яковлеву на следующий день после этого события, тот сказал, что мой фильм уже никому не нужен, а снятую пленку могу положить к себе в диван до лучших времен. Что я и сделал. А пленка, отразившая по минутам последние дни президента Советского Союза, пролежала в моем диване десять лет и, к величайшему удивлению, сохранилась.

В две тысячи первом году Российское телевидение предложило мне сделать свой фильм, и я поблагодарил судьбу и свой диван за счастье осмыслить то, что я не мог, конечно, сделать в момент самого события. Мы снова встретились с Михаилом Сергеевичем и вспомнили то, что произошло с ним и со всеми нами тогда, и что происходит теперь.

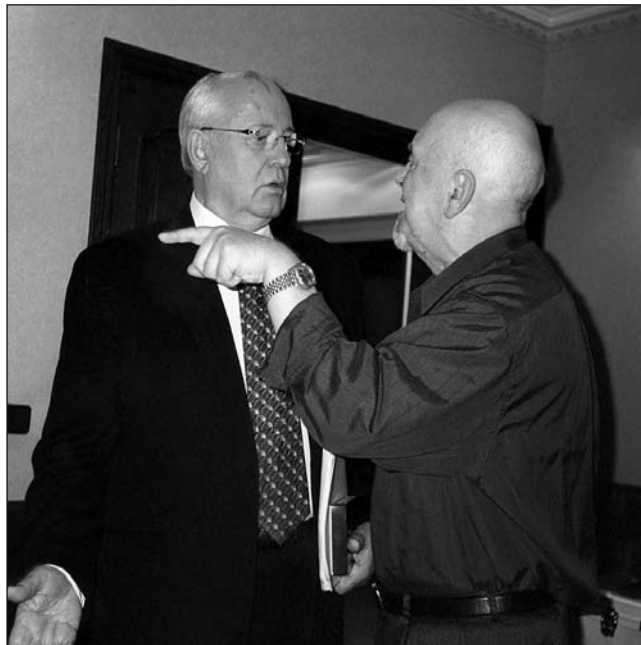
Фильм «Михаил Горбачев – сегодня, десять лет спустя» для меня особенный. Не только потому, что перед глазами был весь последующий период, который расставил акценты иначе, чем в момент события, но еще и потому, что делался на другом витке моего понимания профессии.

Мне хотелось не просто рассказать о Горбачеве на фоне эпохи, я хотел разобраться в человеке, который вольно или невольно изменил весь ход истории и жизнь каждого из нас. Строить образ видного политического деятеля сложно, потому что он всегда скрывается под маской роли, которую играет в политике. Сколько сил уходит у человека, чтобы построить определенный «имидж»! И расставаться с ним ему не хочется до самой смерти. А документалист мечтает приподнять завесу тайны личности любимыми доступными

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ИТОГИ ЖИЗНИ

ему средствами. Если не позволяет изображение, на помощь приходит слово, музыка, ассоциативный монтаж. В общем, правдами и неправдами надо открыть и живописать человека.

Конечно, портрет Горбачева в картине – это мое личное представление о нем. И я нигде не скажу, что я объективный наблюдатель. Нет. Это мой Горбачев. Тот, которого я знаю с юности. Тот, которого я люблю,

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

несмотря на все «исторические» ошибки. Даже более того, я думаю, что его ошибки – это ошибки мои, моего поколения.

Мне все казалось, что люди вокруг не отдают себе отчета о масштабе события. Как-то слишком обыденно реагируют на то, что на их глазах поворачивается колесо истории. И поэтому мучительно искал слово, сравнение, которое соответствовало бы тому, что творилось в моей душе. В памяти всплыл гоголевский образ русской тройки:

«Куда несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа...»

И как бы в продолжение зазвучал вопрос в фильме:
– Почему Россия выбрала кучером сельского паренька, и так же вдруг сбросила его однажды с облучка и помчалась дальше?

И сам же себе отвечаю:

– Чудит, Россия! Ох, как чудит!

И повторю еще раз в картине:

– Ох, как чудит!

Найти более ясный ответ я тогда не мог.

Мы встретились снова уже в «фонде Горбачева» и поговорили «по душам».

Началось с того, что я показал ему запись его рукой на книге, которую он сделал буквально через минуту после того, как подписал отречение в прямом эфире. Той же самой ручкой:

«Дорогой Игорь! Всё продолжается! Обнимаю...
25. 12.91».

И добавил, улыбнувшись: «Да не волнуйся ты так!»

Он был внешне спокоен, а я действительно волновался.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ИТОГИ ЖИЗНИ

Вот об этом мы и стали вспоминать с самого начала.

Горбачев внешне мало изменился, и в этом была определенная трудность. Зритель должен был понимать, что он говорит сейчас, а что было тогда. Использовали титр фильма: «Сегодня – десять лет спустя». Не думаю, что это было идеальное решение, но лучшего в голову не пришло.

Прежде всего хотелось сохранить тот материал, который никто не видел. Где каждый кадр был историческим. И вместе с тем сегодняшний Горбачев был, несомненно, глубже и мудрее того прежнего. Вот в поисках этого баланса и складывалась структура картины.

Я старался нарисовать портрет, создать образ.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Можно ли сделать «словесный» портрет? Можно. В криминалистике. А на экране не получится. Портрет – это сияние души человека, а не изображение формы.

Конечно, слово играет свою роль, и особенно интонация. Но есть еще улыбка, даже пол-улыбки. Есть поворот головы, прищур глаз, движение руки, есть тысячи простых физических действий, которые помогают понять человека.

Естественно, и факты биографии характеризуют личность.

Михаил Сергеевич в разговоре «сегодня» вспомнил, что он впервые увидел паровоз, когда ехал поступать в Московский университет. Как много обнажает такая деталь!

А «десять лет назад» он рассказывал, как открыл для себя великого австрийского композитора Малера, всего несколько дней назад в симфонии он услышал то, что происходило сейчас в его душе. Ну как было не воспользоваться музыкой начала столетия, чтобы раскрыть трагедию конца века двадцатого.

А еще в эти дни он читал трагедию Толстого «Царь Федор Иоанович»:

Какое несчастье для России, что в смутное время на троне оказался слабый правитель!

Ему даже в голову не пришла прямая ассоциация. Я внимательно смотрел ему в глаза – нет, он вовсе не собирался проводить аналогии, не считал, что ситуации-то сходные, и рассуждал о царе Федоре между делом. А в картине я позволил себе акцентировать это мгновение. И думаю, что был прав.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ИТОГИ ЖИЗНИ

Так, из отдельных деталей, «тонких» компонентов, цвета и музыки складывается внутренний мир героя.

Мне говорили потом, что до моей картины иначе представляли себе Первого Президента. Для зрителя официальный портрет вдруг приобрел понятные человеческие черты. А разве не в том забота художника, чтобы невидимое сделать видимым, а неясное прояснить?

Я поражался спокойствию Горбачева тогда, в Кремле, и поразился еще больше на просмотре, когда увидел в темноте зала Дома кино, как заблестели глаза этого необыкновенно сдержанного и мужественного человека. Все-таки мне удалось пробить броню.

В конце разговора (ох, как не хочется называть это сухим термином «интервью») Михаил Сергеевич сделал еще одну надпись на той же книге, прямо в кадре:

«Дорогой Игорь! Хорошо, что мы снова поговорили по душам! Спасибо! Время, согласись, подтвердило мою правоту!

Михаил. 10.11.01».

Конечно, фильм остался в рамках публицистической модели.

Портрет на фоне эпохи. При этом эпоха отрабатывается на уровне символов, а личная жизнь героя в большинстве случаев остается за кадром. «Пограничный» жанр, где публицистика переплетается с документальной живописью, а журналистика стремится к высокому литературному слову, — это весьма выгодная форма для современного телевидения.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

ПОДСОЛНУХ

Сначала сама идея показалась мне сумасшедшей.
Мстислав Ростропович!

Поднять такую глыбищу в одной картине?

Гениальный музыкант. Знаковая фигура двадцатого века. А судьба какая! Самые знаменитые композиторы писали для него музыку. Он прятал опального Солженицына у себя на даче, и за это его самого и его супругу Галину Вишневскую лишили советского гражданства. При этом одна фотография, где великий виолончелист с автоматом в руках защищает в Белом Доме Ельцина обошла весь мир.

Все дворы Европы и Америки за счастье почитают его молниеносные визиты. Париж, Нью-Йорк, Токио – безостановочные гастролы. Первый концерт в честь открытия Храма Христа-Спасителя в Москве. И вдруг какая-то московская газетенка поместила о нем хамскую статью, после чего Ростропович наотрез отказал всем российским журналистам.

Вот уже несколько лет он не появляется на нашем телевидении. А моя бывшая студентка, начинающая сценаристка Вера Вольнова, приехала из Оренбурга покорять Москву и решила начать именно с него, с Ростроповича!

Ну просто бред какой-то...

И вдруг однажды звонок мне на дачу:

– Мстислав Леопольдович просил вас приехать к нему завтра в Жуковку.

Поплутав недолго по академическому поселку, мы нашли его дворец. Нас встретил сам хозяин.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ИТОГИ ЖИЗНИ

Первый контакт для документалиста значит очень много. Во-первых, герой должен произвести на тебя впечатление, а во-вторых, ты должен понравиться своему герою. Необходимо обнаружить точку «соприкосновения». Одна «личность» должна почувствовать другую. Иначе «игры» не будет.

Короткая светская беседа – и сразу отказ сниматься. Маэстро занят.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Его жизнь по минутам расписана на несколько лет вперед. Ни в какой рекламе, он, естественно, не нуждается. Фильмы уже снимались, а сейчас с Би-би-си подписан особый контракт и т. д. Надо было найти какой-то неожиданный повод, чтобы уговорить Маэстро. И повод нашелся.

Оказывается, в начале войны мы жили в одном городе, и наши школы были рядом. Но главное (как удивительно работает память в стрессовых ситуациях), я тут же вспомнил всех актеров драмтеатра – Олегов, Вовси, Куликовский, Побегалов, Агеев, Незнамов... Оказывается, у нас были общие любимцы, знакомые ситуации и подробности жизни в Чкалове (так тогда назывался Оренбург). Короче говоря, мы быстро вошли в то время и пространство, которые были моим детством и его юностью. И это тут же сблизило нас и потрясло.

В Чкалове-Оренбурге был похоронен его отец Леопольд Ростропович, которого он боготворит до сих пор. Его могилу недавно отыскивали местные архивисты. Власти решили увековечить память о Ростроповичах, открыв в доме, где они жили, музей. Слово за слово, и Ростропович принимает решение, неожиданное не только для нас, но и для него самого. Он приносит свой «гроссбух», где расписаны предстоящие гастроли, что-то зачеркивает и что-то вписывает. Три дня по осени он готов провести с нами в Оренбурге, другого времени у него нет и не будет.

Мы были счастливы. Хотя отлично понимали, что снять за три дня полнометражную картину о таком человеке невозможно. На прощание Ростропович вдруг вспомнил:

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ИТОГИ ЖИЗНИ

— А знаете, как меня дразнили в консерватории? Подсолнух! Этот цветок всегда тянется к солнцу. И ребята считали, что такая уж главная черта моего характера...

Так родилось название картины, которую мы еще только надеялись снять, — «Подсолнух».

Всю жизнь я старался снимать «простых» людей. Мне казалось, что если человек не испорчен вниманием, с ним работается легче. Кроме того, моя христианская душа всегда сторонилась знаменитостей. Я держал «Исповедь» Руссо под мышкой, и всегда хотелось изобразить жизнь простую как «необыкновенную».

Естественность и искренность предпочитал всем знакам отличия... А тут на тебе! Знаменитейшая лич-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

ность, мировой музыкант, а с некоторых пор еще и звезда на политическом небосклоне.

14 сентября 1991 года в 19 часов мы стояли у стойки в аэропорту, где было написано черным по белому: рейс Москва–Оренбург, вылет в 20 часов 30 минут. Оператор Володя Милетин водрузил камеру на штатив с колесиками, а по залу спокойно шел сам Мстислав Ростропович, на которого никто не обращал внимания.

Мы начали снимать...

Первое интервью прямо в аэропорту. Спонтанно.

Ростропович рассказал очень много за полчаса, не ожидая вопросов и легко переходя от одной темы к другой. Сразу стало ясно, как с ним работать.

Есть такие особенные люди – редкая находка для документалиста! Они сами легко входят в «роль», сами выстраивают сюжет. Кинематографисту надо лишь поспеть за своим героем, не мешать ему. Эта «артистичность» свойственна вовсе не каждому актеру или политику. В данном случае мы столкнулись именно с таким человеком и поблагодарили Провидение.

Ростроповичу присуща «детская» непосредственность. В жизни он сложный, многозначный человек, способный просчитывать на десять ходов вперед, но это не замечает глаз постороннего человека. Не увидела это и наша камера...

В самолете Мстислав Леопольдович сразу отключился. Оказывается, это его многолетняя привычка отдыхать в дороге. И Володя Милетин снял замечательный кадр – спящего Маэстро.

Музыка в фильме звучала только в исполнении Ростроповича и удачно заполняла пластические пустоты кадра. А текст к этому «снү» написал я уже на монтажном столе.

Несмотря на поздний час, встречали нас в Оренбурге по-царски. Вдруг какая-то ушлая журналистка задала Ростроповичу вопрос:

– Вы приехали сюда, чтобы сниматься?

Зная амбициозность Ростроповича, я просто обмер. Вдруг откажется от нас?

А Маэстро ей в ответ:

– Я приехал, чтобы встретиться с друзьями, вспомнить юность. И обворожительно улыбнулся.

Конечно, местные власти решили использовать приезд Ростроповича на полную катушку и сочинили такой плотный график его пребывания в Оренбурге, что все наши замыслы, все расчеты на «интимное» общение сразу рухнули. Пришлось снимать по ходу событий.

Поначалу мы пытались поспорить с хозяевами города. Ничего из этого не вышло. Но телевизионщикам не привыкать работать в «фронтовых» условиях. И мы понадеялись на Бога и Ростроповича.

Встречи, выставки, приемы, опять встречи, снова выставки, снова приемы... Два дня в диком темпе. Скоро мы убедились, почему Ростроповичу так захотелось побывать именно здесь. Почему свой первый концерт после семнадцатилетнего изгнания он дал не в Москве, не в Петербурге, а именно здесь, на Урале.

В Оренбурге не считали Ростроповича заезжей знаменитостью, здесь он был своим. В городе его узнавали

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

все, и радостно улыбались ему навстречу. Казалось, и он знает всех. Почему так? Может, оттого, что его мать отсюда, коренная казачка. А может, оттого, что он много сделал, чтобы поднять музыкальную культуру города.

На всех встречах Ростропович рассказывал о своей юности. Особенно волнительно это было, когда мы подошли к маленькому одноэтажному домику на Зиминке, улице, где открывался музей Ростроповичей. Я сразу узнал и подъезд, и квартиру.

Два лютых года, особенно зима сорок второго. Я помню, как пробивался с нотной папкой к этому крыльцу и полчаса отогревался у изразцовой печки-голландки, а потом строгая Софья Николаевна, кутаясь в оренбургский платок, учила меня играть гаммы на рояле. Теперь ее портрет висел на стене, а Мстислав Ростропович всем рассказывал, какая она была красавица. И как он хорошо понимает своего отца, который влюбился в аккомпаниаторшу на первом же концерте....

Ну кто бы мог подумать, что так повернется судьба! Теперь я относился к истории Ростроповича с особым чувством. И это сразу понял Володя Милетин. Какое счастье, когда оператор и режиссер понимают друг друга с полуслова!

Ранним утром мы были на кладбище. Снимали и старались не мешать Ростроповичу помолиться на могиле отца.

А в домашнем застолье в семье Гончарук, которая и создала музей Ростроповичей в своем теперешнем доме, Мстислав Леопольдович рассказал смешную ис-

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ИТОГИ ЖИЗНИ

торию, как он женился на Галине Вишневской. Потом он вспомнил и свой первый концерт в Оренбурге, и как спас от холода свою первую любовь, притащив с окраины целое бревно.

Все, что рассказывал нам и публике Мстислав Леопольдович, было трогательно, смешно и в деталях того времени. Давно и тщетно настаивает его супруга, чтобы он написал наконец книгу своих воспоминаний. Но я думаю, что он ее никогда не напишет. Чтобы написать, надо остановиться и посмотреть назад. Но как может Маэстро это сделать, если сегодня он играет в Токио у императора, завтра в Лондоне у королевы, спит три часа в сутки и прилетает в Париж только затем, чтобы сменить ноты для очередного концерта.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

– В движенье счастье мое, в движенье...

Ростропович не любит громких слов.

Изображение передать словами нельзя. Даже авторский комментарий пропадает без интонации, не говоря уже о речи самого Ростроповича с его удивительной картавостью и блестящей мимикой.

И только в контексте фильма понимаешь, какой это добрый, открытый и озорной человек. И при этом, может быть, самый счастливый человек на свете.

Конечно, в свое время явится хороший писатель и напишет интересный роман из жизни Музыканта или найдется великий актер, который сыграет Ростроповича. Но реального человека современники и потомки смогут рассмотреть только в картине документалиста.

Наше счастье, что мы успели ее снять. А счастье Ростроповича, что он смог сохранить в себе ребенка до конца. Это и сделало его величайшим Художником.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ГИБРИД

РАЗМЫШЛИЗМЫ

Самопознание – безусловная основа для документального режиссера. Можно сказать, это единственный инструмент «глубинного бурения» в его руках. Никакие книги и просмотры не могут заменить этой работы для документалиста.

Документалист обязан не только зашифровать в кадрах жизнь современника, но и (в пределах возможностей) расшифровать в построенной им картине свое время и характеры своих героев. Можно ли понять и почувствовать чужого, постороннего человека, если ты не знаешь, не помнишь и не понимаешь самого себя? Нужно уметь моделировать себя в разное время и в разных ситуациях. Автопортрет в раннем возрасте я написал недавно в документальной повести «Гибрид».

Напрягая память, уходя в подвалы подсознания, я переселился в предвоенные годы и постарался воспроизвести все детали и характеры, всю обстановку жизни, которая меня тогда окружала. Хотя эта повесть

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

(или, если хотите, сценарий) не лишена художественных претензий, отвечаю головой, что она абсолютно документальная. Конечно, самопознание необходимо любому художнику. Но часть его творчества, иногда даже самая существенная, уходит на придумывание, фантазирование. Документалист, наоборот, по необходимости снижает присутствие фантазии на съемочной площадке. Он всегда включает себя, свое естество, свои взгляды и вкусы в материал, который снимает, но он не должен уходить за границы факта. Чутьочку фантазии, но только на глубине реального факта. Этим, собственно, он и отличается от режиссера игрового фильма. «Крепостная» зависимость от реальной жизни ему не в тягость, а в удовольствие.

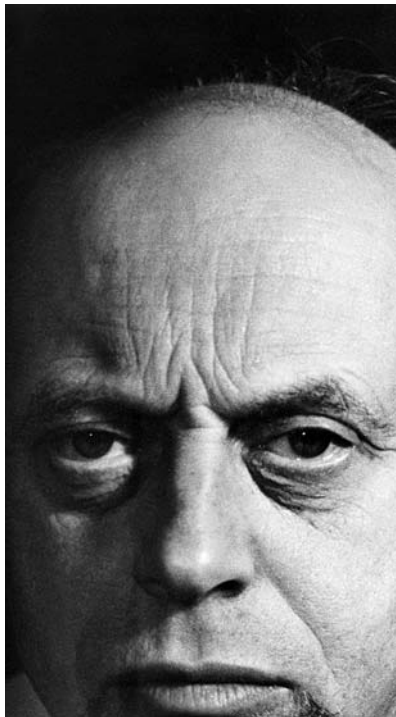
Надо постоянно видеть себя со стороны. Нужно (хотя бы изредка) просматривать и оценивать себя изнутри.

Хлопотная, но интересная работа...

Жизнь – интересная штука. К сожалению, это понимаешь слишком поздно. Иной раз она выкидывает такое коленце, что век не выдумаешь. По природе я человек застенчивый, стеснительный и малокоммуникабельный. Все, что я узнал о жизни, все, что в ней понял, случилось благодаря тому, что я снимал документальное кино. Вопреки распространенному мнению не литература, не театр, а жизнь учит жизни.

А из всех искусств только искусство телевидения ближе всего подходит к раскрытию тайн общественного бытия. Документалист не может перестать удивляться и поэтому должен постоянно культивировать в себе «детский» взгляд на жизнь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

Учиться собирать и запоминать детали, которые восстановят Время, сколько бы ни прошло лет, сколько бы ни случилось событий. Перед глазами документалиста должна быть открытая книга бытия, от самого начала и до самого конца.

Я отдал телевидению всю жизнь, но так и не понял, кому служил – Богу или Дьяволу. В жизни мне не хва-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

тало искусства, а в искусстве недоставало жизни. Может быть, поэтому судьба и прибила меня к телевидению. Впрочем, чтобы разобраться в себе (а это необходимое условие для документалиста), я и сочинил целую телеповесть «Гибрид», где постарался восстановить время в подробностях – и в словах, и в интонациях – как запомнилось. Одна часть повести как раз посвящена началу войны и эвакуации в Чкалов, о чем я уже упомянул в фильме «Подсолнух». Все повествование идет от лица мальчика, которому едва исполнилось девять лет.

ОТРЫВОК ИЗ ТЕЛЕПОВЕСТИ

УЛИЦА НАГОРНАЯ

Война случилась как раз вовремя.

Только я окончил второй класс на «хорошо» и уехал к папиной бабушке и папиному дедушке в Лосинку. Как вдруг... Если хотите, можете сами убедиться. Вот вам табель. Я его сложил, чтобы в кармане не помялся. Мало ли кому еще посмотреть захочется?

Вот: за чтение – хор, по письменному – хор, за арифметику – хор. А за поведение – отлично. Переведен в третий класс. Во-от! Это тебе не хухры-мухры, фунт изюма!

Начиналось длинное, скучное лето.

Родители намылились на курорт, а я должен был коротать время с Адельсидоровной и Бориспалычем на Нагорной улице. Где и ребят-то фактицки не было. Раз два и обчелся. Даже в войнушку поиграть не с кем!

Канешно, у меня – двухколесный велосипед. Но без свободного хода.

И цепь, вот гадство, все время соскакивает.

– Опять?... Черт тебя подери, проклятая...

Бабушка Лизаветниколавна чертыхаться не велит. Никогда и ни в коем случае. Можно подумать, что Он услышит и явится прямо сюда в Лосинку, чтобы чинить эту проклятую передачку. Откровенно говоря, я еще ни разу не видел живого настоящего Черта. Даже не уверен, есть ли он на самом деле. Может его просто выдумали... взрослые? Чтобы нас детей пугать, когда мы не слушаемся.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Дед гуляет каждое утро на станцию за газетой – радива у нас на Лосинке нет, а бабушка встает всех раньше, стряпает нам на целый день чего-нибудь вкусенького и мчится в Москву, в роддом.

Канешно, сама она рожать не собирается. Уже выродила, слава тебе Господи, троих взрослых сыновей и среди них моего папу. Теперь в родильном доме она у Гиговского сестра-хозяйка.

Хотя непонятно, почему она сестра, если Гиговский мне совсем не дедушка, и не дядя, и вообще не проявляет к нам ни малейшего интереса? А просто сплуатирует бабушку «в хвост и в гриву», пользуясь ее добротой и безотказностью, как говорят в нашей семье.

В прошлое лето тетя Ира с дядей Леней в доме у Гиговского выродили дочку. И назвали ее Наташкой. Теперь в нашей семье я не единственный потомок. У меня есть сестра, правда, двоюродная.

Может, это и к лучшему?

А вот у дяди Павлуши с тетей Машей пока потомков нет. Почему-то у них не получается. Дядя Леня считает, что это из-за того, что они часто переезжают с места на место, из одного театра в другой. Сейчас они сели на Урале, в Чкалове. Дядя Павлуша – главный режиссер, а тетя Маша – главная актриса.

И поэтому им дали большую трехкомнатную квартиру на главной улице города. Со всеми удобствами! Может, там у них получится еще один потомок?

Юрка с другой улицы, с Интернациональной – мой единственный хороший друг в это лето – вчера приперся с известием.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

– Наверное, скоро будет война с немцами.
Дедушка сидел в тени на раскладушном стуле,
дышал свежим воздухом и рассердился, как всегда,
когда говорили не то, что написано в газетах:

– Фуй! Фуй! Не говорите мне глупости. Ты уже большой мальчик и мог бы читать «Правду».

Дедушка не поленился, пошел в дом и принес запрошлую газету, где было написано черным по белому, что никакой войны не будет, все это злостные выпады враждебных элементов.

Но Юрка не сдавался:

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

– А слабо на спор?! Все равно война будет.

Уж откуда у моего друга такие верные сведения, понять не могу. Но он был готов даже побожиться, есть землю и биться об заклад с дедушкой на вафельное мороженное и бутылку сидра.

А вы знаете, что такое настоящее сливочное мороженое?

Вот смотрите:

Мороженщик с тележкой стоит с самого утра перед перроном на станции. Ты подходишь по очереди и заказываешь:

– Мне одну большую.

Или...

– Мне одну маленькую.

Прямо на глазах изумленной публики он берет круглую вафлю и запихивает ее в железный патрончик. Потом достает ложкой белое, как снег, мороженое из длинной кастрюли. Приплюсживает его в стаканчике. Вот так. Изо всех сил! Теперь он берет вторую вафлю и накрывает сверху. Тааак! Нажимает снизу большим пальцем... и круглое, самое вкусное в мире мороженое... выскакивает наружу.

Ты его берешь осторожненько. Или маленькое, или большое. Маленькое стоит десять копеек, а большое – двадцать. Понемножку слизываешь языком с боков, пока оно еще не растаяло и не обкапало твою рубашку. Тааак. А в конце съедаешь вафлю и облизываешь пальчики.

В эти сладкие минуты ты уже ни о чем не думаешь. Даже про подростковый велосипед со свободным ходом. Но такое удовольствие – не каждый день.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

Потому что если съесть много мороженого, можно заработать ангину даже летом.

Эники-беники ели вареники...

Биться об заклад дедушка отказался. Категорицки! И когда Юрка ушел домой, посоветовал мне не водиться больше с этим глупым мальчиком, который распространяет злостные слухи по всей Лосинке.

На следующее утро было как раз воскресенье. На небе – ни тучки. И можно было ожидать гостей из Москвы. Дядя Леня с тетей Ирой вряд ли соберутся. Все-таки Наташке только десять месяцев. И они

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

специально поменяли свою однушку на Садово-Кудринской на двушку в Сокольниках, правда, в деревяшке. Но для тети Иры с Наташкой – главное воздух. А воздуха в Сокольниках – хоть ротом ешь, как на даче. И ничего страшного, что с печным отоплением.

Пол-Москвы еще с печным отоплением. И у нас «голланка» из коридора топится. А на Никицкой вообще – печка с изразцами.

Парочку раз съезжаю на своем велике от калитки к дому. С горки лететь хорошо, а потом его в горку на себе переть – пупок надорвешь! Можно даже грыжу заработать, как у бабушки Адельсидоровны.

Сейчас отдышусь и еще чего-нибудь придумаю.

Может, Аня приедет, а может, даже бабушка Лизаветниколавна. Она просто так не ездит! Я еще в прошлый раз намекал на самокат. Это ведь она подарила мне велосипед. Кто ж виноват, что у него теперь цепь соскакивает? Мы с бабушкой даже на завод ездили «к черту на кулички», на трех трамваях.

Теперь я расскажу, как это было на самом деле.

В проходной нас задержал минцонер с винтовкой.

– Чо надо? Пускать на объект без пропуска не положено.

Бабушка объяснила, что мы приехали на трех трамваях, чтобы поменять поломанный велосипед на хороший. Минцонер заявил, что мы чокнутые, но все-таки повертел ручкой от телефона и сказал в трубку:

– Позови Фимыча! Сама дура! Тут одна гражданочка сообщает о вредительстве...

Через несколько минут в проходную примчался толстый дядька:

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

– Михаил Ефимович, с вашего разрешения, главный инженер.

– Елизавета Николаевна. Если нужно, могу показать паспорт.

– Паспорт не надо, – заявил этот Колобок. – Так какие у вас претензии, гражданочка, к нашему передовому социалистическому предприятию?

Бабушка сказала, что к передовому социалистическому предприятию у нее нет никаких претензий. Просто она купила внуку в подарок велосипед, а у него сразу стала соскакивать цепь.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Колобок стал внимательно рассматривать мой велосипед.

– Ну, и когда был приобретен этот экземпляр?

У нас, на счастье, оказался чек из магазина, потому что моя бабушка никогда ничего не выбрасывает. Дядька рассмотрел сначала чек, а потом набросился на меня:

– Расскажите нам, молодой человек, как вы занимались вредительством и ухитрились сломать это замечательное изделие нашего завода?

А я никаким вредительством не занимался, просто один раз чиркнул об стенку во дворе, когда соревновался с мальчиком, у которого был велосипед американский, со свободным ходом и тормозом на руле.

Может, и не надо было это рассказывать? Но не мог же я соврать, да еще при бабушке?!

Дядьке явно понравился мой рассказ. Он сразу повеселел от удовольствия!

– Вот видите, мадам, ребенок сам сознался. Обратите внимание – без всякого насилия с моей стороны. Какой воспитанный, хороший мальчик! Но менять ваш велосипед на новый, к сожалению, оснований нет. Попробуйте обратиться в мастерскую, хотя наша конструкция не рассчитана на то, чтобы врезаться в стенку. Надо внимательно читать инструкцию.

Нам с бабушкой сразу стало стыдно, что мы даже не заглядывали в инструкцию, но главный инженер вдруг смилостивился и пригласил нас посмотреть, где делают не только велосипеды для маленьких, но и мотоциклы для больших.

– Мне што? Мне пловать, – выговорил минцонер.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

– Пропустить! – скомандовал Колобок. И нас пропустили.

Так я впервые в своей жизни увидел передовое социалистическое предприятие... Станки грохотали. Люди бегали, как очумелые. В углу блестела стайка синеньких велосипедов, как две капли воды, похожих на мой зелененький. И цепь у них, наверное, не соскакивала...

Мы думали с бабушкой, а вдруг главный инженер раздобрится, как в сказке бывает, и поменяет наш велосипед на новенький. Но Колобок не раздобрился.

Пришлось нам ехать обратно на трех трамваях с поломанным велосипедом.

– Не солоно хлебавши, – как сказала тогда моя любимая бабушка.

А для меня этот день остался на всю жизнь, потому что настоящий завод – это тебе не сказка про тысячу и одну ночь. Но тоже страшно очень...

Вот бы искупаться сейчас на Яузе! Да разве их уговоришь? Нальет Адельсидоровна воду из колодца в ванночку. Брызгайся на здоровье. Но я уже не такой маленький. Пора и плавать учиться. Вот если бы на даче жила не Адельсидоровна, а Лизаветниколавна, она бы меня обязательно окунула в речку. А так жить – одна скукота!

И в этот момент примчалась моя дорогая мамочка на дядилениной «эмке». Она была такая бледная, с некрашенными губами. Мама сказала, что началась война и нам надо быстро-быстро собираться в Москву.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

АЗОХЕНВЕЙ

– Вот видишь, дедушка, а ты говорил... – победоносно заявил я.

Адельсидоровна стала причитать и плакать:

– Азохенвей! Азохенвей! Какой колоссальный ужас!

Дедушка сказал, что быть этого не может, потому что в газетах написано...

– Да перестаньте вы с вашими газетами! Вечно вы говорите какие то глупости! По радио уже сообщили. Собирайся немедленно! Машина ждать не может.

Я первый раз видел такую маму. Она... накричала на дедушку.

– Азохенвей, – ахала бабушка, – азохенвей...

Только я не понимаю, почему такой колоссальный «азохенвей»?

Ведь бабушка сама рассказывала, как в прошлую войну пришли в Минск немцы, был полный порядок. Евреев даже пальцем не тронули.

Нет, вы только послушайте, как говорила моя бабушка Адельсидоровна еще неделю тому назад:

– Перестаньте сказать плохо про немцев. Это очень культурная нация. А вот когда они ушли, тут же город схватили поляки. Начались форменные погромы и ужасное насилие. Вы знаете, я сама выросла в Варшаве и до шестнадцати лет понятия не имела ни одного слова по-русски. Но там на Ерусалимских аллеях были одни поляки, а здесь уже другие.

Когда начался обстрел, мы спустились в подвал нашей фабрики. Вдруг заходят к нам два солдата и такой молодой элегантный офицер. Он посмотрел на

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

нас во все глаза и скомандовал: «Проше пане злато»! Моя мама прекрасно говорила по-польски и объяснила этому офицеру, что с нами нет никакого золота. Тогда тот элегантный негодяй (тут моя воспитанная бабушка жутко ругается по-польски) берет пистолет и стреляет в потолок. Пах! Пах!..

Что делает моя умная мама? Она страшно кричит и хватается за это место. Ну поляки не такие дураки и сразу догадываются, в чем секрет. Они переворачивают пожилую женщину вверх дном и находят в чулке зашитый мешочек с бриллиантами. Все семьдесят восемь каратов! Целое состояние. «Пардон, – заявляет этот элегантный негодяй совсем по-русски. – А вы еще хотели морочить мне голову».

Бабушка переходит на еврейский «идиш» и начинает сморкаться. Потом опять ругается по-польски.

– Через пять минут времени моя мать была уже бедная женщина...

Сколько раз я слышал от Адельсидоровны эту печальную историю. И мне всегда было жалко мою прабабушку и ее семьдесят восемь каратов. Если бы у нас сейчас были эти караты, мы бы всю дорогу не бедствовали. И мне купили бы, наконец, детский велосипед со свободным ходом.

– Особа была слаба на передок, – заметил как-то дядя Леня, – и у мадам сдали нервы.

Умерла эта «бедная женщина» совсем недавно. Я даже помню когда. Позапрошлым летом. Ей было уже скоро сто лет. И она работала кассиром в магазине уже при советской власти. Сюда в Москву она никогда не приезжала.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Адельсидоровна ездила в Минск на похороны и привезла оттуда целое эмалированное ведро вот с таким крупным крыжовником. И еще вилки, этот чайник и вазочку. Хотите, я пойду в дом и покажу вам эту вазочку?

Вот уж, действительно, «азохонвей»!

Эники-беники ели вареники...

Дедушка с бабушкой остались в Лосинке, а мы помчались в Сокольники.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Долетели быстро. Даже не укачало. Хотя от бензина в машине меня всегда тошнит.

А в Сокольниках уже был большой шухер.

На каланче ходил пожарник в тулупе, в каске и с ружьем. В двадцать четвертое отделение милиции, которое в нашем же дворе, пачками водят прохожих в шляпе. Прошел слух, что в Москву немцы бросили целый десант. А в кино всегда показывали шпионов в шляпе. Вот и стали хватать на улице всех, кто вырядился на воскресенье.

Как только появляется в небе какой-нибудь самолет, ребята замирают с открытым ртом. А потом несутся как угорелые в сторону парка. Шпионы ведь наверняка будут прятаться там в кустах. Я, канешно, тоже стал гонять вместе со всеми. Красота! Разве сравнишь с Лосинкой!

Папа идет в гастроном к метро и приносит вот таких два куска сала по восемьсот грамм под названием «шпик».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

– Как раз, эт-самое, до конца войны хватит.

Вообще-то в нашем доме шпик никто не ест. А зачем лопать это жирное сало, когда в магазине всего завались. И тебе колбаса «краковская», икра «паюсная», лососина. Ну, все, что твоей душеньке угодно. Просто скатерть самобранка! Я лично больше всего люблю красную икру или баклажанную. Одна бабушка делает судак заливной, а другая бабушка на праздник обязательно готовит фаршированную щуку. Вообще, говорят у нас в семье, с едой в Москве стало почти так, как до революции. Были бы только деньги...

Но деньги есть не у всех. У меня, например, их совсем нет. Дают иногда гривенник на томатный сок, и все. Тяжело быть ребенком, даже в мирное время!

А теперь начинается другое, военное время.

Что будет?

Поживем – увидим.

ЧЕПУХА НА ПОСТНОМ МАСЛЕ

Ночью объявляют тревогу.

Мы с мамой побежали в метро, а папа остался дома. После того, как он «посидел в командировке» и ему сломали ребра, папа уже ничего не боится.

– Когда сажают копчиком на уголок табуретки, эт-самое, или бьют по почкам сапогами, эт-самое, – тут можно сказать уже «дрек мит пфефер»...

Только это выражение он и знал на бабушкином «идише». Зато про «еврейское говно с перцем» он вспоминал при каждом удобном случае.

И обязательно прибавлял «это самое».

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

– И то я ничего им не подписал, эт-самое. А бомбежка, эт-самое, абсолютная чепуха на постном масле. Хреновина!

Бабушка всегда говорит:

– Костя! Перестань ругаться! Ты уже не в тюрьме.

Мама ужасно обижается, когда папа ругается при ребенке, у нее тут же портится настроение.

Папа просит прощение:

– Котенька, эт-самое, ну, прости меня, пархатого еврея. Просто с языка слетело.

Если у мамы тут же не поправляется настроение, папа начинает бить посуду. «Кузнецовские» тарелки из дедушкиного сервиза летят на пол. Даже мамин любимый чайник-павлин раскокал!

В общем, начиналась катавасия, я плакал навзрыд. Тут же ко мне бросались с двух сторон родители.

– Ну успокойся сынище-парнище. Чего ты так расквасился?

А я рыдал и приговаривал: «Только не разводитесь. Только не разводитесь. Пожал-ста...»

– С чего ты взял? – удивлялась мама. – Мы вовсе не собираемся разводиться. Откуда ты это выдумал? Опять набрался разных гадостей от Серебряных?!

Это она ко мне.

Серебряные – это наши соседи по дому в Сокольниках.

– Видишь до чего ты довел ребенка?

Это она к папе.

Тут они обыкновенно мирились и целовались.

Такая у нас дома случалась в мирное время чепуха на постном масле!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

Но сегодня мама даже внимания не обращает на папину ругатню.

В метро было полно народу. Поезда не ходили. Можно было спуститься в туннель и посидеть на рельсах. Совсем не страшно. Только очень спать хочется. Но на холодной рельсе спать неудобно.

К утру дают отбой, и мы идем обратно домой.

Когда входим в комнату, видим жуткую картину.

Папа стоит на столе, бьет щеткой в потолок и кричит:

- Пшла вон! Пшла вон!

Оказывается, как только мы ушли спасаться в метро, папа приготовил себе ужин и сел за стол выпивать и закусывать. Вдруг, откуда ни возьмись, прибежала в комнату мышь и стала скрестись.

А мой папа, который никого и ничего не боится, оказывается, не любит мышей. Он взял щетку и запрыгнул на стол.

Мы были в метро всю ночь. А папа стоял на столе. Вместо того, чтобы пить и закусывать. Мышь убежала только перед нашим приходом.

Сначала рассмеялась мама, потом засмеялся папа, а потом уже я, за компанию. Спать никто не хотел. Мы стали завтракать, пить чай и смеяться вместе.

А та тревога была игрушечная. Понарошку!

На следующий день по нашей Четвертой Сокольнической поехали машины с красноармейцами.

На тротуаре полно народу. Все стоят молча, женщины машут руками и вытирают платком глаза. Какая-то тетка объясняет:

– Ворошиловские казармы едут. На фронт родимые...

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

На углу – наш знакомый священник Введенский.
– В полном облачении, – как выразилась Адельсидоровна. Это значит, как в церкви на молитве.

Я знаю, его церковь – рядом с парком. Меня туда еще раньше бабушка Лизаветниколавна водила. А теперь Введенский стоит на углу Четвертой Сокольнической и крестит все машины подряд, когда они заворачивают в сторону вокзала. И никто его не забирает в милицию. Одна за одной... Одна за одной... Медленно, мимо каланчи, по Русаковской улице...

ЧТОБ СКАЗКА СТАЛА БЫЛЮ

*Мы рождены,
Чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор.
Нам разум дал стальные руки крылья,
А вместо сердца – пламенный мотор!*

Такая у нас была любимая детская песенка. Ее часто пели взрослые по радиово...

Скоро по Москве проползло гадское слово Э-ВА-КУ-АЦИЯ.

Товарищ Сталин велел вывести всех детей из города. Чтобы не пугались под ногами!

Я полюбил товарища Сталина еще до войны. После мамы, папы и бабушки Лизаветниколавны товарищ Сталин у меня на первом месте. Я даже видел его один раз. А получилось так.

Папа взял меня с собой на демонстрацию первого мая. Мы пришли в шесть утра на Ниглинку к ВЭГЭКЭО, где тада была папина работа.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

А ВГКО – это место, где собираются наши знаменитые эстрадные артисты, которые не сидят в тюрьме, а выступают с большими концертами. Так, по крайней мере, мне объяснял мой папа по дороге.

У ВГКО уже стояла большая толпа, и все друг друга знали. Обнимались, целовались, кричали. А папа мне на ухо называл имена:

– Этот дядька – Леонид Утесов... Эта тетка – Клавдия Шульженко... Самый толстый – это Гаркави. Лучший конференсье... Его бывшая супруга Русланова, исполнительница народных песен – «Валенки, валенки – не подшиты, стареньки»... Кэто Джапаридзе – «Мой костер в тумане светит, искры гаснут на лету»... Вон сама Пантофель-Нечецкая – «Соловей, мой соловей!... Вон там смотри – Смирнов-Сокольский. Великий книгочей... Как-нибудь сходим к нему на проферансик... Железный Цфасман – барабанит на рояле, только струны летят... После правительственного концерта опять пошел в гору. Миронова со своим Менакером – шикарная женщина! Могла, между прочим, стать твоей мамой... Запоминай, эт-самое, сынище-парнище. Весь бомонд сегодня на демонстрации. Потом расскажешь – завидовать будут.

Я не стал спрашивать, кто такой «бомонд». И так ясно.

Только одна встреча чуть было не испортила настроение. Когда стали раздавать флаги, шарики и портреты вождей, вдруг явился еще один дядя.

– А вот и Адольф ... Явился – не запылится...

Один раз в Сокольниках я почему-то проснулся среди ночи. Сплю я за шкафом, а ночью меня еще за-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

гораживают ширмой. Родители спят вон там, в другой части комнаты. Между печкой и роялем. Чтобы меня не разбудить, они говорят по ночам шепотом. Отец опять рассказывает про тюрьму.

– Первый следователь был, эт-самое, настоящий босяк. Он не допрашивал, он просто бил. А его начальник, когда заходил в кабинет, говорил одно и то же:

– Бить, бить и бить. Пока не подпишет...

– И можешь себе представить, били без остановки. А к утру следователь вдруг заявил: «Я сейчас устрою тебе очную ставку, сука упрямая. Ты у меня еще попляшешь». Тут приводят в кабинет Адольфа. Ну, ты знаешь Адольфа...

Мама Адольфа знала, потому что он был женат на сводной сестре нашей тети Муси. Я тоже знал эту сестру Лизу, которая тараторила, как пулемет, и устраивала на елку в Дом работников искусств.

– Когда его втащили и поставили к стенке, я, эт-самое, его сначала даже не узнал. Лица на нем не было – кровавый блин. Глаза выкатились. Брюки свалились. Он их все время одной рукой подхватывал, эт-самое. Представляешь картинку! Этот пижон с иголки со спущенными штанами... У нас прежде всего отбирали ремни, эт-самое, чтобы никто сам не повесился...

Отец даже захохотал, а потом закашлялся.

– Адольф тут же стал кричать: «Это он меня завербовал, это он! А я не хотел, я за советскую власть горой. Товарищ следователь! Это он меня вербовал. Я вам докладывал, товарищ следователь...

– Я тебе не товарищ, сука продажная, – закричал мой босяк. – Я тебе ГРАЖДАНИН следователь! И в

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

подтверждение припаял сапогом ему по яйцам, эт-самое.

Папа опять хохотнул. Мама шикнула:

– Тише ты, ребенка разбудишь. Не надо ему знать такие вещи...

Я лежал тихо, как мышь, и не понимал, почему отец смеется.

Взрослые вообще часто смеются, когда надо плакать.

Папа тихонечко, уже почти что шепотом продолжал:

– Ну, видишь теперь, Константин Бенцианович, отпираться бесполезно. Хочешь, позвони своему сынишке? Ладно, сейчас поздновато. Утром я тебе разговор устрою. Итак, дорогуша, я за тобой записываю: «Был наймитом английской разведки и вовлек в преступный сговор...»

... И вот, после Адольфа, я тогда расписался и попросил воды.

... Мне дали целый графин, и я, эт-самое, тут же вылил его на бумагу. Испортил им весь спектакль ... Ну и...

Папа опять засмеялся.

... Потом извинились и сказали: ваш следователь вчера расстрелян. Как враг народа.

Я был уверен, что гада хлопнул товарищ Сталин собственноручно, когда узнал, какие безобразия творили с моим папой на Лубянке.

И вот теперь этот Адольф перся к нам наодеколенный, расфуфыренный, с красным бантом. Как ни в чем не бывало.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

– Здравствуй, Костенька!

Он смотрит на папу как-то жалобно и протягивает руку.

– Здравствуй Адольф, – отвечает папа, но руки не подает и отворачивается.

А ведь маме он сказал тогда ночью, что на Адольфа зла не держит. Любого можно заставить подписать всякую ахинею, если долго бить «сапогами по яйцам».

Адольф покрутился рядом с нами и куда-то исчез.

Демонстрация вышла очень красивая и веселая. Из-за того, что весна случилась рано и деревья уже распустились.

В колоннах несут не только флаги, шарики, портреты, но и березовые веточки. И когда мы выходим на Красную площадь, она – вся зеленая.

Папа посадил меня к себе на плечи, чтобы я рассмотрел на Мавзолее все наше родное советское правительство. Больше всего хотелось увидеть товарища Сталина, но никто не знал, будет он стоять на трибуне или не будет.

Я оказываюсь выше всех на площади. Поэтому спрашивают у меня – есть ли товарищ Сталин или нет?

Я, как дурачок, брякаю:

– А какой из себя товарищ Сталин?

На меня цыкнули:

– В фуражке он, в серой фуражке!

На трибуне много людей. Мы идем все ж таки далеко от Мавзолея и разглядеть трудно.

Вдруг один человек на трибуне поднял руку. И вся площадь как завопит!!!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

– Товарищу Сталину ура! Сталину ура-ура-ура...

Тут я понимаю, что дядя с поднятой рукой это и есть «дорогой товарищ Сталин в серой фуражке».

Но мне почему-то показалось, что фуражка на нем была белая. Он машет рукой вот так, и весь народ задыхается от радости.

Я тоже ору, как резаный:

– УРАААА...

При этом размахиваю руками и дрыгаю ногами. Чуть было не свалился...

С этого момента я полюбил товарища Сталина. На всю жизнь.

На семейном совете решили отправить в Чкалов к дяде Павлуше с тетей Машей меня с мамой, Наташку с тетей Ирой, Адельсидоровну с Бориспалычем.

Дядя Леня собирался приехать через несколько дней. Папу не отпустили с работы. А Лизаветниколавна, Аня, дядя Жорж с тетей Мусей, дядя Сережа с тетей Галей – все решили пока оставаться в Москве и не затруднять без того тяжелое положение дяди Павлуши с тетей Машей, на которых обрушивалось целое семейство. Хотя мы принимали их в Москве каждый год, как дорогих гостей.

Теперь было неизвестно, как они встретят нас.

– Что вы говорите! Павлушка только обрадуется, – говорит дядя Леня.

– А Марипална? – возражает тетя Ира.

– Ведь люди так меняются во время войны, – сжала губы Адельсидоровна. – Но других вариантов нет!

– Как-его-называется, хорошие люди есть везде, – закругляет разговор бабушка Лизаветниколавна. – По-езжайте с Богом. А мы тут за вас будем молиться.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Она сшила мне рюкзачок из сурового полотна. С кармашком. А я положил в него целую пачку стрел с наконечниками от карандашей. На случай обороны. Аня накупила кучу конфет. Даже мои любимые «мишки». Дядя Сережа подарил стеклянную фляжку, а тетя Галя сварила клюквенный морс – вдруг захочется пить в дороге.

– Нормальная эвакуация, – заявил дядя Леня.

И мы поехали.

ЭВАКУАЦИЯ

Эвакуация – это когда можно ехать в поезде без билета.

Эвакуация – это когда в вагоне не то что сидеть – стоять негде.

И даже если ты захочешь упасть, то останешься стоять, потому что и на полу места нет, и под потолком на третьей полке висят между чемоданами люди.

Эвакуация – это когда поезд трогается, когда хочет, и останавливается, где ему вздумается.

Эвакуация – это когда нельзя нигде ни поесть, ни попить. А если захочется «по-маленькому» или даже «по-большому», надо целый час пробиваться по головам в тамбур, а потом ждать, когда поезд остановится. Тут важно быстренько соскочить, сделать свои дела прямо под колесами и бежать обратно. Потому что поезд тебя ждать не будет и может тронуться без свистка.

Эвакуация – это когда поезд дергается десять раз и только потом едет. Потому что на одном паровозе

столько висит вагонов и нельзя рассмотреть, где начинается состав, а где кончается.

В эвакуации главное не отстать от своего вагона, потому что потеряться – пара пустяков. И потом ищи-свищи ветра в поле.

В дороге сразу становишься серьезным человеком и начинаешь соображать.

Дедушка все время молчит. Когда ему совсем плохо, кряхтит. Черный пиджак он снял, брюки у него не на ремне, а на подтяжках, засунуты в сапоги с галошами. Галоши он не снимает даже ночью, потому что боится их потерять в этой толчее. Его пристроили к окошку. Но окно закрыто на двойную раму и открыть его не получается. Проводников нет, дышать нечем.

Ночью кто-то догадался и разбил окно. Сразу стало легче. Но теперь боимся, что на станции кто-то влезет.

– Эвакуация – это тихий ужас, – все время приговаривает Адельсидоровна. – Лучше было умереть в Москве...

Лично я так не считаю, потому что мы все-таки едем. И начинаем новую жизнь. По крайней мере, лучше, чем загорать все лето на даче!

За пять дней в жестком бесплацкартном вагоне мы все перезнакомились и голова распухла от разных рассказов. Хотя запомнить их совершенно нельзя – на голодный желудок, во-первых, и еще потому, что поезд все время дергается, как ненормальный. Теряются вещи, падают дети с верхних полок, горят какие-то «буксы». На каждой станции нас собираются отцеплять. Закрываю глаза и молюсь, как учила бабушка:

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

– Господи! Иисусе Христе! Помоги этим «буксам» дотянуть до Чкалова...

Открываю глаза. Жарища, как в печке! Вонь, как на помойке! Скандальничают, как на базаре! И никто не помнит, о чем он говорил пять минут назад. Просто болтают без умолку, не обращая внимания, слушают тебя или не слушают.

– Люди разговаривают сами с собой, наверное, чтобы отвлечься от всего этого кошмара.

Так сказала моя мама.

А тетя Ира считает:

– Люди много говорят, чтобы меньше хотелось курить.

Она единственная в нашем вагоне еще может шутить.

Наташка писается и какается на газетку.

А я веду себя совсем как большой.

Стеклянная фляжка в рюкзаке с грохотом взорвалась уже на вторую ночь и облила все купе красным морсом. Сначала испугались, что началась бомбежка. А потом смеялись... целый час.

Эвакуация – это когда в бесплацкартном вагоне взрослые люди готовы съесть друг друга и все-таки друг другу помогают.

Поезд опоздал на целые сутки, и все равно на перроне нас встречает дядя Павлуша. У него с собой автобус из театра, в который мы благополучно грузимся и отправляемся на новую квартиру. А люди на вокзале остаются сидеть на своих узлах и чемоданах. Они там сидят сейчас и нам завидуют. Никто их в Чкалове и не ждал.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

– Несчастные беженцы, – скорбит Адельсидорона, ласково поглядывая на Павлушу.

Все-таки нужная вещь – родственники, особенно во время войны.

В Москве, дома, я слышал еще давно такой разговор:

– Что потянуло на Урал Палборисыча? Надо быть ближе к Москве, чтобы тебя заметили...

– Опять интриги Марии Павловны. Она может играть только первые роли. А на карьере Павлуши ей наплевать.

– ... Зачухонный, замызганный, серобурмалиновый, ну, сразу видно – захудалая провинция, – критикует тетя Ира в автобусе.

Все ж таки взрослые не умеют радоваться жизни и постоянно брюзжат, заметили?

– Лучше, чем Лосинка. Без капельки сомнения, – утверждаю я.

Окна раскрыты, нет бумажных крестов. Значит, налетов здесь не ожидается. И мы будем жить опять в мирное время.

Легко на сердце от песни веселой.

Она скучать не дает никогда.

И любят песню деревни и села,

И любят песню большие города.

Это орет репродуктор на всю привокзальную площадь...

ШИКАРНАЯ КВАРТИРА

Может, Прошлое только прикидывается Прошлым... А на самом деле, если хорошенько зажму-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

риться, – вот оно! Туточки! Самое что ни на есть – Настоящее...

Теперь мы живем на Советской улице, на углу. Дом четырехэтажный, новенький с иголки. Снаружи желтый, а со двора кирпичный. Вход с улицы заколочен. Так что ходим через двор. Поднимаешься по лестнице, можно через две ступеньки, на третий этаж и справа большая дверь из двух половинок.

Открываешь одну половинку иходишь в Холл. Так называется большой коридор. Прямо две двери. Слева комната, где живет тетя Маша с дядей Павлушей и Микешка. Микешка – карликовый шпиц.

Он все время тьякает, но не кусается.

Тетимашино и дядипавлушино окно выходит во двор.

Справа наша комната. Окно прямо на улицу. Тут мы устроились вчетвером: мама, тетя Ира, Наташка и я. Бабушка с дедушкой поживут в комнате у двери направо. Трехкомнатная квартира – это не шутка!

Налево кухня, где хозяйничает домработница Машка. Она глухая от рождения. И слышит только то, что ей говорит тетя Маша. Спит Машка на сундучке, в углу. На кухонном столе две керосинки. На стене полочки с посудой. Под окном шкаф для продуктов. У этой стенки маленький столик и три табуретовки.

А большой обеденный стол вынесли в коридор. Так распределила все сама тетя Маша.

– Судя по лицу, наш приезд ей не очень понравился, – тихонечко сказала вечером Адельсидоровна. – Но она терпит, потому что война... И мы все ж таки – близкие родственники.

– Только по линии Павлуши, – ехидно добавила тетя Ира.

Еще есть ванная комната с колонкой. Если ее натопить дровами, получится горячая вода. Уборная отдельно, рядом с ванной. Печек нет. В каждой комнате железные батареи. Зимой заработает котельная во дворе и будет тепло. Надо же! А у нас в Москве везде печки. И в Сокольниках, и на Никицкой. Вот вам и «захудалая провинция»!

– По нынешним временам просто шикарная квартира, – сказала Адельсидоровна, когда мы вошли сюда первый раз и осмотрелись. – Жалко, что нет телефона.

Как будто у нее в Лосинке есть телефон! А потом, кому звонить, когда мы все теперь живем вместе.

Обедать мы будем на кухне отдельно. В очередь. Так удобнее, решила тетя Маша с самого начала. Для них обед будет готовить Машка-домработница. Она умеет делать щи и котлеты. А у нас готовить будет то бабушка, то мама, то тетя Ира.

Дедушка обед готовить не будет. Он должен гулять и дышать свежим воздухом.

Когда после революции всех «буржуев» стали сажать, дедушка взял билеты на поезд и полгода ездил во Владивосток и обратно. Тогда у него мозги и заболели. Зато дедушку оставили в покое.

За хлебом «в магазин-напротив» бегаю я. И еще я буду учить Наташку ходить ногами по комнате. А то она пока только ползает.

Мебель у нас из театра – реквизитная, что осталась от старых спектаклей. Видите, на каждом стуле даже есть номерок.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

В нашей комнате посреди поставили буфет. Сразу получилось две половинки. На одной мы с мамой, на другой тетя Ира с Наташкой. И еще в нашей комнате есть балкон. Балкон выходит прямо на Советскую. В Москве у нас нет балкона. Ни на Никицкой, ни в Сокольниках.

А балкон очень удобная вещь летом. Когда жарко, можно выйти и подышать свежим воздухом. Тетя Ира и мама уходят на балкон покурить.

Тарелка радио висит в коридоре, и мы будем слушать, как идет война.

– В Чкалове пока еще войны не чувствуется, – говорит дядя Павлуша. – Но приемники пришлось сдать...

Ничего страшного. У нас и в Москве приемника не было.

Мне в Чкалове все понравилось.

Только глухая Машка ворчит ни к селу, ни к городу: – Эх, горе луковое, вакуированный... Понаехали тут черти. Вся жизнь наперекосяк...

Ни фига себе!? Буду я с ней еще чикаться.

И тут же помчался во двор.

ЧУЖАРЬ

Во дворе ребята играют «в войну». Как в Москве. В тени на лавочке сидит мальчик постарше. Все бегают в трусах и в майках. Он сидит в длинных брюках. На голове драная папаха. Через плечо военная сумка. Правда, как все, босиком. Нога на ногу. На столе перед ним лежит карандаш. Он курит папироску и

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

всеми командывает. Вылитый Чапай. Как в кино. Только без усов.

– Откуда, чужарь?

Это он меня спрашивает. Я подхожу.

– Я с третьего этажа.

– Я тя спрашиваю – откуда свакуировали?

– Из Москвы.

– Ага, значит, столичный фрукт. Курить хочешь?

– Не-а...

– Ага, хочется и колется, да мама не велит. Ну и зря.

А воевать будешь?

– Буду.

У меня на голове белая дачная панамка. Война идет уже две недели, а я, видите ли, в панамке! Безобразие полное!

– Эй, Петька! Гони сюда.

Подходит «мальчик с пальчик». Совсем мелюзга.

– Ну-ка, дай ему в лобешник.

Это он мне приказывает. Чувствую щеки раскаляются, как сковородки.

– Драться... не буду.

– Это еще почему? – удивился командир.

– Бабушка маленьких обижать не велела.

– Мировецкая у тебя бабуся, – сплюнул Чапай. –

Тогда борись.

Я запихнул свою панамку в карман, и мы кинулись друг на друга. Боролись по правилам. Как показывал в Москве дядя Сережа. Я его сначала на землю свалил и чуть-чуть не положил на обе лопатки. Но он выскользнул «каким-то Макаром» и сел на меня верхом. Вот тебе и «мелюзга»!

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

– Лады, – сказал командир. – Ты иди, Петька! А мы тут побалакаем чуток. Меня Котиком зовут. А тебя?

Я назвался.

– Мама у меня Нина Георгиевна, а папа Константин Борисович. А захали мы в 22 квартиру, на третьем этаже, к Павлу Борисовичу...

– Ага. Теперь будешь в моем отряде, Москва. Что привез?

Я перечислил все мое богатство: перочинный ножик, стрелы с наконечником, кожаный футбольный мячик и конфеты «мишка». Об альбоме с марками я пока говорить не стал.

– Тащи все в общий котел, – заявил Котик.

Я мигом сбегал и принес.

– Сразу бойцом принять не могу. Испытать надо. Сначала походишь новобранцем.

Я тут же согласился.

– Вечером на Урал пойдем. Скупаемся.

– Я плавать не умею.

– Эх, ты! А еще «Москва»! Не умеешь – научим. Не хочешь – заставим. Не дрейфь, пацан! Победа будет за нами!

– Я не дрейфлю. Только мне со двора уходить пока нельзя.

Котик зыркнул строго и подозвал ребят:

– Слушай сюды, пацаны. Это теперь наш кореш. Звать – Москва.

Пацаны смотрят на меня с интересом.

– Кто тронет – будет иметь дело со мной. Ясно? Принимать будем по всей форме, когда испытание пройдет. Теперь, айда на речку.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

И они с гиком умчались, а я полетел домой. Через две ступеньки! Чувствовал себя на седьмом небе. Шутите? Еще утром я был никому не нужный «фрукт», просто «вакуированный». А теперь за меня Котик и вся его команда.

На стенке хрипела тарелка:

... От советского Информбюро...

В тарелке все время что-то обрывалось и булькало.

... Наши войска оставили...

— Какой замечательный голос! Прямо как у Шаляпина! Это Левитан, да? А читает одни неприятности. Может быть, он не еврей?

Это говорит Адельсидоровна.

Так я узнал, что на радио есть дядя, который читает только то, что ему скажет лично товарищ Сталин. А положение на фронте, непонятно почему, меняется только в худшую сторону. И Левитан тут ни при чем.

Фронт быстро подкрадывался к Москве.

По радио запели песню:

Вставай, страна огромная,

Вставай на смертный бой,

Слова сами запоминались, потому что песня поднимала настроение, даже у мамы.

С фашистской силой темною,

С проклятою ордой...

Лето покатило быстрее паровоза.

Во дворе я перезнакомился со всеми и даже бегал два раза на речку. Тайком от мамы. Потом меня приняли в бойцы. По всей форме.

В подвале горели свечки, и я давал клятву.

— Теперь ешь землю, Москва! — командовал Котик.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Земля была грязная, но я честно прожевал и проглотил целую горсть.

Первого сентября я пошел в третий класс. Моя вторая школа, как нарочно, оказалась против Драмтеатра.

ДРАМТЕАТР

Я давно уже знаю, что есть большая жизнь, а есть – маленькая. Про необыкновенную героическую жизнь можно прочитать в газетах и книгах. Даже в кино показывают!

Про мою жизнь никто писать не будет. Потому что никому моя жизнь неинтересна. Кроме меня, канешно.

Там, в большой жизни, идет война, и каждый день сам собой входит в историю. Наша жизнь ни в какую историю не входит. Ей там просто делать нечего.

Канешно, мне лично хотелось бы попасть в историю. Но пока я для этого еще маленький. А взрослые, может, и могли бы жить в большой жизни, но в Чикалове такой жизни нет, и поэтому мои родственники и знакомые живут «помаленьку», как все самые обыкновенные люди.

А еще я знаю, что есть другая жизнь. В театре. И в театре жизнь в сто раз интереснее.

– Театр – настоящий гадюшник. Все едят друг друга.

Это мне объяснили дома.

Особенно хотят съесть тетю Машу с дядей Павлушей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

Потому что тетя захватила все главные роли, а дядя ставит только спектакли для тети Маши.

Один раз устроили целое собрание, приехал даже бывший директор театра Незнамов – теперь он в Обкоме «большая шишка». Все стали пальчиком показывать на дядю Павлушу с тетей Машей и обсуждать поведение главного режиссера, который не понимает текущего момента и ставит спектакли, не отражающие нашу героическую современность.

Когда собирается вся труппа, землетрясение начинается с самого утра.

Дядя Павлуша занял ванную на целый час, соскабливая свою щетину безопасной бритвой. И все-таки дважды порезался. Пришлось применять «квасцы» для остановки крови и надеть белую рубашку с галстуком.

– Когда мужикам надо скрыть свои грехи на лице, они сваливают все на «квасцы», – сказала тетя Маша и рассмеялась. Все очень нервничали.

Бабушка уже подарила мне старый дедушкин «жилет». Но я еще не знаю, когда мне понадобится бритва.

РЕПЕТИЦИЯ

Вечером, за семейным чаепитием тетя Маша с дядей Павлушей изобразили весь этот спектакль в лицах.

Актеры «хватали» роли, как вермишель на базаре. Кто не занят в спектакле, их могли сократить и лишить «брони». И тогда можно было загреметь прямым ходом на фронт. А на фронт, как я заметил, торопились не все артисты.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Я представляю себе весь этот «цирк» в театре.

– Наполеон, конечно, может быть евреем, но Кутузов!!! Это полный «нонсенс». Кутузова играть может только абсолютно русский человек, без всяких примесей! Это даже царь Александр Первый, человек недалекий и страшный бабник, понял и поэтому поменял Барклая на фельдмаршала Кутузова, – заявил Немчинов.

– Правда, мнение царя не актуально сейчас в советское время, но сам факт исторический! – поддержал Побегалов, который уже играл Петра Первого в пьесе «Шут Балакирев».

Дядя Павлуша согласился. Тем более что тете Маше это никак не угрожало. Она и не собиралась играть одноглазого Кутузова. Ее вполне устраивала Надежда Дурова. Тем более в голубом гусарском мундире с золотыми нашивками, как было непременно заявлено еще до всяких репетиций.

Так роль Кутузова достается Агееву, который живет в нашем доме, но в соседнем подъезде.

– Этот Немчинов – типичный антисемит! – вспыхнула тетя Маша.

– Я встаю и говорю...

– Павлуша говорил блестяще!

– Я говорю, что готов с величайшим удовольствием поставить спектакль о нашей героической современности, но покажите мне такую пьесу! Тут встает Агеев, приличный человек, как мы все считали, и хороший актер, и вдруг заявляет, что я и классику выбираю только для Некрасовой.

– Вот от кого я не ожидала удара в спину, так это от него!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

– Простите, я говорю, но в «Хозяйке гостиницы» целых четыре мужские роли, и разве их играет Некрасова? В зале хохот!

– Тут встает Олегов и заявляет: нам нужны такие пьесы, с которыми мы могли бы поехать на фронт!

– Как будто никто не знает, что он пьет и бьет жену.

– Нет, но вы только послушайте, вот чего я никогда не ожидала, встает Куликовский...

– Как, дядя Миша? – с ужасом говорю я.

– Да! Твой любимый дядя Миша начинает нести такую околесицу, такую околесицу! Но ведь Павлуша для него поставил специально «Алеко Дундича»! Неблагодарная скотина! А Побегалов блестяще играет Петра в «Шуте Балакиреве», но тоже недоволен!

Дядя Павлуша помчался за валерьяновкой и выпил целый стакан.

– А эта, простите за выражение, сучка Мэри из соседнего подъезда! Ей-то, что надо? Весь город знает, чем она занимается, с тех пор как от нее сбежал муж на фронт.

– У нее овчарка немецкая, – уточняю я в разговоре.

– А детям вообще давно пора спать! – вспоминает тетя Маша.

Так я не смог дослушать до конца, как разворачивалось это грандиозное сражение, где наш Павлуша одержал полную победу над врагами.

Засыпая, я сквозь щелочку в двери слышал, что выступил сам Незнамов и сказал, что Некрасову любит весь город, и только она делает сборы.

А насчет репертуара, надо безусловно крепко подумать, потому что текущий момент требует

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

поддержать на сцене нашу героическую современность...

Глухая Машка тоже встряла в разговор и проворчала невпопад:

– Если он станет ихних слушаться, Мария его съесть.

– Прекрати нести чушь, дура, – тут же отрезала Марипаловна.

– Я всегда говорила: театр – это большой гадюшник, – повторила тетя Ира.

ПРЕМЬЕРА

«Незнамов-из-обкома» припер через несколько дней в театр целый чемодан жалоб на главного режиссера и на буфетчика.

Про буфетчика, который разбавляет пиво сырой водой прямо из-под крана, говорили давно. Хотя он был абсолютно не еврей, а, скорей всего, башкир или даже татарин. Пиво в буфете – это был самый больной вопрос для театра во время войны. Писали, что под личиной буфетчика скрывается настоящий «враг народа». С этим трудно было не согласиться. Тут уж «еврей-Кутузов» отошел на второй план.

Тем более что Агеев, который жил с нами в одном доме, но в соседнем подъезде, даже на репетиции прекрасно сдавал Москву на Совете в Филях. И даже плакал по-настоящему после Бородинского сражения. Об этом целый вечер с восторгом рассказывали дома. Таким образом, больной вопрос с репертуаром в театре был решен. Окончательно и бесповоротно.

Буфетчику пригрозили увольнением, но не уволили, потому что только он знал, как получить зимой бочку свежего пива прямо с завода.

За это вся дирекция завода сидела на премьерах в первом ряду. Вместе с расфуфыренными женами. Как отмечали на нашей кухне.

Вечером на спектакли меня, канешно, не пускают. Даже «по благу». Но днем, после школы, я часто сижу на репетициях.

Когда стали готовить «Надежду Дурову», тут уж я расстарался вовсю, чтобы не пропустить ни одной репетиции.

Надо же! Девчонка не испугалась самого Наполеона, переделалась в военный костюм своего брата и пошла воевать на фронт. И это не выдумка, а исторический факт, без дураков.

Мне пьеса жутко понравилась, хотя все артисты почему-то заговорили стихом. На время интриги в театре прекратились. Тем более что играть в войну пошла вся мужская половина труппы. А для тети Маши пошили такой блестящий голубой костюм, что все сразу поняли, какая замечательная фигура у нашей девушки-гусара. И какая она молодая и красивая, несмотря на возраст. А Марипаловне, по моим подсчетам, уже стукнуло не меньше тридцати!

Репетировали днем и ночью. Я был на седьмом небе.

Всю пьесу я вызубрил наизусть и, если бы попросили, мог бы повторить слово в слово и за Кутузова – дядю Агеева, и за дядю Мишу Куликовского. Он тетю Машу на дуэль вызвал, а она вдруг мышь увидела – и в

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

обморок. Кааак шмякнется! Оказывается, Надежда Дурова – самая храбрая девица на войне – мышей боялась, как мой папа.

А на сцене тетя Маша мне даже больше нравится, чем в жизни. Она в «Хозяйке гостиницы» так здорово справляется с этим кавалером Побегаловым!

И в «Парне из нашего города» ее засыпают цветами на каждом спектакле. «Парня» представляет дядя Олегов. У него подбородок с ямочкой и все девчонки в городе от него без ума – утверждали на нашей кухне.

А у тети Маши «шуры-муры» с дядей Мишей Куликовским. Как говорили в театре злые языки.

Но Палборисыч об этом ничего не должен знать, потому что может расстроиться. Он и так очень нервный. Гуляет с Микешкой и все время делает рукой вот так. При этом рот у него съезжает на бок. Это называется «тик». А «тик» у него от революции и оттого, что может потерять «бронь».

Дядя Миша часто приходит к нам репетировать, когда дядя Павлуша в театре. Они запираются в комнате, и тетя Маша говорит, чтобы им не мешали. Я им не мешаю. Потому что дядя Миша обещал взять меня с собой на рыбалку. Репетируют они всегда без слов, молча.

В театре все понарошку. Стены понарошку. Окна понарошку. Жизнь понарошку и смерть – не всамделишная. Вот и хорошо! Ну, кто бы пошел в театр, если бы там убивали по-настоящему!

Я сижу в темном зале часами. Меня никто не видит. А там, на сцене, бегают дядя Павлуша и показывает, как надо играть.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

А потом артисты повторяют одно и то же, одно и то же. Пока дядя Павлуша не скажет:

– Как говорил Станиславский – теперь верю!

Тетя Маша капризничает:

– Палборисыч! Может, хватит на сегодня, я устала.

И репетиция тут же закружается.

А через месяц – премьеры.

С самого утра – дым коромыслом. Все как ужаленные. К тете Маше не подходи, дядю Павлушу – не тронь! Мы – ниже травы. Даже Наташка перестает плакать.

Вечером мы сидим и ждем. К ночи врывается тетя Маша с цветами. У нас появляются гости. Все поздравляют тетю. Дядя Павлуша рассеянно кивает. Гости садятся за большой стол в передней. Откуда-то появляется бутылка шампанского. Кричат, целуются. Как будто и нет никакой войны. Первый тост – за товарища Сталина и нашу победу. Это как пить дать. Мне наливают в бокал капельку, и я пью со всеми, как большой.

Сначала я не мог понять, почему люди воюют. Думал – из интереса. Как мы дети. Только у нас рогатки и деревянные сабли, а у взрослых – пушки, танки, самолеты. У нас убивают понарошку, а у них убивают до смерти.

Мы с ребятами голову сломали. Думали, что с Гитлером делать, когда война кончится и его товарищ Сталин наконец поймают.

Котик предложил – посадить его, окаянного, в стеклянную клетку и возить по всей стране, пока не сдохнет. И чтобы каждый мог подойти и плюнуть в этого Черта. Вот будет здоровски!

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Я себе эту картинку ясно нарисовал. Представляете? Сначала идут барабанщики. Много-много барабанщиков – цельный оркестр. Потом едет по Советской тележка с клеткой. Сама едет – без никакой лошади. По бокам – караул! Сабли наголо! А кругом народ – тьма-тьмущая. Фашист с усиками кричит из клетки: Хайль Гитлер! А народ подбегает и плюет. Харкает прямо в лицо этому гаду... Ну, как вам моя картинка?

Мы во дворе даже тренироваться стали – кто дальше заплонет. Дальше всех у Котика получалось...

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Насчет Гитлера, знаете, это вопрос будущего, а у нас, под боком, есть настоящий враг. Это Секиль.

Он ходит в летчицкой шапке и кожанка на нем летчицкая. У него своя команда, а у нас своя. Во двор он к нам не сунется. Это ясно. А вот на улице?! До перекрестка наша территория, за поворотом до Урала – ихняя. Весь вопрос в том, кто главный на всей улице. Мы считаем – Котик, а они – Секиль. Я даже не знаю, пионер он или нет. Во дворе вообще никто не думает про пионерский отряд. Даже не спрашивают, еврей ты или нет. Какая разница, если ты все равно «вакуированный»? Главное – ты за «форштад» или за «аренду».

Все мальчишки города Чкалова делились четко. Тут можно было погореть ни за что, ни про что, если ошибешься с паролем. Я так однажды здорово влип, когда ко мне первый раз подошел Секиль со своей командой и спросил:

– Ну, пацанчик, ты за кого? За «форштад» или за «аренду»?

А я еще не знал, что надо говорить, и ответил наобум: за «аренду». И тут же схлопотал в ухо. После той трагической ошибки Секиль гонялся за мной целый год. Выручали только быстрые ноги. Я ведь лучше всех бегал в «колдунчики» еще в Сокольниках. А в «колдунчики», знаете, каким надо быть вертким, чтоб тебя не осалили? Раз – сюда, потом раз – туда! Сразу запыхаешься. Интересно, играл товарищ Сталин в «колдунчики», когда был маленький? И спросить не у кого.

– Имей в виду, по уху можно схлопотать в любом возрасте, – так сказал дядя Леня.

Только теперь я понимаю, какой это был умный человек. Хотя тетя Ира всегда считала, что дядя Леня не такой умный, как дядя Митя. Тогда я не понимаю, зачем тетя Ира вышла замуж за дядю Леню, если дядя Митя умнее дяди Лени? Вечно эти взрослые что-нибудь напугают, а мы, дети, должны за них расхлебывать. А жить когда?

Ну так вот. Я решил на всю жизнь уже никогда не торопиться с ответом. Сначала надо крепко подумать. Кто свой, а кто чужой. Где «форштад», а где «аренда».

Да еще этот Секиль все дороги перекрыл. То из магазина выскочит, то прямо из-за угла! У нас в городе шла, будь здоров, какая война!

Может, и у взрослых такая же катавасия? Мы считаем, что главный – товарищ Сталин, а немцы считают, что главный – товарищ Гитлер.

– Все евреи рвутся в начальники. Другим – ходу не дают. Из-за них весь сыр-бор, – авторитетно сплюнул

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

сквозь зубы Котик. – Возьмем за пример: Ихний Иуда подсутился и на Христа нашего настучал. Чтоб на его место сесть. Это уж, как пить дать!

– Когда? – ошеломился я. Делаю вид, что про Иуду слышу первый раз.

– Когда, когда – в позапрошлые года! У нашего командира все сведения из первых рук.

Я повторил дома слова Котика. Но Адельсидоровна возмутилась:

– Тогда, почему-таки народ выбрал на первую роль товарища Ленина, а не товарища Троцкого? Имей в виду, Троцкий был стопроцентный еврей. Это он выиграл революцию в Петрограде.

Бориспалыч добавил, наверно из газеты:

– После Гражданской войны он поставил в Москве памятник Иуде, «как первому борцу за освобождение рабочего класса».

Значит, опять нескладушки – неладушки! Надо бы у взрослых этот вопрос до конца выяснить. С женщинами говорить о серьезных вещах бесполезно. Таисия в школе только раскричится: Не ее это «собачье дело».

Не ее дело... Не ее дело... А чье это, с позволения сказать, дело? Дедушку не спросишь, он будет нервничать. От нервов может быть даже удар в голову. Павлуша закончил два института и самый образованный в нашей семье, но он занят своей новой постановкой с тетей Машей. Когда придет случай, я обязательно выпрошу у дяди Лени насчет евреев, Иуды и товарища Троцкого. Все-таки он сам скакал на коне в Гражданскую войну и должен разбираться в людях.

Дядя Павлуша вечером сказал:

– За что я безумно люблю театр? На сцене самый последний дурак может оказаться великим умником. А самый большой подлец может объявить себя Пророком или даже Верховным Главнокомандующим.

Я не знаю, кого он имел в виду.

По радио передавали плохие новости.

От Ани мы получили первое письмо.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО ОТ АНИ

Письма из Москвы приходили редко. Даже не каждый месяц. Каждый месяц только приходили телеграммы от папы:

«Все в порядке целую Костя». В телеграммах ни запятых, ни точек не пишется. Для экономии. Вот бы в школе так сделали, для экономии!

Но понять из телеграммы ничего нельзя, какой там в Москве порядок. А вот когда приходили письма от бабушки Лизаветниколавны или от Ани – все становилось ясно. Поэтому писем ждали все с нетерпением и на дню по два раза спрашивали.

Приходит мама с работы и первым делом спрашивает:

– Приходили письма?

Как будто письма сами ходят!

Бабушка приходит с базара и тоже спрашивает у меня, а нет ли письма.

Дедушка приходит с прогулки и спрашивает только про последние известия по радио. Про письма он никогда не говорит. Дедушку интересуют только сводки Совинформбюро и газеты. Даже любимый

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Карлмаркс отошел теперь на второй план. Бабушка ему не раз выговаривала, чтобы он бросил читать газеты, потому что от газет портятся глаза. И повышается давление.

И вот, наконец, пришло письмо. Даже целых два.

Бабушка написала коротенькую записочку. Она волнуется, как я учусь. И как я ем. А про себя ничего не написала. Зато Аня расписала все, и мы узнали, какая у нас героическая бабушка.

Мы сидим вечером вокруг коптилки и мама читает в третий раз письмо от Ани:

... Москву стали бомбить сразу, как только вы уехали. Почти каждую ночь. В бомбоубежище никто не ходит.

– Наверное, сидят в темной комнате под сводом. Думают, что свод непробиваемый, – замечает дядя Павлуша.

... Дежури́м в подъезде и на крыше. На днях наша бабушка залезла на чердак и тушила там зажигалки в кадучках с песком.

– Уж как она их тушила, я даже представить себе не могу. Лопаткой или руками? – удивляется мама.

... Елизавета Николаевна сама погасила уже восемь зажигалок. Поэтому наш дом и не загорелся. А вот в большой дом, который выходит на улицу против театра Революции, попала фугасная бомба. Сережа сидел в этот момент на крыше и как закричит: «Упал большой дом.. УПАЛ БОЛЬШОЙ ДОМ!»

– Они хотели, наверное, разбомбить театр Революции, – решил дядя Павлуша.

Про театр Революции постоянно говорят в нашем

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

доме. Потому что там работает актриса Бабанова, которая играет в «Собаке на сене». Но это еще надо посмотреть, кто лучше – тетя Маша или Бабанова?

Во всяком случае, в Революцию немец не попал, как пишет Аня. Вот Вахтангова на Арбате разбомбили.

... А еще упала бомба на Тверской бульвар, прямо в памятник. Тимирязеву оторвало голову, и она улетела на крышу.

– Представляю, что они там переживают сейчас, – захныкала Адельсидоровна.

Но главное, наша бабушка Лизаветниколавна даже в такой исторической обстановке не растерялась, а потушила восемь зажигалок. Просто уму непостижимо!

Вообще, все решили, что с моей бабушкой творится что-то несусветное. Она теперь не ругает товарища Сталина и всю советскую власть. А ругает только Гитлера.

Когда я сплю, ко мне иногда заглядывает Лизаветниколавна.

Потом из Аниного письма я узнаю, что на Москву в ту ночь опять был налет. Попали в консерваторию. Но с «обратной» стороны.

Мама, канешно, ужасно расстроилась. Оказывается, она и училась там, с «обратной» стороны.

ОБЫКНОВЕННАЯ ЖИЗНЬ

В «магазин напротив» гоняю по два раза, почти каждый день. Канешно, когда есть свободное время. Но все без пользы! На полках – хоть шаром покати.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Или, по-нашему говоря, – фиг с маслом. Куда-то подевались даже соль и спички – ума не приложу.

Уже нет ни «Дели», ни «Беломора», а мама с тетей Ирой сами набивают табаком пустые гильзы.

Уже на рынке ничего за деньги не продают, а надо менять продукты на вещи. Только «вещи» очень быстро у всех кончились. Какие могут быть запасы у вакуированных?

Уже в школу приходится ходить в пальто, застегиваться на все пуговицы и заматывать горло шерстяным шарфом. Ужас какой-то!

Немец докатился почти до Москвы – все ж таки проговорилось радио.

А в город все наезжают и наезжают беженцы.

– Самим жрать нечего. А тут эти черти лезут. Дом не резиновый, – ворчат соседи, которые тоже откуда-то приехали, но на месяц раньше.

Тут еще армянцы подвалили скопом. Даже дядя Павлуша возмутился. А тетя Маша прямо сказала:

– Нечего делать армянам в Чкалове. Когда бегут евреи, это более-менее понятно. Гитлер их не любит. Но армяне! Как не стыдно?

Преспокойно могли сидеть на своем Кавказе. В крайнем случае, ехали бы себе в Ташкент, как делают все умные люди...

Дядя Леня сначала привез из Москвы для Наташки кроватку. А потом поехал в Ташкент «прибарахлиться». Оттуда он приволок целый чемодан с круглой резиной. Для рогаток она не годилась.

А вот бабушка Адельсидоровна, несмотря на свой тромбофлебит и благородное воспитание, шла каждое

утро на базар с мотком резинки и выменивала ее на продукты. Однажды я пошел вместе с бабушкой и увидел весь этот цирк. За каждый метр резинки Адельсидоровна торговалась и кричала по страшному:

– Перестаньте сказать! Какая «веровочка»? Вы растянете ее на два километра. Видели где-нибудь такую резинку? Не только трусы, даже кальсоны. Кто дура? Вы сами на себя посмотрите. Не резинка, а просто чудо. Перестаньте сказать! Это делали только до революции. Если захотите, можете повеситься. Что вы опять сказали?.. Сами туда идите. Где вас научали такому хамству!?

Я делаю вид, что это не моя бабушка. Но после базара я стал смотреть на Адельсидоровну уже другими глазами.

Если бы не дядиленина резинка, мы, наверное, просто умерли с голоду.

И тут вдруг, может, потому, что наша Лизаветниковна в Москве сильно молилась, а может, и в Чкалове кто-то умный подсказал – только власти доперли и выдали карточки.

А карточки, это такие бумажки, где все написано, сколько ты должен съесть за целый месяц.

Вот: хлеба – четыреста граммов в день, мясо-продуктов – кило и двести граммов на месяц... Молочных... Масла подсолнечного... Видите? Такая маленькая бумаженция – а дороже денег. Потерять – лучше сразу помереть. Чур меня, чур... Без нее вам ничего не продадут в магазине, даже если очень попросите.

Если хотите, можете посмотреть. Одним глазком. Вот. Только руками не трогать! Во время войны их

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

выдавали всем, даже детям. Кто работал, тому выдавали рабочие карточки. Кто не работал – иждивенские. «Беспрописанным» вообще ничего не выдавали. А начальники получали литерные карточки. Но «литерную» в нашем доме дали только дяде Павлуше.

Наши родственники готовили теперь в своей комнате, и мы не знали, что выдают на литерную карточку. Глухую Машку бесполезно расспрашивать. Иногда они зовут к столу дедушку. Но это редко.

Наша половина жила только на то, что приносила бабушка с рынка. Но с карточками жить стало все таки веселее. Ясное дело – теперь не помрем! Как-нибудь выкрутимся...

Особенно тетю Машу раздражало, когда приезжали артисты из московских театров. Потому что они все только и думали, как отобрать у нашей тети главные роли. Я говорю то, что слышал своими ушами, хотя Марипаловна выговаривала это в своей комнате дяде Павлуше шепотом.

– Артисты привыкли говорить шепотом на сцене, чтобы было слышно даже на галерке.

Так выразилась тетя Ира, которая нашу «примадонну» не очень любила за ее «штучки». Но дядя Павлуша все-таки взял одну московскую актрису Орданскую и одного московского актера с веселой фамилией Вовси.

– Чтобы не осложнять обстановку, – как он объяснил нам вечером на кухне свой героический поступок.

К тому же Вовси был совсем не армянец, а скорей всего – обнакновенный еврей. А евреям помогать во

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

время войны – сам Бог велел. Дядя Павлуша всегда делал смелый шаг, когда рядом не было тети Маши.

Лично мне армянцы во дворе сразу понравились. Особенно Ленка. Лена – это не девочка, а мальчик. Одна тетка во дворе сказала, что у них на Кавказе выдают имена еще до рождения. Может, думали, что выродится девочка, но получился мальчик. А переменить имя никак нельзя. Не на базаре!

Потому что имя армянцы выпрашивают у Бога один раз на всю жизнь. Даже при советской власти.

От имени зависит судьба. А если человек «гибрид», может быть, у него должно быть два имени? И две судьбы? А может, у него вообще никакой судьбы нет? Вот уж, действительно, тихий ужас! «Азохенвей», как говорит Адельсидоровна. Ладно, поживем – увидим. Как сказала бы Лизаветниколавна – на все воля Божья. Но если неправильно тебя обзовут или сам потеряешь свое имя, можно даже окочуриться раньше времени.

Вот какие умные вещи можно узнать у нас во дворе, даже не выходя за ворота!

Канешно, ребята Ленку сначала задирали. Но когда он пошел стыкаться с Котиком и расквасил ему нос, его признали. Сам Котик определил Ленку настоящим пацаном и велел всем с ним дружить. А слово Котика в нашем дворе – закон. Все за одного, и один за всех.

Теперь даже Секиля можно было не бояться. Во дворе я его и не боюсь. На улице-таки страшно.

А немец все пер и пер к Москве. Куда подевалась наша Красная армия? И что себе думает товарищ Сталин? Пусть бы он вызвал стыкаться Гитлера! Один на один. Слабо?

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

По радио одно и то же, одно и то же: ... после ожесточенных боев наши войска оставили... И организованно отошли».

Так ведь не бывает. Все ребята это знают, потому что мы каждый день после школы играем в «казаки-разбойники» или в «чапаева».

– Радио врет, как сивый мерин, – хихикала тетя Ира.

– Не болтайте глупостей. А то всех посадят, – возмутился дедушка.

Иногда к нам во двор приезжает командир со своим адъютантом. Верхом на лошади. Они своих лошадей привязывают к столбу посреди двора и идут домой обедать. Лошади стоят-стоят, потом как заржут и одна вскакивает на другую. Представляете? Просто картинка с выставки! Ребята смеются, как сумасшедшие. А командир пулей вылетает из подъезда с плеткой и улаживает конфликт. Но кто тут «сивый мерин» и почему он врет, как наше радио, я пока понять не могу.

Дни летят быстрее, чем до войны. Я даже не успеваю все запомнить. Хотя моя мама бабушка Лизаветниколавна в Москве строго наказала – запоминать, чтобы потом было что рассказывать потомкам.

Я, правда, еще не знаю, какие у меня будут потомки. Может, им и не пригодятся вовсе мои воспоминания? У них будет свое время и своя война... А вот молюсь я на ночь обязательно. Как учила бабушка: «Господи, Иисусе Христе, помогите нам разбить проклятого Гитлера... И чтоб ему пусто было на том свете».

Слышит Он меня или нет – не знаю. Может, я молюсь слишком тихо под одеялом? Все-таки я «без пяти минут» пионер. И в какой-то степени – еврей.

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ

После обеда я сразу начинаю раскладывать тетрадки, чтобы диктант переписывать.

Арифметика – еще куда ни шло. Ну, складывать или вычитать столбиком. Это пустяшное дело. Раз, два и готово. А диктант! Я иногда по две ошибки в каждом слове делаю.

Вот «Лук с яйцами» – так у нас одну девочку в классе обзывают, потому что она Лукьянова. Так у нее абсолютная грамотность прямо со дня рождения. Откуда такие берутся, даже ума не приложу. Ее мама – тоже жуткая ехидна – утверждает, что ее девочка стала читать раньше, чем научилась ходить. Ну и что? А я, например, люблю, когда мне кто-нибудь читает. Самому читать как-то скучно.

Хотя мама говорит, что Пушкина читать не скучно. Скоро я начну «Дубровского». Только в школе его проходить в третьем классе не собираются.

Так вот, эта Лук-с-яйцами. Возьми книжку с полки и диктуй все подряд – она любое слово нарисует без ошибки. Даже тогда, когда говорится одно, а пишется совсем другое.

Например, все говорят «дарога», а писать надо почему-то «дОрога». Не фига себе! Ну кто это решил? Ему бы руки – ноги повыдергать! За издевательства над детьми... Да еще эвакуированными!

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

А наша Таисия только такие слова и выдумывает для своих диктантов. Делать ей нечего. Просто тихий ужас! Она вон в том доме живет. Тоже на Советской, только напротив. А ведь у нее самой тоже дети есть. Две девчонки. Правда, они пока в школу не ходят, потому что еще не выросли.

Когда диктант пишешь, даже забываешь, что идет война и международная обстановка жутко сложная. Дома надо этот проклятуший диктант переписывать каждый божий день, чтобы без ошибок. Как же без ошибок? Шиш с маслом тебе – без ошибок!

А сливочного масла в Чкалове уже давно нет. Только русское. И то на базаре за сумасшедшие деньги. Так что мы без масла сидим уже с осени. А сейчас бы его намазать на бутерброд! До войны я и понятия не имел, что если сливочное растопить, получается «русское масло».

На нем можно не только жарить, но и прямо так есть. А еще в это русское масло можно какао подмешать. Получится масло шоколадное. Не верите? Пальчики оближешь!

Только где эту какаву взять? Говорят, какавы в Америке – завались. Но сам подумай: где Америка, а где Россия?

Вон она на другом конце, если на карту посмотреть. А вот где ЭС-ЭС-ЭС-ЭР! Бабушка Адельсидоровна до революции всю Европу обколесила, а в Америку так и не попала.

Карту эту дядя Павлуша в кухне повесил. Чтобы все видели, какие дела на фронте. Машке это ни к чему. Она ведь у нас до сих пор неграмотная. Да и карта мел-

кая. На ней кроме Москвы никаких городов нет. Называется – физицкая карта мира. Горы, реки всякие на ней есть. А городов не видно. Ну и ладно. Со временем дядя Павлуша раздобудет еще карту с городами. У него блат в магазине.

Как завезут карту, так он ее тут же притащит. Но пока в городе с картами напряженка. Все хотят ее дома иметь. Чтобы знать, какие города мы сдали уже фашистам, а какие еще нет.

Где теперь линия фронта проходит? По физицкой карте очень трудно определить. И по радио не поймешь. Москва, канешно, наша. Ленинград тоже наш. Про Орел – неизвестно. А в Орле у моего лучшего друга Левки – мама осталась.

Борька из Мариуполя. Герка из Гомеля...

Может, у них на радио тоже с картой напряженка? «От советского Информбюро...»

Слышите? Это наше радио так кряхтит.

Взрослые что-то знают, но нам, детям, не говорят. Лично я ничего не понимаю.

И Таисия толком ничего объяснить не может. Ерундистикой какой-то занимаемся. Идет война народная, а мы диктанты пишем. Географию мы только с пятого класса будем учить.

Интересно, а есть на свете «немецкое масло»? Только подумал, и сразу под ложечкой засосало! Видите, до чего дело дошло!

– На войне, как на войне, – говорит бабушка Адельсидоровна. Только по-французски:

– Алягер-ком-алягер!

– Во, старушка фикстуляет! – смеются во дворе.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Я сам по-французски пока ни бум-бум. Да... если крепко задуматься: война есть война. Это даже Лук-с-яйцами понимает. Хотя ничего не хочет знать, кроме уроков. Октябратские сборы прогуливает! Ну, разве из нее человек получится?

– Антиобщественный элемент! – как говорит мой дедушка Бориспалыч. Он терпеть не может эту девчонку после того, как мы устроили дома цельный спектакль.

Вечером Лук-с-яйцами притащилась к нам со своей мамочкой. Эвакуированные во время войны сразу дружились и ходили постоянно дружка к дружке в гости, чтобы чай пить, заморить червячка и скоротать время. А нам, детям, коротать время скучно. Тем более что электричества опять нет.

Мы зажгли маленькие свечки и решили подшутить над дедушкой, который коротал время у себя в ванной комнате. Повязали на голову платочки, стали на колени перед дверью к дедушке и стали креститься и петь.

– Господи, помилуй, господи, помилуй...

Дедушка выскочил в коридор. Увидел нас на коленках и заорал:

– Фуй! Фуй!

Покраснел, как рак, и захлопнул дверь.

Здорово? А вы думаете, во время войны никто не смеялся? Дедушка верит только Карлумарксу и терпеть не может эти «церковные» штучки. Вот почему так бывает, спрашивается?

Одна бабушка в Бога верит, другая, совсем наоборот, – не верит. Ни та, ни другая и слышать ничего не

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

хотят о Карлемарксе. Хотя у него на школьном портрете такая же борода, как у нашего раввина в Лосинке. Или у бабушкиного друга, священника Введенского. Своими глазами видел, когда мы к нему ездили «поговорить по душам».

Это еще до войны было. А священникова дача на берегу речки, и нас комары загрызли до ужаса. Зато на дорожку нам дали целую связку воблы. Вкуснятина!

С тех пор я очень полюбил этот «деликатес к пиву». Но в Чкалове во время войны воблы даже на базаре не было.

ВТОРОЕ ПИСЬМО ОТ АНИ

Нет, какую штуку отмочил наш дядя Жорж?

Старший брат моей мамы, не сказав никому ни слова, поперся в ополчение защищать советскую власть, когда немцы фактички подошли к Москве. Что удивительно, он ведь и сам на четвертушку немец – фон Россиус, да к тому же сын ссыльного ни за что дедушки, «врага народа», который умер еще до войны, потому что не мог пережить всей этой несправедливости.

У самого дяди Жоржа такой ревматизм, что он лежит дома каждые две недели, а работает на каком-то пластмассовом заводе под Москвой начальником цеха. И мотается туда «к черту на кулички» каждый день, где каждый рабочий имеет «бронь», потому что теперь все перестроились на военный лад.

Канешно, через неделю дядю Жоржа с войны турнули, потому что он не мог ходить далеко. И еще обругали за бессознательность.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Почему одни хотят воевать, их хлебом не корми?
А другие играют в прятки?

Мне, например, воевать жутко хочется. И носить гимнастерку, галифе и хромовые сапоги.

Но пока бабушка Лизаветниколавна в Москве, а я в Чкалове, ничего не получится. Бабушка непременно сшила бы мне гимнастерку и галифе. У нее в сундуке даже голенища припрятаны еще с революции, когда она занималась сапожным делом – ведь тогда тоже кушать было нечего. И бабушка намастырилась шить не только платья и пальто для знакомых, но и сапоги. Они тогда и выжили из-за бабушки. И дядя Жорж. И моя мама. И тетя Галя. И Аня.

Моя бабушка за свою семью пойдет в огонь и в воду. Я понимаю, почему она теперь тушит на крыше зажигалки. Из-за проклятого Гитлера она даже помирилась с товарищем Сталиным, который расстрелял царя-батюшку и сел на его место.

Дома этот факт с дядей Жоржем после письма от Ани обсуждался весь вечер.

Дядя Павлуша сказал, что дядя Жорж, наверное, просто сошел с ума – нельзя же воевать «с распухшими ногами и с некомпенсированным пороком сердца», имея на руках «белый билет»!

Тетя Ира заявила, что понимает дядю Жоржа. Потому что нельзя сидеть сложа руки, когда немец подошел к Москве. Тут даже самый беспартийный большевик пойдет воевать. Дядя Павлуша на тетю Иру обиделся, потому что он единственный в нашей семье был кандидат в партию.

– Вы считаете, что я должен бросить сейчас театр на произвол судьбы и отправиться на фронт? – сказал он с вызовом.

Но тетя Маша тут же прекратила этот ненужный разговор и не стала доводить дело до скандала:

– На фронт тебя сейчас никто не отпустит. Недаром тебе дали «бронь» в первую очередь. Ты должен выполнить свой долг до конца и поставить на зло врагам новый современный спектакль с хорошей женской ролью.

А у себя в комнате, я слышал, как тетя Маша еще добавила шепотом:

– Если ты посмеешь только, только посмеешь! Тебя тут же исключат из партии – и правильно сделают. А я с тобой немедленно разведусь.

– Я и не собираюсь поступать, как этот сумасшедший, можешь быть уверена, что у меня еще есть своя голова на плечах, – успокаивал дядя Павлуша тетю Машу. – Я только не понимаю, почему до сих пор там сидит Костя? Он что, собирается попасть в лапы к немцам?

У Ани хороший почерк. Даже я могу прочитать:

... Сталин поставил Москву на осадное положение.

Город от копоты черный, все жгут бумаги. Чтобы Гитлеру не досталось ни одной нашей тайны...

От этих известий у меня в голове каша.

Мы-то в Чкалове и понятия не имели про шестнадцатого октября. День, как день. Ну, да – на дворе холодина зверская, по Советской ветер гуляет, как сумасшедший. Тут климат такой.

А там, оказывается, слухи ползают и народ драпает.

Кто на поезде, кто пешком.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Бабушка сказала, что никуда она «драпать не будет», потому что у нее полный сундук вещей. И там вся история нашей семьи. Даже первое Ниночкино платье.

Дядя Жорж рассердился. Взял топор и стал крушить бабушкин сундук. Но Аня и тетя Муся на него напали и отобрали топор. Слава Богу, потому что я тоже очень волнуюсь за бабушкин сундук.

А папа позвонил бабушке на Никицкую и сказал, что завтра он уезжает вместе с председателем комитета по делам всех искусств Храпченко в Куйбышев, куда уже утикало наше правительство.

Папа с Храпченкой сидели в Москве до последнего и готовили артистов на фронт, чтобы поднять дух у Красной Армии.

Как он собирается тикать из Москвы, папа не сказал.

... Метро не работает. Даже трамваи не ходят. А по мостовой топают только военные патрули, потому что в Москве полно шпионов и врагов народа, которые грабят магазины. Товарищ Сталин приказал всех паникеров расстреливать на месте. Сам он из Кремля уезжать, по-видимому, не собирается. Потому что если он уедет, город тут же отдадут немцам. А пока он в Москве, они туда и не сунутся...

Еще Аня написала про бабушкин подвиг шестнадцатого октября. Зима была на носу, а папино теплое пальто с обезьяньим воротником лежало на Никицкой в нафталине.

И вот бабушка встала чуть свет и поперла его шубу в Сокольники, пешком через весь город. Это ж надо!

Из-за скандалов с папой они разменяли бабушкину квартиру, и мы переехали жить в Сокольники. А на Ни-

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

кицкую вселилась чужая тетя с мелкой собачонкой, которая беспрерывно тьякала. Но жить с моим папой бабушка не могла никак. Папа, когда разволнуется, бьет подряд всю посуду. Посуда вся старинная, потому что еще до революции дедушка работал на фабрике Кузнецова, с четырнадцати лет. А папа всегда выходил из себя, когда у мамы начиналось плохое настроение. Они-то мирились быстро. Но чайники и чашки из прозрачного кузнецовского фарфора склеить никак нельзя, даже специальным бабушкиным клеем из творога. И чтобы папа не побил весь дедушкин сервиз окончательно, пришлось перебираться в Сокольники. Вот посмотрите, какая чашечка! Это остаток дедушкиного сервиза.

– Просто прелесть, – как говорит Адельсидоровна.

Представляете?! Где Никицкие ворота, а где Сокольники! Туда даже на метро от Охотного ряда ехать целые полчаса.

И вот моя бабушка, по словам Ани, простила все грехи моему папе и приперла ему в Сокольники шубу.

– Чтобы дорогой зять, не дай Бог, не простыл в дороге и не заболел «группозным воспалением легких», от которого во время войны помереть можно в два счета...

Я зажмурился и представил себе, как моя бабушка тащится с тяжелым мешком через всю темную Москву. На небе прожектора ловят вражеские самолеты. По мостовой, отбивая сапоги, шагает патруль. Где-то во дворе воев брошенный пес. За углом прячутся разбойники... А в Кремле горит одно окно. Там работает всю ночь товарищ Сталин.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Картинка нарисовалась жуткая!

Я открыл глаза – мама сидит ни жива, ни мертва у пианино, но даже не открывает крышку.

– Господи, помилуй, господи, помилуй, – шепчу я сам...

– Вот без дураков – истинная христианка! – гаркает дядя Леня, хотя в Бога он ни капельки не верит.

Я заметил, что во время войны все люди как-то меняются. А вот бабусенька ничуть не поменялась. Это говорит о том, что моя бабушка Лизаветниколавна – вправду железная.

А потом мы услышали по радио, что товарищ Сталин устроил на зло фашистам парад на Красной площади.

И скоро началось, наконец, наше наступление.

Я думаю, что Гитлера напугал не только товарищ Сталин, но и моя бабушка. Ведь она всегда молилась в церкви за нашу победу.

Аня написала в другом письме, что бабушка ходит не рядом в Брюсовский переулок, где она меня втихоря покрестила, а ездит на трамвае в Обыденский, к Илье Пророку. Там раньше Храм Христа стоял, но его убрали... «По приказу самого товарища Сталина – к чертовой матери». А скоро там будет Дворец Советов.

И товарищ Ленин – до самого неба, выше облаков. Правда, никакого дворца пока нет, но уже есть большущая яма. Я ведь один раз в щелочку через забор заглядывал. Да, да, меня туда бабушка еще до войны возила. Чтобы я послушал, «как хорошо поют у Обыденного...»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

А у нас в Чкалове, как только товарищ Левитан прочитал «в последний час» о нашем наступлении, был настоящий праздник. Меня даже с кровати подняли и усадили за стол.

Все стали кричать, хлопать в ладоши, пить шампанское. И мне разрешили вместе со всеми пригубить. Бутылку шампанского мы ведь спрятали, как только приехали в эвакуацию. Специально – для Нового года.

А когда наступил настоящий Новый год, все чокались «разбавленным спиртом» и говорили, что теперь война скоро кончится.

Но война почему-то не собиралась заканчиваться.

Вот тут-то и свалился к нам дядя Яша, как снег на голову.

Взрослые всегда говорят «как снег на голову», когда не могут толком объяснить детям, как это на самом деле вышло.

ОТСТАВНОЙ КОЗЫ БАРАБАНЩИК

Потом все скажут, что войну выиграл товарищ Сталин. И еще ему подмогали товарищ Жуков с товарищем Рокоссовским. Вообще, взрослые всегда обманывают, когда хотят. Только дети говорят всю правду. И я вам скажу так: без дяди Яши мы бы не выиграли войну. Никогда! И не потому, что он был настоящий еврей, как сказала моя бабушка Адельсидоровна, которая всегда умела отделять настоящих евреев от ненастоящих.

Дядя Яша победил Гитлера, потому что понял с самого начала: такого мерзавца голыми руками не возь-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

мешь. И написал целую книгу о роли танков в современной войне.

Канешно, об этом еще мало кто знает. Я и сам не сразу догадался. Но теперь, когда я успел вырасти на целую голову, все стало ясно. Как божий день. Не верите?

– Вот те истинный крест! – клялся Котик у нас во дворе и при этом еще отщелкивал зуб ногтем большого пальца правой руки.

Глядите! Раз! Два! После такой клятвы уже сомневаться не приходилось.

Но почему отщелкивать надо пальцем только правой руки? Может быть, можно и левой? Вот о чем я задумываюсь до сих пор.

Итак, все по порядку. Я только что пришел из школы, пообедал на скорую руку и собирался сесть за уроки.

Я всегда стараюсь отодвинуть этот тяжелый момент, потому что делать уроки для меня – нож острый. И особенно, когда еще можно погулять, пока светло на улице. Канешно, можно отложить уроки на самый вечер. Хотя вечером света нет и надо писать под копилкой.

Бабушка считает, что делать уроки вечером, это портить глаза. Канешно, она воспитывалась в самой Варшаве, в благородном пансионе. У них всегда был свет и никакой эвакуации. Бабушка училась еще до Октябрьской революции, но уже после первой Отечественной войны 1812 года. Я точно еще не выяснил, когда именно моя бабушка выродилась, но очень давно. Это точно.

Может быть, моя благородная бабушка вообще любила делать домашние задания. Она все-таки девчонкой была и никогда не играла в расшибалку.

Я даже думаю, что она понятия не имеет, какая замечательная штука эта «расшибалка». Со смеху сдохнешь, когда она рассказывает про свой «крокет».

– Берешь такой молоточек на длинной ножке и через ногу бьешь одним шариком по другому. И надо еще постараться, чтобы другой шарик попал в маленькие ворота из проволоки. Тогда у тебя появляется шанс...

Просто с ума можно сойти – чем занимались в этом «институте благородных девиц»! Правда, полякам тоже теперь не сладко, потому что Варшаву уже давно немцы «скупили». Бабушка не раз принималась плакать на эту тему.

Хотя при чем тут Варшава, когда немец допер до самой Москвы. Именно это сейчас волновало весь двор, даже Котика.

Итак, представьте себе картиночку. Только я полез в портфель за тетрадками, как вдруг входная дверь распаивается и на пороге появляется вот такой высокий дядя Леня, а за ним, почему-то хихикая, шибз-дик с чемоданчиком.

– Имею честь представить, – говорит дядя Леня, обращаясь ко всем, кто выскочил в коридор. – Мой друг Яша, тот самый, который спас мне жизнь на Гражданской войне.

– Теперь он будет с нами некоторое время, потому что жить ему сейчас решительно негде. Пока не изменятся обстоятельства...

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

При этом дядя Леня так весело подмигнул, как будто все знал про «обстоятельства», но выговорить их вслух не мог, потому что вся наша жизнь теперь – сплошная военная тайна.

– Отставной козы барабанщик, – заявил «шибз-дик». И щелкнул каблуками.

Конечно, если бы у меня был тогда фотоаппарат, надо было бы эту сценку из жизни сфотографировать на память, но никаких фотоаппаратов во время войны у нас в доме не было.

И первый раз я начал снимать жизнь, когда дядя Жорж подарил мне немецкий фотоаппарат «Пилот». Но это было когда? Когда уже после Победы дядя Жорж поехал в Германию, отбирать трофеи. А за одно прихватил мне эту «зеркалку» – шесть на шесть.

Аппарат снимал на пленке «агфа», а на объективе была такая светосила, что все просто падали в обморок. Если немцы умели делать такие аппараты еще до войны, спрашивается, почему же мы все ж таки их побили?

Конечно, сначала нам не очень фартило. Это факт общеизвестный. Но зато потом мы все равно взяли Берлин и утащили оттуда все подряд. Некоторые соседи с нашего двора везли часы ведрами, а дядя Жорж приволок целый завод, а мне – настоящий фотоаппарат. Правда, без футляра и без пленки. Но пленку мы с ребятами раздобыли «на Тишинке», когда вернулись в Москву после эвакуации. Но это я как-то далеко забежал вперед. Поехали назад...Назад поехали...

Сначала надо объяснить, как мы этого Немца наголову разбили и какую роль тут сыграл дядя Яша. Хотя

актером он никогда не был, а был настоящий командир. Только без формы.

Кстати, вы можете еще посмотреть на этот фотоаппаратик.

Вот! Шесть на шесть. Светосила на объективе – двойка. Пленка «агфа». Это делали немцы еще до всяких японцев. Но японцы были потом. Совсем «потом» – уже в другой жизни.

Я так тороплюсь все рассказать сразу. Прямо язык чешется. А все рассказать сразу не получается. Теперь, наверно, никто и не помнит про то «ужасное» время.

Для нас, вакуированных, время было совсем не ужасное, а самое здОровское. Например, просыпаться утром, а под подушкой – конфета. Довоенная! Представляете? Откуда взялась – неизвестно.

– Ребенок должен удивляться, – один раз проговорила тетя Ира. – Тогда он будет радоваться жизни, пока не скурвится, как говорит наша дама Анна Андреевна...

Для тети Иры какая-то Анна Ахматова такой же авторитет, как для мамы – Пушкин. Или для меня – Котик с нашего двора.

Хотя, по слухам, эта дама Ахматова теперь загорает в Средней Азии.

А «скурвится», мне объяснили, значит – скучать, как умеют все взрослые.

– Имейте в виду, – заметил дядя Павлуша, – «Курва» – слово вполне литературное, только по-польски. Детям знать необязательно.

Чтобы «окончательно не скурвиться» в Чкалове, тетя Ира читает романы по-французскому.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Но тпру, моя лошадка! Ну, как я смотрюсь на этой старенькой облезлой кляче? Как настоящий Чапай?! Задний ход!..

Вот тут мы пока и постоим в коридоре, на третьем этаже, в квартире номер 22, в доме номер 13 по Советской улице города Чкалова.

В комнате мама только что играла свой «ноктюрн» на пианино, которое привезли из музыкальной школы напрокат...

Я заметил, что мама теперь играет только тогда, когда у нее грустное настроение. Папа вообще никогда не пишет. Может, он уже на фронте загорает? Хорошо бы, канешно! А от бабушки из осадной Москвы письма идут целых два месяца. Хотя трамваи там уже запустили...

Ну, вот я стою здесь, смотрю во все глаза и понимаю, что уроки мои откладываются до вечера. А может быть, их и вообще делать не стоит, раз в нашей семье произошло настоящее событие.

Как только хлопнула дверь, все высыпали в коридор. Мало ли что может случиться во время войны, когда хлопает дверь?

Теперь представьте себе всю эту картинку целиком.

Дедушка выкатился из ванной, где он теперь живет. И на лице у него ничего не написано. Может быть, он понятия не имеет, кого привел дядя Леня? А может быть, он уже привык, что его мнения никто в доме не спрашивает.

Из кухни выглядывает Машка-домработница. В доме ее все называют Машкой, чтобы никто не спутал с тетей Машей, женой дяди Павлуши, примадонной

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

драмтеатра. Машка глухая от рождения, но мне кажется, что она притворяется глухой, потому что, когда ее зовет тетя Маша, она всегда откликается. Вообще она считает хозяйкой только тетю Машу. А на остальных плюет с высокой горы.

У дяди Павлуши такое лицо, как будто бы пришла милиция. Он самый большой знаток в нашей семье. Павлуша получил от советской власти даже два высших образования. Когда других отправляли туда, куда «Макар телят не гонял», или, проще говоря, «ставили к стенке».

– Павлуша очень любит Родину, это видно даже невооруженным глазом на его спектаклях, но воевать ему не надо. Он человек «сугубо мирный», – как рассказывает всем Адельсидорвна.

Сейчас дядя Павлуша волнуется, он делает рукой вот так, и рот у него едет куда-то вбок.

Старые сплетники из другого подъезда говорят: «Энти евреи обожают революции, но терпеть не могут ходить на войну». Слава Богу, они не наши соседи.

Комната наших соседей, которыми нас уплотнили недавно, закрыта на ключ. Я вообще их редко вижу. Они – врачи. И целыми днями пропадают в госпитале. У них веселая фамилия – Срулевичи. Беженцы из Белоруссии.

Бабушка сама долго жила в Минске. Там народила моего папу и двух дядей. Раз, два, три.

Так вот она говорит, что в Белоруссии много Срулевичей, все очень солидные люди. И смеяться над фамилией некультурно.

– Фуй! – в таких случаях кричит дедушка. А я и не смеюсь. Я просто говорю, что Срулевичей в этот

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

момент дома не было. Ну, не было Сру-ле-ви-чей!

Тетя Ира явно обрадовалась, что дядя Леня приволок этого Яшу. Может быть она его знала еще по Москве, потому что сразу сказала:

– Яшенька, а не найдется ли у тебя чего-нибудь подымить?

Этот дядя Яша тут же полез в карманы своих синих галифе и вытащил целую пачку «Беломора». И я первый раз услышал такое слово:

– Извольте, сударыня!

При этом голос у него был низкий. Это даже странно, когда маленький человек говорит таким грубым голосом.

Потом тетя Ира сказала, что у Яшки всегда был «бас». И он мог бы стать дьяконом в церкви, а вместо этого скакал на лошади всю Гражданскую войну. Вместе с ним скакал и дядя Леня, и маршал Тухачевский. Но это выяснилось уже позже, вечером.

Надо еще прибавить, что тети Маши дома не было. Последнее время она часто задерживалась на репетиции со своим Куликовским.

Моя мама отнеслась к появлению дяди Яши спокойно, то есть не поймешь как. Она вообще в последнее время отучилась удивляться.

А Наташка, которую выродила тетя Ира за год до войны, вообще не обратила внимания на это событие, потому что до сих пор писается в кровать.

Скоро все устаканилось. Дяде Яше определили место на столе в коридоре и все отправились к нам в общую комнату обедать чем Бог послал. Дядя Яша достал из своего картонного чемоданчика банку ту-

шенки и фляжку с «чистым спиртом». Большого банкета не получилось, потому что продуктов в доме, как выразилась бабушка, «кот наплакал».

Только вечером, когда я улегся спать на своем диванчике за ширмой и закрыл глаза, делая вид, что сплю, я и узнал, каким чудом произошло пополнение в нашем и без того переполненном теремке.

Оказывается, наш дядя Леня был «парень-не-промах». Отодрал где-то красные бархатные занавески и всю Гражданскую войну сражался в этих бархатных галифе под началом командарма Тухачевского, в отряде, которым командовал как раз дядя Яша.

Дело было в той самой Белоруссии. То «красные» побеждали, то «белые». Дядя Леня, канешно, был за «красных».

«Белые» тогда евреев почему-то не любили. А евреи делали революцию, чтобы всем было одинаково хорошо.

Я представляю себе нашего дядю Леню с шашкой на коне. Вот умора!

Я иногда сажусь на стул и принимаюсь скакать по комнате, размахивая половой щеткой, чтобы всем было ясно, как скакал на лошади мой любимый дядя Леня в Гражданскую войну.

Один раз дядя Леня захватил какое-то местечко и повесил там красный флаг. Народ решил, раз уже советская власть наступила, можно грабить магазины. Получился большой погром.

Тогда дядя Леня, чтобы прекратить это безобразие, приказал отшлепать розгами пять теток на центральной площади. Солдаты с удовольствием выполнили

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

приказ и посреди площади отстегали их по голой попке. Городок ликовал. Погромы кончились сразу.

Но потом кто-то «настучал» новой власти, что дядя Леня обижает простой народ. Тогда быстренько собрали трибунал и решили дядю Леню «шлепнуть».

Вот тут-то и объявился дядя Яша, который ночью каким-то чудом вывел из подвала дядю Леню и отправил его по-тихому в Москву. С тех пор дядя Леня перестал носить красное галифе и заделался инженером на кожаной фабрике у родственника дяди Сидора, которого тоже «поставили к стенке» перед самой войной.

Если бы не дядя Яша, «красного кавалериста», который приказал пороть теток на площади, обязательно бы шлепнули. Это уж, как пить дать. И мы остались бы без дяди Лени. А у тети Ира без дяди Лени не получилась бы Наташка. А мою единственную сестру я очень люблю. Наплевать, что она писается в кровать. Когда-нибудь она еще научится ходить на горшок. Это сказал дядя Яша сразу. Все громко смеялись, как до войны, и пили спирт наполовину с водой за ее здоровье.

Тети Маши за столом не было. Она заперлась в своей комнате. Так она решила выступить против уплотнения жилплощади еще одним жильцом. А дядя Павлуша то и дело подбегал к двери, проверяя, плотно ли она закрыта.

Подслушивать могла только Машка-домработница. Но она была глухая. Не умела ни читать, ни писать, потому что жила до нас всю жизнь в деревне.

А эти стены в доме толстые. И никто из соседей разговор услышать не мог, даже при всем желании.

Совсем не кстати, я неожиданно заснул. Во сне ко мне приходила бабушка Лизаветниколавна и покрестилась.

ПОРУЧЕНЕЦ МАРШАЛА

Не сразу, канешно, даже не в один вечер, но постепенно выкатилась на меня веселенькая история про нашего нового жильца.

Оказывается, когда всех подряд «сажали», дядю Яшу не тронули даже пальчиком. Вполне возможно, что у него были свои «небесные покровители». Во всяком случае, с товарищем Сталиным он был «почти на дружеской ноге» еще в ту войну. Отношения он ни с кем никогда не портил и сам не хотел быть Наполеоном, хотя был маленького роста и носил сапоги на каблуках, чтобы выглядеть немножечко повыше. Я точно не знаю, сколько было сантиметров в самом императоре Наполеоне, но без каблучков дядя Яша получался мальчиком из восьмого класса.

Он был, канешно, длиннее меня на целую голову. Вот такой вот. Или чуть-чуть повыше – вот такой. Но я все ж таки учусь только в третьем классе, а дядя Яша воевал в Империалистическую, потом прошел всю Гражданскую войну и носил в петличке «целый ромб», как сказал дядя Леня. А «целый ромб» – это больше, чем даже четыре «шпалы». Короче говоря, он был важным начальником при маршале Тухачевском, который как раз собирался стать Наполеоном, пока товарищ Сталин не назначил его «врагом народа».

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

У дяди Яши отняли «ромб» и вытурили из армии. Самого маршала «пустили в расход». А зачем он мечтал скинуть товарища Сталина и сам сесть на его место? Канешно, такого баловства ему никто не разрешил. Всем больше нравился товарищ Сталин. Даже нам, детям. На портретах он курил трубку и носил большие усы.

Это Гитлер носил маленькие, как у Чарличаплина!

Но вот за что дядя Яша понравился товарищу Сталину – объяснить никто не мог. Некоторые злые языки даже считали, что это он «настучал на Тухачевского». Дядя Леня сверкал глазами и все сплетни категорицки отметал, потому что одинаково любил и дядю Яшу, и маршала Тухачевского, которого он, между прочим, познакомил со своей любовницей. А та, «не будь дура», заделалась потом женой маршала. Канешно, это случилось еще до того, как дядя Леня поженился на тете Ире.

В нашей семье всегда гордились таким историческим примером. Правда, сейчас, когда «крысы на Лубянке уже съели кишки» нашего дорогого маршала, об историческом факте предпочитали помалкивать.

Теперь дядя Яша во что бы то ни стало хотел отправиться на фронт, чтобы на голову разбить этого проклятого Гитлера. У дорогого товарища Сталина война пока не очень получалась. Я думаю потому, что товарищ Сталин сидел в Москве, а дядя Яша – в Чкалове.

– У Яшки ум стратегический, – сказал дядя Леня, когда дядя Яша на большой географической карте объяснял всем нам, как получилось, что немец подкрался к самой Москве, хотя там оставалась моя бабушка и другие члены нашей большой семьи.

Драпали мы, оказывается, потому, что решили воевать с фашистами на тачанках, как в прошлую войну. А немцы сразу уселись на танки. Вот про что долбил все время дядя Яша, тыкая в карту, которую мы перевесили теперь в нашу комнату.

К великому нашему сожалению, дядю Яшу никак не хотели запустить на войну, хотя в армию уже брали всех подряд, кому исполнилось восемнадцать лет. Оказывается, дяде Яше уже стукнуло целых сорок с хвостиком, и он успел поучиться в самой настоящей военной академии.

Я думаю, что дело было не в возрасте, а потому, что он знал слишком много лишнего. Наша Таисия всегда грозит на уроке пальчиком, чтобы мы ничего «лишнего» не брали в голову, зубрили строго по учебнику и только то, что она задает.

Может, и мог дядя Яша победить Гитлера в два счета? Только товарищ Сталин «академиев не кончал». А ему самому хотелось побить Гитлера. Без всякого маршала Тухачевского и без подсказок от дяди Яши.

Дядя Яша каждый вечер подходит к карте и показывает карандашом, где теперь находится наша доблестная Красная Армия, а где немцы.

— Откуда ты про это все знаешь, если радио не передавало? — допытывался дядя Павлуша.

— Элементарный расчет. Сколько могут пройти километров танки? Если не оказывать сопротивления? Двести километров в сутки.

Но сопротивление им оказывается. Гранаты, бутылки с зажигательной смесью — «коктейль Молотова». Наш солдат с бутылкой — страшное оружие.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

– А пушки противотанковые? У нас есть и пушки, и противотанковые ружья. Не морочь голову. Вчера сообщили, что пять танков уже подбили...

– За каждый подбитый танк КРУП делает в день еще десять штук.

– По-твоему получается, победить Гитлера нельзя? – задает свой провокаторский вопрос дядя Павлуша.

– Не только можно, но и нужно. Для этого я и пишу сейчас книгу. Мы должны делать танков в десять раз больше. А бросать пехоту под танки и дурак может.

– Кого ты имеешь в виду?

– Не задавай глупых вопросов, - сердится дядя Леня.

Все-таки он главный сейчас в семье.

– Иди и делай свою репетицию. А в стратегию не лезь. Не твое это собачье дело. У Яшки абсолютный нюх на такие вещи. Ты же не учишь Ниночку играть на рояле?

Мама никогда не вмешивается в мужской разговор. Когда страсти накаляются чересчур, она просто подходит к раздолбанному пианино и играет своего Шопена или своего Рахманинова.

Дядя Яша смотрит на маму с восторгом и перестает объяснять тяжелое военное положение.

Тут все мирятся и садятся за стол – пить чай без сахара. Потому что сахар полагается только детям. И то по одному кусочку в день.

СТЫДОБИЩА

С некоторых пор тетя Ира стала замечать, что сахар с полки в шкафу убавляется и убавляется. Она это сказала вслух маме, наверно, подозревая меня. Но я в шкаф не лазаю. Нельзя, значит, нельзя. Надо потерпеть. Все для фронта!

И вот один раз вечером я сижу за ширмой, делаю уроки и вижу: мой дедушка Бориспалыч тихонько входит в комнату, открывает шкаф и берет с полки кусок сахара. Он думал, что в комнате никого нет. Я покраснел до ушей, как рак, но никому не сказал. А тетя Ира сама застучала дедушку и устроила грандиозный скандал.

— Как вам не стыдно! Вы культурный человек! Обкрадываете своих внуков! Просто стыдобище!

Дедушка молча спрятался в своей ванной.

Бабушка объяснила тете Ире, что Бориспалыч вовсе не жулик, он это делает бессознательно. А сахар при его болезни — это питание для мозга.

От этой истории у всех испортилось настроение. А в плохом настроении разве можно переписывать диктант?

Адельсидоровна иногда приходит с базара и «несет всякую чушь». Мама ловит ее на слове и выводит на чистую воду:

— Почему вы на каждом шагу привираете?

Бабушка страшно обижается:

— Я же не говорю неправду, я просто... немножко преувеличиваю, — оправдывается она и горько плачет:

— Вай мэ, вай мэ! Зачем я вышла за этого человека...

Мне ее очень жалко!

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Я ведь тоже никогда не вру, а просто преувеличиваю.

БОРИСПАЛЫЧ

Однажды мой дедушка Бориспалыч взял и умер. Непонарошку.

Как только к нам подселили Срулевичей, надо было куда-то девать бабушку с дедушкой. Из ванной выкинули ванну и колонку, которую топили дровами. Все равно зимой никто ее топить не собирался, потому что дров не было. Да и воду давали, когда захочется – только утром и вечером. Так что никакого смысла в ванной не было.

Вместо колонки поставили маленькую железную печку и назвали ее буржуйкой. Притащили из театра еще диванчик, тумбочку. Повесили занавеску. И получилась роскошная комната для дедушки.

– Как отдельный кабинет, – прокомментировала Марипална.

На тумбочку дядя Павлуша раздобыл лампу. Но дедушка уже перестал читать газеты и своего Карла-маркса.

На улицу он тоже больше уже не выходил. Потому что по Советской с октября гулял такой ветер, что сшибал с ног. Было скользко даже в калошах.

На валенки пока никто не перешел. Из-за мокроты. Да и валенки, откровенно говоря, были не у всех. Из Москвы мы свои не захватили – думали, что война до зимы еще кончится. А цены на базаре подскочили до небес и теперь были нам не по карману.

Ходили слухи, что вакуированным будут выдавать валенки по карточкам. Правда, когда – не сказали.

Первый снег выпал и растаял еще в октябре. А потом опять выпал и уже не таял. Так что зима, по всей видимости, как говорили и в школе, и у нас дома, была уже не за горами. Хотя лично я никаких гор в Чкалове не заметил. Пока дворники не намели сугробы аж до второго этажа, а мы построили во дворе настоящую горку с ледяным спуском. Котик катался стоймя, а мы – на попке.

Последнее время дедушка ни с кем не разговаривал. Сидел в своей ванной. Когда мы обедали, бабушка относила ему тарелку в комнату. Чтобы он никому не портил аппетит. Над ним уже никто не смеялся.

Адельсидоровна на него иногда покрикивала, потому что он плохо слышал и перестал за собой следить. Сама она переселилась в нашу комнату за шкаф.

Дядя Леня мотался туда-сюда с резинкой для трусов, чтобы мы не подошли с голода. А мы и не собиралисьдохнуть. Мама ходила по урокам музыки. Я в школу. Тетя Маша с дядей Павлушей торчали в театре. После того, как товарищ Левитан стал сообщать в последний час, что немцев прогоняют от Москвы все дальше, мы ходили в хорошем настроении и думали, что летом война уже точно кончится. Надо было продержаться только зиму. Но дедушка не продержался...

Я был в комнате и делал свои уроки.

И тут бабушка начала барабанить в дверь уборной и кричать:

– Открой сейчас же! Ты слышишь меня? Открой сейчас же!

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Дедушка заперся и не открывал. А задвижка в уборной была крепкая. Машка сбегала за водопроводчиком. Водопроводчик дверь ломать не стал, а заглянул в окошко уборной из дедушкиной комнаты. Тут он разбил стекло, запрыгнул в уборную и открыл дверь. Оказалось, что дедушка лежит на полу уже неживой.

Собрались соседи, прибежал из театра Павлуша, откуда-то появился доктор. Но спасти дедушку он не смог. Потому что, когда человек отправляется на тот свет, его уже обратно не берут.

Бабушка бегала по коридору, вырывала последние волосы и кричала без конца:

– Горе мне, горе... на своем «идише». Соседка сказала, чтобы она перестала плакать, потому что ему уже не поможешь. А надо думать про похороны. Я стоял в пальто на балконе и дрожал от холода. Смотреть на мертвого дедушку мне не хотелось.

На кладбище дедушку отвезли на лошади. Достать машину дядя Павлуша не смог. Мы долго шли за подводой на окраину города. Стегал снег. Даже под шубу пробирался холод. Перед тем, как гроб заколотили и спустили в яму, я все-таки решился и посмотрел ему в лицо. Дедушка лежал спокойно, как во сне. Даже чуть-чуть улыбался. У него лицо сразу помолодело, потому что хоронили без очков и в белой рубашке.

Кто-то сказал вслух:

– На том свете надо выглядеть прилично.

Ни священника, ни раввина звать не стали. Мы ведь даже не знаем, есть они в эвакуации или нет.

Дедушка умер как стопроцентный безбожник. Дядя Павлуша сказал, что и поминки мы устраивать не

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

будем. Он член партии, а в театре только и ждут, чтобы затеять какую-нибудь интригу.

Тетя Маша в похоронах не участвовала, потому что плохо себя чувствовала. Кроме того, у нее вечером спектакль, и она не имела права расстраиваться.

А мне дедушку было все-таки жалко. И бабушку жалко, и маму. Всех нас жалко. И себя тоже. Даже страшно подумать, но мы все когда-нибудь поумираем. Из евреев воскрес только один Христос. Но пока я буду расти, может быть, ученые придумают лекарство, чтобы жить столько, сколько захочется. Медицина все-таки идет вперед. В конце концов, после школы я тоже могу заделаться врачом и что-то придумать для вечной жизни. Ведь недаром в сказках такое уже есть. Но чтобы стать великим волшебником, надо учиться, учиться и учиться, а не гонять «баночку» с ребятами. Вот такими мыслями я себя утешал на кладбище.

В нашей семье дедушка большой роли не играл.

А фамилию Харлип получил от своего прадедушки, который воевал с англичанами и угодил в плен. А в плену на него посмотрели и увидели, что у него толстые губы.

И дали такое прозвище Заячья губа, в переводе на «англицкий» получается «хар – лип». И у папы губы толстые. И у меня, и у всех Харлипов. Можно даже в зеркало не смотреть.

Бабушка его сначала не очень любила и вышла за него просто потому, что велела моя прабабушка. А бабушкина мама была еще ого-го! Молодая и красивая. Она флиртowała то в Париже, то в Берлине. Взрослая доченька мешала ей жить на широкую ногу.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Потом, когда бабушка уже родила дядю Леню, она как-то примирилась с дедушкой. Ей даже в голову не приходило его поменять. До революции это было как-то не принято.

Всю жизнь она растила детей, работала и ухаживала за Бориспальчем. При этом она считала, что дедушка – большой эгоист.

– Если будешь большим эгоистом, как твой дедушка, помани мое слово, никто тебя любить не будет.

Тут она обязательно приводила в пример слова Демона из поэмы Лермонтова: «Я тот, кого никто не любит...»

И заканчивала грустно:

– Надо думать чуть-чуть о других тоже, а не только про своего Карла Маркса.

Один раз тетя Ира сказала:

– Вы, Борис Павлович, наверное, прожили свой век не на той улице.

Но разве дедушка сам виноват? Такая уж получилась жизнь.

Бориспальч родился в Минске, там и поженился. Обеспечивал махоркой «Тройка» всю царскую армию. Потом жил в Москве у нас на Четвертой Сокольнической или в Лосинке на Нагорной, а умер в Чкалове на Советской. И памятник ему не поставили. Только железную табличку с надписью.

А табличка уже к весне куда-то запропастилась. Так что, где лежит в земле дедушка, теперь неизвестно.

Он считал себя круглым неудачником, потому что его предок на войне потерял свою родную фамилию и стал Харлипом.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

Из-за него и я теперь должен так откликаться всю жизнь.

А учительницы в школе никак не могут запомнить, как меня зовут. И называют то Харлов, то Харлевич. Я не обижаюсь. Мне самому не хочется быть Харлипом. Кому охота быть «заячьей губой»? Почему Бог одного делает с правильной фамилией, а другого с неправильной?

Ночью, под одеялом, я все-таки попросил у дедушки прощения, а у моего Господа, чтобы Он не делал из меня неудачника.

Лучше уж быть как бабушка Лизаветниколавна, в крайнем случае, как Адельсидоровна. Все-таки бабушки у меня счастливее дедушек.

В эти дни мне втемяшилась в голову еще одна страшная мысль, которую я пока никому не сказал:

– А что будет, если умрет товарищ Сталин? Вот как дедушка, неожиданно-негаданно?

Нет, – ответил я сам себе, – пока идет война, товарищ Сталин ни за что не умрет. Он будет стоять на посту до победы. Хотя в детстве у него была совсем другая фамилия – Джугашвили!

Об этом у нас в семье говорили только шепотом.

ЧЕРВИ – КОЗЫРИ

Из всех болезней я больше всего люблю ангину. Во-первых, потому что ей можно заболеть, когда захочешь: вспотел, выпил стакан холодной воды, и к вечеру, пожалуйста, – ангина. Во-вторых, не такая уж это тяжелая болезнь. Ну, глотать больно, ну, голова

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

болит. Не смертельно! Канешно, через каждые полчаса надо полоскать горло бабушкиным раствором – на стакан теплой воды две столовые ложки соли и пять капель йода. Гадость жуткая, но помогает. Через день уже можно глотать.

Радио-тарелка то трещит в коридоре, то вырубается.

Я себе лежу и лежу за ширмой. Дядя Леня и дядя Яша режутся в «подкидного дурака», потому что курить нельзя, где лежит больной ребенок. А руки занять чем-то нужно. По-моему, они еще пьют спирт, закусывают соленым огурцом и рассуждают о международном положении. Как всегда. Только откуда они достали спирт? Даже ребенки знают: во время войны «эта штука дороже золота».

Смотрите! Они подхватили маленький столик и перенесли поближе к окну. Вместе с табуретками. Это, наверно, затем, чтобы не мешать мне болеть. А мне скучно просто так лежать за ширмой. Я подвигался, подвигался на подушке. Вот таак! Как говорится по-военному – теперь они у меня в «зоне видимости».

Только сейчас дядя Леня и дядя Яша почему-то стали такими маленькими мальчиками, которые сидят на табуретках и болтают ножками. Хотя говорят своими голосами.

И еще, я точно вижу, между ними ходит кто-то. Так медленно ходит, вразвалочку, ко мне спиной и заглядывает в карты. То к дяде Лене, то к дяде Яше. Я не вижу его лица, и мне становится жутко страшно. Хотя дядька этот ничего не говорит. Я не понимаю, как это в наш дом забрался кто-то Чужой. Дядя Леня и дядя Яша на него – ноль внимания. Как будто его и нет в

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

комнате. Но я же вижу, что он – есть. И в карты подглядывает! Фантастика! А может, это тень по потолку шастает?

– И все-таки, Яшка! Я понять не могу, как Гитлер кинул нашего Башмачника. Неужели не догадывался?

– Ты сейчас рассуждаешь, как бабулька на лавочке. Он знал, знал наверняка, но сделать уже ничего не мог. В этом весь фокус!

– Как это не мог? Ну, хотя бы вывести войска на старую границу! Там у нас подготовленный был укрепрайон. Это я точно знаю. А что сейчас? Немец атаковал практически сонное царство.

– Твой ход. Бери из прикупа. Имей в виду: черви – козыри. Вот ты рассуждаешь, как маленький. Ну, хорошо. Знал за несколько дней. Даже за месяц! И что? Ведь мы готовились к войне не раньше сорок третьего. Теперь представь. Ультиматум и прочая ахинея. Примкнуть штыки и айда на танки? Да началась бы обыкновенная война. Мы это уже проходили. И что? А вот что: обыкновенную войну на этот раз мы проигрывали вчистую, за три недели. Немцы ведь не дураки, они все посчитали. Сколько самолетов, сколько танков... Но они рассчитывали на обыкновенную войну. А Башмачник... Ленька! Башмачник сразу понял, что обыкновенную войну мы не вытянем...

В этот момент Тень замерла. И мне даже показалось, что Чужой одобрительно кивнул головой после слов дяди Яши. И тут я почему-то подумал, что, может быть, это Он сам и ходит по нашей комнате.

Канешно, я понимал, с одной стороны, что у меня ангина и я выглядываю в щелочку через ширму, вижу

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

только спину. Но разве не может Он приехать в Чкалов и зайти к нам на чаек?

Комната поплыла-поплыла вместе со столом, где два больших мальчика резались в «подкидного», а голова сама собой свалилась на подушку.

Голос дяди Яша гремел откуда-то сверху:

– Башмачнику нужна была НЕОБЫКНОВЕННАЯ война. Война ни на жизнь, а на смерть. Война без правил. Чтобы народ взвыл от ярости и сразу простил Башмачнику все его грехи. «Братья! Сестры! Друзья мои»... Для него мы – мразь, лагерная пыль. Глина, из которой он собирался лепить новых человечков. Десять миллионов, двадцать миллионов – пустые цифры. А вот теперь, когда Немец плюнул нам в самую душу, мы опять стали Народом. Пойми, дурья башка, 22 июня 1941 года Башмачник выиграл Свою войну! И теперь обязательно будем пить пиво на Унтерденлинден. А может быть, еще шампанское на Елисейских полях. В прошлом веке наши казачки, кстати, уже бывали в Парижике. Недурная штука это французское шампанское, шансон и красный флаг на Эйфелевой башне! Весь вопрос в том, что надо чуть-чуть подучиться воевать. Вот почему, Ленька, я скорей сдохну, но допишу эту книжицу. У меня все козыри на руках. Можешь не считать.

– Боюсь, что ты преувеличиваешь!

– А ты не бойся, Ленька. Башмачник – зверюга, каких свет не видывал! Он за километр чувствует опасность. А тут, видишь ли, под самым носом не разглядел сотню моторизованных дивизий. Танки грохочут, самолеты воют... Чепуха на постном масле! Чепуха! Сделать вид,

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

что нападение неожиданное, это гениальный ход. Иногда потерять – значит выиграть...

Я лежал ни жив, ни мертв. Пошевелиться боялся, потому что если они обнаружат, что я не сплю, а притворяюсь – тут же прекратят этот разговор. А мне было жутко интересно!

... Необыкновенная война. Теперь он всех заставит на себя работать. И Бога, и Дьявола. Даже тех, кого мучил и гнобил все это время. За выигрыш в войне народ готов заплатить любую цену. И заплатит! Будь спок! Жертвуя собой и собой пожертвовав, наш народ будет только счастлив. Задарма! Понимаешь? И он это знает, вычислил и рассчитал заранее тютелька в тютельку. Вот что такое Башмачник! Он ведь хитер дьявольски. Нет, я даже не так сказал. Дьявол в подметки не годится нашему Башмачнику. Он – гроссмейстер! И просчитал на десять шагов вперед.

У меня в головке все перекрутилось. Я совсем перестал понимать, о чем они...

– Ну, вот откуда ты это знаешь?

– Я Его знаю.

– Никакой логики не вижу.

– А как он расчихвостил в два счета всю эту компашку? Какие говоруны! Какие таланты! Ведь все они Башмачника в грош не ставили. Помнишь? Павлин распустил хвост и раскудаhtался: посредственность, серость, выдающаяся бездарность. А ему раз по башке альпенштоком! И был таков. Разве не так же думал наш любимый Бонапарт? И вот он рассекает сейчас Млечный путь, а Башмачник держит в своих руках за жабры золотую рыбку. Какой-то сухорукий, рябой мужичонка

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

в одночасье схавал великую «железную гвардию», которую двадцать лет ковал другой дорогой товарищ. Ты думаешь, это случайно? Пойми! В истории таких шуток не бывает. Он больше, чем царь. Вождь всяя Руси! И люди верят. С мала до велика на него молятся...

— А мы тебя сейчас козырьком, козырьком!

— Ладно. Отбой! ...Ты думаешь, поднять, развернуть наш народ было легко? После всей этой пугачевщины. А вот он смог. Гениально просто! Всю страну — «шиворот на выворот!» «Старик» по сравнению с ним — жалкий романтик, дите малое и неразумное. Я не исключаю, что он и его кинул, а уж потом положил в Мавзолей. Этот семинарист-недоучка и есть наш русский Великий Инквизитор! Кланяется нам товарищ Достоевский...

Я понимаю, наконец, про Кого дядя Яша рассказывает свою сказку!

В школе у нас — большой портрет товарища Сталина. Какходишь по лестнице — сразу висит.

И о нем все говорят только хорошее. Это он взял штурмом «Зимний Дворец», прогнал кровопийцу «Царя-батюшку», который так надругался над своим народом. И устроил Великую Октябрьскую революцию. Для взрослых он выдумал «партию большевиков», а для ребят — пионерскую организацию. Пионер — всем пример:

— Будь готов!

— Всегда готов!

Таисия на уроках по русскому объяснила, что товарищ Сталин — «вдохновитель и организатор всех наших побед».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

А то, что в начале войны получился небольшой конфуз, виноваты предатели и враги народа, которые исподтишка всегда мешали товарищу Сталину «строить счастливое будущее для трудящихся со всего мира».

Вообще-то, я привык, что в школе говорят одно, а дома – совсем другое. И не надо смешивать. Ни в коем случае! Вот в этой половинке пусть лежит одно, а в этой половинке – другое. И никого не волнует, что голова у ребенка не резиновая и может лопнуть, как арбуз. Вот вам «хиханьки да хаханьки!» А как жить человеку?

Но то, что я теперь слышал от дяди Яши и дяди Лени, – вообще не лезло ни в какие ворота. Я даже готов согласиться, что все это я просто выдумал, потому что болел ангиной.

...Ты думаешь, Он не знает, что мы тут сейчас с тобой в картишки режемся и про него сочиняем «анекдотики»? Башмачник все держит в руке. Его глаза здесь, здесь и здесь. Его уши везде! Он просчитал все заранее. На десять, двадцать лет вперед. Он точно знает, что у тебя на руках туз пик, а у меня валет червей. И мой валет бьет твоего туза, потому что сегодня черви – козыри! Ты никогда не думал, почему я остался жив, ведь всех шлепнули? Нет, я не Иуда. Все это брехня!. Хотя черт его знает, как бы я поступил... Но мне даже не предлагали. На удивление – оставили в покое. Думаю, не без ведома самого Башмачника. Ты полагаешь, Он не знает, что я сижу в Чкалове и не сегодня, так завтра закончу последнюю главку вот этой книжицы? Знает. Знает, что только мне оставил Мар-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

шал все свои расчеты. И он хочет их получить в лучшем виде. На блюдечке с голубой каемочкой. И пока я не закончу книгу, даже волосок с моей головы не упадет. А вот когда закончу...тут и гроша ломаного не дашь за мою душу.

– Так выброси ты ее к чертовой матери. Надо забиться куда-нибудь в щель. Ташкент, Алма-Ата... В этом чудовищном хаосе. Я помогу..

– Чудак ты, Ленька! На букву «м». Я и шагу шагнуть не успею, как меня повяжут. Честное слово, как ребенок! Не мне труса праздновать. И потом эта книжка сейчас – самое важное в моей жизни. Может, только ради этого я и вылупился на свет божий. Она должна спасти тысячи, сотни тысяч солдат. И я обязан добить ее до конца. Добить и... послать Ему.

– Вот так запечатаешь в конверт и отправишь? Москва, Кремль, дорогому Товарищу...Не пори чепухи. Ты можешь написать самую гениальную книгу, но к нему она не попадет никогда. Только чудиком!

– С некоторых пор я – личный порученец товарища маршала, расстрелянного за измену Родине, красный комиссар в отставке, в прошлом подпоручик, между прочим, Георгиевский кавалер – верую в Чудо.

Опять Тень прыгнула под потолок..

– Книга до него дойдет! Как? Черт его знает. Это уже не моя забота! Всевышний побеспокоится. Но через два года максимум, давай сверим часы, произойдет то самое великое танковое сражение, которое я расписал по минутам на этих папиросных листочках. И это будет совсем другая война. Давай выпьем за это,

Ленька, Ленька, брат ты мой дорогой... Мы ведь еще тогда побратались, помнишь? Эх, хороша девка была!

И дядьш сразу вырос в моих глазах до потолка.

Чокаются стаканами и загрызают соленым огурцом. Мне тоже до чертиков хочется огурца, хотя глотать больно. И слова долетают откуда-то издали, как во сне. И мне жутко. И мне хорошо!

— Хотя к этому счастливому моменту, скорей всего, меня уже съедят черви...

Два взрослых мальчика сидели во время войны вон за тем столом и рассуждали про свою дурацкую политику. А между ними шлялся какой-то тип и все время заглядывал в карты.

Так, по крайней мере, мне казалось.

Тут я окончательно вырубился.

Когда очухался, надо мной хлопотала мама и кудахта Аделисидоровна. Ни дяди Лени, ни дяди Яши в комнате не наблюдалось. А столик стоял уже на своем привычном месте, ближе к двери, и за ним сидел дядька в белом халате. Судя по всему, он собирался вкачать мне вот такой укол в попку. Меня лечили от ангины красным стрептоцидом. Теперь в аптеках его не найдешь. Вреднющий оказался.

А спирт, который с таким восторгом выпили дядя Ленья и дядя Яша, предназначался для компресса на мое больное горлышко.

СОН В РУКУ

Во сне я иногда летаю. Очень просто. Руки вот так раскинешь, оттолкнешься и пошел. Сложил руки — опустился. Растопырил — поднялся. Куда хо-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

чешь, туда и летишь. А можно летать, даже не засыпая...

После всех этих разговорчиков дяди Яши мне нужно обязательно слетать к товарищу Сталину. Как? Так. Закрыв глаза и фюють...

Вот моя улица Никицкая. Вот Манеж. А вот и Кремль. Раз – и перелетел через стену. Теперь самое трудное найти, где живет товарищ Сталин. Я ведь у него никогда не был. И спрашивать нельзя – тут же заарестуют.

Подлетаю к одному большому дому и вижу окошко светится на самом верху. Ага, товарищ Сталин не спит – работает. Я, значит, подлетаю к окошку и нырь в его кабинет. А товарищ Сталин как будто знал, что я прилечу. Он мне улыбается через усы и говорит:

– Здравствуй, товарищ ученик третьего класса, садись, в ногах правды нет.

– Здравия желаем, товарищ Верховный Главнокомандующий!

– К пустой голове руки не прикладывают. Чему вас только в школе учат? Надо будет за уши отодрать вашего военрука.

Тут я понимаю, что у меня на голове нет фуражки. Я ведь даже зимой без шапки сплю.

– Виноват, товарищ Сталин. Только наш военрук тут ни при чем. Он нас учит ходить строевым шагом, оттягивая мысок. А еще нам показывает: Нале-ву! Напра-ву! Кру-гом! Шагом... Марш!

И я показываю товарищу Сталину свою военную выправку.

– Молодец! Не будем наказывать вашего военрука. Ну, выкладывай, с чем пожаловал?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

Я смотрю на него и никак не пойму – то ли это сам товарищ Сталин, то ли нет. Уж больно он похож на Царя из сказки «По щучьему велению, по моему хотению». Тут на Советской в кинотеатре «Молот» крутят. Мы всем классом смотрели. Ну, прямо вылитый Царь – на голове корона, в золотом халате, только усы у него, как на портрете товарища Сталина. Я тут Ему и говорю:

– Дело у меня к Вам большой государственной важности. Только это – военная тайна.

– Говори, мальчик, чего уж там, не стесняйся. Тут никто не подслушивает.

Сел Он к столу и даже трубку закурил.

Я и говорю Ему, не откладывая в долгий ящик:

– Живет у нас сейчас дядя Яша. Вы его по Гражданской войне знаете. Написал он книгу про «войну моторов» и как надо Гитлера разбить в два счета. Непременно наголову! Чтобы не чай на Волге гонять, а пиво пить на Унтерденлинден, в самом Берлине. Только эту книгу пока никто читать не хочет.

Тут товарищ Сталин как закричит и кулаком по столу:

– А подать сюда Тяпкина-Ляпкина!

Прямо, как в пьесе Гоголя «Ревизор», которую дядя Павлуша поставил. Там тетя Маша еще жену Городничего играет.

Вот тут я и говорю, несмотря на то, что горло от ангины хрипит:

– Дело не в Тяпкине и даже не в Ляпкине. Пусть его хороший артист Беспалов сейчас в театре играет. Надо, чтобы сам товарищ Сталин эту книжку прочитал.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

– Ладно, – говорит человек с трубкой, – непременно доложу на военном совете Верховному Главнокомандующему. Зови своего дядю Яшу.

У меня от таких слов – рот варюшкой. Как сам товарищ Сталин будет докладывать самому Товарищу Сталину? Чур меня, чур! По щучьему велению по моему хотению...

– А ты не врешь, ученик третьего класса, без пяти минут пионер? – грозно спрашивает товарищ Сталин.

Тут, откуда ни возьмись, появляется моя бабушка Лизаветниколавна.

– Нет, товарищ Сталин. Мой внучок никогда не врет. Он в Бога верует.

– Это правильно. На войне без Бога никак нельзя. И даже трубкой своей пыхнул.

Тут почему-то я вылетаю на Красную площадь. Слева немцы стоят. Прямо-таки – фашисты со свастикой. Справа, перед Храмом Василия Блаженного – Красная Армия. Посреди площади – большущий Крест. И меня к нему тащат два босяка. А голос из Кремля вдруг как зашипит:

– А ну, признавайся, гад! За «Аренду» ты или за «Форштадт»?

Меня схватил прямо-таки жуткий ужас! В ногах сразу тепло-тепло...

И тут я проснулся весь мокрый. Оказывается, я во сне «напрудил». Мама ругалась, потому что я на ночь напился чаю и не сходил по-маленькому. А тетя Ира смеялась, потому что Наташка ее тоже описала. Я уж не знаю, видела она сон или нет. Вообще маленькие таких снов не видят, а писаются почти каждую ночь.

ПРИТЧА ВО ЯЗЫЦЕХ

После смерти дедушки бабушка переехала на его место, в ванную.

Дядя Яша спит прямо на столе, вот здесь в передней. Укрывается он шинелью. Вот эта шинель. Сейчас таких шинелей не бывает. В таких ходили офицеры царской армии. Когда мама стирает его серую гимнастерку, он сидит голый в этой шинели и ждет. Пока гимнастерка высохнет. А гладит он сам. И гимнастерку, и галифе. Вообще он очень стесняется нас затруднять. А чтобы зря не есть чужой хлеб, он еще делает со мной уроки и моет пол во всей квартире.

– Только не дурите ребенку голову.

А дядя Яша «дурит» мне голову про Гражданскую войну. И мне очень нравится, когда он «дурит» мне голову.

Он и маме «дурит» голову про Адама и Еву.

– Притча во языцех! – объявляет дядя Яша свой номер.

Канешно, я понятия не имею, что такое «притча», да еще в каких-то там «языцех». Даже сама Таисия, наверное, не знает про эту штуку.

А я почему-то никак не могу запомнить, что записано в книжке. Но то, что вслух говорят, запоминаю раз и навсегда. Даже когда ни черта не понимаю.

За точность не ручаюсь, но кое-что в памяти держу до сих пор.

Вообще дядя Яша считал, что евреи поступили очень правильно, когда написали свою Библию с самого начала. У других народов ума не хватило. Теперь

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

даже американцы клянутся на Священной книге, когда выбирают себе президента. Библию мне читать пока рано, но некоторые сведения о происхождении человека, он готов сообщить прямо сейчас. Хотя с Библией, дядя Яша признался честно, у него есть небольшие расхождения.

Канешно, дядя Яша рассказывал это все больше для мамочки. И она все поняла, хотя училась в консерватории только играть на рояле и никаких «библиев» не читала.

Я сижу на стуле вот тут, мама кутается в свою «паутинку» на диване, а дядя Яша важно расхаживает по комнате. Электричества уже несколько дней не дают, даже не обещают, и горит одна «коптилка»...

...Сначала не было ничего. Ни тьмы, ни света. И Дух мчался над бездною неизвестно куда. Представляете? Я, например, представить себе не могу.

Потом неизвестно откуда появились саамые малюсенькие частички – электрончики и устроили настоящую бойню, так сказать, революцию. Получился Хаос. Воевали все против всех. Толкались, дрались, душили друг друга, как на вокзале во время эвакуации. Богу эта кутерьма, наконец, надоела. Он надел френч и показал всему свету, как надо наводить порядок. Отделил свет от тьмы, повесил где надо луну, кое-где подсушил океан. И в нескольких местах окружил сушу колючей проволокой. Мол, в наш заповедник посторонним вход запрещен.

Долго ли, коротко ли Он трудился, не покладая рук, на своей Лубянке? Но скоро кругом расцвели райские кущи. Между прочим, так до сих пор называются сады

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

на том свете. И для полноты картины устроил горы и водопады. Красотища – страшное дело! Вы, Ниночка, какие цветы предпочитаете? Незабудки? В поле – целое море незабудок! Но скоро даже Богу стало ясно – в этом раю чего-то не хватает...

– «Беломорчику» явно не хватает! Ну, на худой конец «Дели». Впрочем, самокрутка тоже меня вполне устроит... Если разрешите курить в комнате.

– Курите. Что с вами поделаешь, – с трудом соглашается мама.

Ей тоже интересно, чем дело кончится.

И тут Бог глубоко задумался и решил блеснуть! Пошел на принцип.

Написал на небе лозунг: «Дашь Человека! За одну пятилетку!»

Пошел в кузницу кадров и приступил к делу.

От темна до темна пыхтел в своем Логове, карандаши переломал, может, тысячу штук, подбирал разный матерьялец.

Гранит брал, мрамор пробовал, за песок хватался – ничего не получалось, пока не наткнулся, наконец, на кусок глины. Вылепил из него Царя Природы – по своему образу и подобию. А где было взять другой пример? Чертеж, канешно, делался наспех.

Фантазия! Сплошная импровизация!

Некоторые детали пришлось потом заменять в процессе изготовления. Но так или иначе, первый опытный образец был собран и получил название Адама, то есть первого Человека.

Между тем, Дьявол, который всегда завидовал Богу, хотя и жил на другой квартире, проковырял в стенке

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

пальчиком дырочку и подглядел, что там Бог делает в свободное от основной работы время.

Сначала непонятно было. А потом видит – получилась куклолка. Ни в сказке сказать, ни пером описать! Выругался тогда Дьявол самым неприличным образом и в отместку сотворил в своем аду точную копию. Правда, одна деталь ему так и не удалась. Пришлось пойти на некоторые упрощения.

Получилась...кукла женского рода. Дьявол назвал первую женщину Евой и расхвастался на весь свет своим изобретением.

Как известно, Бог и Дьявол на всемирных олимпиадах конкурировали. И следы этого соперничества очевидны до сих пор. Иначе никак не объяснить извержения вулканов, войны и прочие светопреставления.

Однажды они встретились вот так, лицом к лицу. В это, канешно, трудно поверить, но договорились между собой, скрипя зубами. сравнить публично свои произведения искусства. На какой-то выставке, где-то между небом и землей, Библия умалчивает, где именно, Адам впервые лицезрел Еву, а Ева с любопытством посмотрела на Адама.

Посмотрели и... неожиданно понравились друг другу. Кошмар! Без Божьего благословения и даже без проклятия самого Дьявола – начался первый Роман.

Хотя время было смутное, прямо как сейчас, для любовных дел явно не подходящее. То дождь, как из ведра, круглыми сутками, то солнце палит невыносимо, из месяца в месяц. Потоп, землетрясение. Земля плавает по океану без руля и без ветрил. Как заблуд-

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

ший корабль. Катастрофа за катастрофой. Ничего не попишешь – эпоха сотворения мира!

Адам долго волочился за Евой, и так и эдак подкачывался, сочинял стихи, пел под гитару, уговаривал. В конце концов, в Конце Концов, дама, как свидетельствует Библия, съела яблочко и согласилась.

Тут и началась великая путаница, называемая в простонародье – История. Посыпались детки. Один экземпляр рождался с божественным ликом и черной душой. Другой, наоборот, – кривой и горбатый, а характер ангельский.

Известный пример – Каин с Авелем. Бог рассердился, махнул рукой на все это безобразие и вообще стал считать Человека самой большой ошибкой в своем творчестве. Дьявол, напротив, сразу увлекся экспериментом.

Время шло. Солнце каталось по небу. Звезды вертелись вокруг земли. А люди плодились и размножались, пока не заполнили весь этот земной шарик. Обратите внимание один безусловный фактик: теперь в каждой кровиночке у человека была капелька от Бога и капелька от Черта. Вот вам и закон природы. Этакая гремучая смесь!

И в благородном Рыцаре, как мы знаем, всегда прячется Зверь, и в Мяснике, как ни крути, время от времени проявляется дар Божий...

Да! Я и забыл отметить, что, когда приключилась эта шутка с «яблочком», Бог из рая парочку турнул и объявил свой приговор: «В поте лица будете добывать хлеб свой, рожать в страдании и помирать не во время».

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Дядя Яша рассказывает историю с большим подъемом, как будто сам ее выдумал.

...Однажды, замучившись вконец от трудов и забот, Адам решил свести счеты с жизнью и повеситься на первом же суку. Но тут в его забитой башке мелькнула одна мыслишка: а не попросить ли ему еще раз у Бога аудиенции? Проще говоря, решил встретиться с самим Господом и объяснить свое невозможное положение. В то время добраться до Господа было куда проще, чем сейчас до любого начальника. Никаких лишних инстанций не было. И очередей не было. Хотя в это верится с трудом.

...Подошел он к райским вратам, откуда был изгнан за прямое непослушание и стал вопить: Господи! Прости и помилуй. Виноват, ослушался, готов смертью искупить свою вину. Только разреши мне задать Тебе всего один вопрос.

Господь услышал вопли Адама и вышел к воротам.

— Чего тебе надобно, старче? Разве ты не все теперь знаешь, после того как наелся «от пуза» зеленых яблочек в моем саду? — съязвил Господь.

Но Адаму терять было уже нечего, и он сказал:

— Я все понимаю, мой Господь. Я знаю, зачем мчат свои бурные воды реки и поднимаются до небес снежные горы.

Я понимаю, зачем на земле растут роскошные леса и отливаются цветами радуги бесконечные равнины.

Я радуюсь, что Тебе удалось заполнить землю умным зверьем, океаны заселить вкусной рыбой. У Тебя получился этот мир, кто спорит. Но зачем Ты поспешил вылепить меня, человека?

Я готов сейчас же умереть, потому что так жить нельзя.

Господь насупился, долго молчал и потом, наклонившись к уху Адама, что-то сказал. Первый человек на земле горько усмехнулся и поплелся прочь от ворот рая...

И тут дядя Яша хитро улыбнулся и поставил вопрос ребром:

– Зачем человеку понадобился Бог – более или менее ясно. Но вот зачем Богу потребовался человек? Над этим вопросом бьются лучшие умы уже не одно тысячелетие. И так прикидывают, и эдак. Ни черта не получается!

Если не каприз, не шутка Гения, так сказать, тогда зачем? Что Он собирается сделать с этим куском глины в перспективе? Ведь произведение получилось явно не доброкачественное. Ну, хотя бы по сравнению со всеми другими божьими тварями. Убожество – одним словом! Самый вредный хищник! Он и землю готов сожрать со всеми потрохами!

Вот самая большая тайна природы! Ведь Бог никогда ничего зря не делает. Может и Христос был послан на землю с особым поручением – наставить человека на путь истинный.

Не опоздать бы! До конца света – рукой подать! И все труды, что же, насмарку?..

Тут дядя Яша нахохлился, прошелся по комнате туда-сюда и сообщил свое тайное соображение. Не знаю, для мамы или для меня?

– А что если благодаря этому «инструменту», как говорится, Бог решил себя увековечить? Захотелось

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

победить это проклятое Время, это бездушное Пространство? Сохранить, так сказать, эту дурацкую «ЦИВИЛИЗАЦИЮ» при любом стечении обстоятельств? И продолжить себя, продолжить... в будущих мирах? Ведь один немецкий чудик додумался еще в прошлом веке, будто Бог умер. Раз и навсегда... Вот Гитлер, кстати, ему и поверил. А Бог, между прочим, живехонек! Немцам, да и нам всем придется еще у Него прощения просить...

Дядя Яша как-то странно рассмеялся.

Я, канешно, абсолютно не понимал, о чем идет речь, но старался запомнить слово в слово. Уж как мог. Все-таки стукнуло мне уже десять лет! Скоро одиннадцать. Не маленький!

Мне только не нравилось, как дядя Яша «дурит голову» моей маме, когда они выходят курить на балкон.

Я даже собрался отправить телеграмму папе, если дело дойдет до рукоприкладства: «На сегодняшнюю ночь можешь считать себя свободным».

Только я не знал, где сейчас мой папа шляется и по какому адресу ему писать. Но, может быть, еще обойдется? И дяде Яше просто нравится, как мама играет своего Рахманинова?

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ

Раньше всех встает дядя Яша. Машка еще хрюкает на кухне на своем сундуке, а дядя Яша уже приседает сто раз в носках, чтобы никому не мешать. Потом он складывает свою кровать на столе и наводит свой марафет. Бреется дядя Яша безопасной бритвой над ра-

ковиной по памяти. Так как зеркала над раковиной у нас нет.

Потом он обтирается по пояс холодной водой и причесывается маленькой гребенкой. Волосы у него черные, густые. Я как-то потрогал их рукой. Жесткие, как щетка. И на висках у него появилась «благородная» седина, как сказала тетя Ира. Потом он разогревает свою пшенку на воде, пьет чай без сахара и отправляется в комендатуру. Каждый день. Как заведенный. Комендантом служит его «кореш». С этим Витькой дядя Яша проскакал всю «гражданку». А сколько они вместе «белых» порубали, даже сами не помнят.

К обеду дядя Яша возвращается. По лицу сразу видно, что ничего хорошего опять не вышло.

Дядя Яша мотается по комнате и рассказывает дяде Лене.

– Я ему – Витька, будь человеком,

А он, на меня не глядя:

– Ты Яшка – псих ненормальный.

Я, видите ли, «отставной козы барабанщик», а не комдив.

– Ты у кого служил? У врага народа.

Это он про Маршала.

– Забыл, как сапоги ему чистил! Тебя могли вместе с ним к стенке поставить. И почему не поставили – лично мне не известно.

– Значит, Сам заступился, понимаешь ты, дурья башка?

– Тогда заступился, а теперь, может, и не заступится.

Я ему ору:

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

– Не хлеба прошу. Я на фронт! На фронт, дурья башка!

– Нельзя. Расстрелять тебя можно. А на фронт нельзя. У меня на твой счет твердое предписание.

– Пусти к Командующему!

– Не положено.

– Почему?

– А хрен его знает.

... И предлагает мне, сволочь, «казбечину». Я ему говорю, что у меня даже карточки нет. Если б не родственники – сдох!

– А это, – говорит, – уже не мой вопрос.

Вот сучара! Я ему все припомнил. И как в атаку ходили. И как баб фаловали вместе. Думал раздобрится.

– Иди к свиньям, – говорит. – И чтоб духу твоего больше не было в моем кабинете.

А он меня даже на губу посадить не может! Я ведь штатский, понимаешь? Вот тебе «наш Витенька». Знал бы тогда, что он такой скотиной окажется, ей-богу, расстрелял бы. Собственными руками.

Дядя Леня его успокаивает:

– Напрасно ты на Витьку взъелся. Может, он лучше тебя знает обстановку. И пока ты сидишь тут – ниже травы, тише воды – никто тебя не трогает. А начнешь шуметь – хлопнут. Сам понимаешь – время лихое.

– Ленька! Ты же книжку читал. Это ведь не я выдумал. Мы в академии над теорией танковых сражений всем скопом корпели. Она нужна именно теперь. Как воздух, понимаешь? А то ведь немец до Урала досвистит.

– Ладно, Яшка, не пори горячку.

Дядя Яша бегает из угла в угол.
– Ничего! Война и зайца барабанить учит.

БЕЗ ДУРАКОВ

Когда объявили в конце третьей четверти, у кого нет плохих отметок, будут принимать в пионеры, – я, канешно, расстроился. Потому что за последний диктант схлопотал жирный неуд. Но Таиска все-таки сжалась и в четверти вывела мне по русскому посредственно. А «посредственно» – это все-таки не «плохо».

Мы пошли с мамой в Канцтовары и купили мне красный атласный галстук из сатина (шелковых не было) и железную защипку. Дома я тут же примерился перед зеркалом. Галстук с трудом пролезал в защипку с костром, но всем очень понравился.

Адельсидоровна отгладила его горячим утюгом и тут же обожглась. Пришлось смазывать подсолнечным маслом. Хотя всем известно, что при ожогах лучше всего помогает – пописать на руку.

Мы всю неделю учили дома клятву: «Я, юный пионер, перед лицом своих товарищей, торжественно клянусь...» И бабушка вместе со мной учила, и мама.

А тетя Маша даже показала, как надо поклясться с выражением. Вот так! Дядя Павлуша оценил клятву с точки зрения главного режиссера и сделал одно замечание:

– Лишний пафос надо убрать.

Я спотыкнулся сначала два раза, но потом, в конце концов, выговорил всю клятву без запинки.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

На следующий день в зале мы хором повторяли за старшей пионервожатой:

– Я, юный пионер, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь...

Можно было и не заучивать наизусть!

В конце вожатая, как заорет:

– За дело Ленина-Сталина будьте готовы!

– Всегда готовы! – гаркнули мы в ответ. И я впервые отдал пионерский салют. Вот так. Рука наискосок, локоть повыше и пальцы прижаты.

Теперь я точно знал, что у меня есть «смысл жизни».

А меня еще вдобавок выбрали председателем отряда. Таисия предложила, и все как один подняли руку. Я даже не знаю до сих пор, почему выбрали именно меня. Честное пионерское – не знаю.

Но с этого момента я стал как другой человек. У меня даже голос поменялся на командирский, как тут же заметила тетя Маша. И это хорошо, потому что когда-нибудь я смогу стать главным режиссером. Вот у нашего Павлуши никак не получается командовать. Из-за этого в театре часто разброд и шатание. А актеров всегда надо держать в узде, иначе они «натворят» бог знает что.

После уроков я собрал отряд и объявил, что мы будем теперь изо всех сил помогать Красной Армии бить фашистов.

А наш дядя Павлуша в это же время под влиянием тети Маши заделался Членом Партии. Я не знаю, произносят члены партии клятву, как мы пионеры, или нет. Но Адельсидоровна очень боялась, что Павлуше припомнят дедушку с его махоркой «Тройка» и

в партию не примут. Но про дедушку никто и не вспомнил.

А главный режиссер без партийного билета – это все равно, что мужчина без штанов. Даже во время войны можно вылететь из театра в два счета. Там ведь столько завистников и постоянные интриги. И тогда дядя Павлуша потеряет «бронь» и загремит на фронт. А Драмтеатр останется без репертуара. Потому что Марипална и дня не будет работать, если только уволят Павлушу. Но теперь Павлушу никто не посмеет даже пальцем тронуть.

По случаю праздника из театра принесли целый бидон разбавленного пива, и вся наша семья отметила важное событие за одним столом. Даже глухая Машка на целый вечер перестала ворчать.

Только Левитан по радио пытался испортить всем настроение.

Сейчас вспомнить трудно, какой день был сначала, а какой потом. Это в большой истории есть даты и их лучше запоминать наизусть. А потом еще делать выводы. В моей истории делать выводы не надо.

Наш отряд стал лучшим по сбору «металлома», потому что нам здорово повезло. Зимой в доме лопнули железные батареи. Их оставили лежать на лестнице. Я поднял отряд по тревоге. Мы достали санки и свезли все батареи во двор школы. Получилась гора «металлома», и нам объявили благодарность.

Однажды я безо всякой подсказки отправился в военный госпиталь. Госпиталь был на углу, против Драмтеатра, рядом со сквером, где я подбил из рогатки синичку.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Я ведь думал, что не попаду, просто так стрелял. И тут так испугался, когда птичка завертелась и замерла. Я и сам чуть не умер. Даже подойти боялся. Но потом синичка очнулась и улетела, хотя и без хвоста.

После школы я набрался духа и пошел. Сначала меня не хотели пускать. Хотя я был в пионерской форме – светлый верх, темный низ. В красном галстуке и с двумя нашивками на рукаве. Но в пальто ведь не видно моих нашивок!

На мое счастье мимо проходил дядька в белом халате. Оказалось, что это и есть начальник госпиталя, и, узнав, что я пришел для серьезного дела, он велел меня пропустить.

В кабинете он предложил мне даже сесть в большое кресло перед его столом.

– Слушаю вас, товарищ пионер?

– Наш отряд, товарищ военный доктор, решил взять шефство над вашим госпиталем.

– Любопытно. А что же вы будете здесь делать? Может быть операции?

– Нет, товарищ военный доктор. Операции делать мы пока не будем. Можем помогать ухаживать, чистить картошку и штопать носки. И еще мы подготовим к празднику концерт самодеятельности. В драмтеатре у нас знакомые артисты есть...

Про дядю Павлушу и тетю Машу я решил не говорить. А то он, чего доброго, еще подумает, что я хвастаюсь.

Начальник госпиталя почему-то заулыбался.

– Значит, без дураков. Что ж, идея интересная. Сейчас пригласим сюда нашего командующего, сестру-хозяйку.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

Сестра-хозяйка отнеслась к моему предложению сурово.

– Хулиганничать здесь мы вам не разрешим.

– Ничего, – сказал главный доктор. – Я думаю, что пионеры смогут проявить себя достойным образом. Вас как величают, молодой человек?

Я назвалса по всей форме:

– Председатель совета отряда пионерской дружины школы номер два города Чкалова.

И тут же получаю бумагу, где черным по белому было написано, что податель сего документа имеет права посещать госпиталь в любое дневное время. А с ним вместе еще пять пионеров.

Такого замечательного документа не было ни у кого в городе!

Так началась наша шефская помощь «без дураков».

КОНЦЕРТ

На праздник Красной Армии мы решили собрать деньги и сделать раненым подарок. Денег набралось почти триста рублей. И мы пошли в Канцтовары.

В Канцтоварах стояли на прилавке два черных бюста из гипса. Как раз по нашим средствам. Один большой, с отколупанным белым носом. Это был маршал Клим Ворошилов. С табличкой – удешевлено. Другой – поменьше. «Председатель Президиума Верховного Совета. Всесоюзный староста, – как объяснила девушка. – Михаил Иванович Калинин без изъянов».

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Но Клим Ворошилов был в военной форме, а Калинин в штатском пиджачке. Канешно, лучше было бы подарить Верховного Главнокомандующего. Но бюста Товарища Сталина в магазине Канцтовары не было. Мы выбрали удешевленного товарища Ворошилова, с отколупанным носом. Нос мы закрасили черными чернилами и потащили на санках свой подарок в госпиталь. Раненые страшно обрадовались, и врачи нас похвалили. Еще мы раздали кисеты без табака и печенье по карточкам. А потом устроили концерт.

Тетя Маша учила меня читать «с выражением». Когда я первый раз прочитал стихи в классе с «выражением», все просто умерли со смеху. Даже Борька с Геркой смеялись, как сумасшедшие. Чуть урок не сорвался из-за этого.

А Таиска залепила мне в журнал «отл». Потому что все читают стихи, которые нам задают на дом, без «всякого выражения». Бубнят и бубнят. Особенно мальчишки стесняются. Ну, в классе, канешно, можно и пробубнить. Но ведь надо же выступать на сборах. И в госпитале перед ранеными. Там такой небольшой зальчик есть на втором этаже, даже пианино стоит. И куда мы своего Ворошилова приволокли.

Теперь смотрите! В зале – «полный аншлаг», как говорит тетя Маша про спектакли, в которых сама играет. Народ собрался со всех этажей. Кто мог ходить, сам пришел – хоть с палочкой, хоть и на костылях. Пришлось даже из палат стулья подтаскивать. А еще нянечки привезли на каталках тяжелых.

Я сам взялся вести концерт и, канешно, поздравил всех с великим праздником и пожелал скорой победы над фашистскими гадами.

Мы хором спели «Вставай, страна огромная...» Девчонки танцевали гопак. А уже в конце я стал читать стих, который выучила со мной тетя Маша специально. В школе его не задавали. Даже не знаю, кто его сочинил. Не Пушкин, канешно.

Я читал с «выражением»:

*Руки смуглые, в царатинах.
Непокорно сбит вихор.
На плечах тужурка патина.
Строг и важен разговор:*

*– Да, фугаска – штука страшная.
Зажигалка – ерунда.*

*Я их в ночь позавчерашнюю
Все засытал без труда.*

*Он штук пять у нас их выкинул.
Над подбездом и вот тут.
Мы их с Колькою Чувькиным
Загасили в пять минут.*

*Важно тут одно мгновение
Разгореться ей не дать,
Подхватить за оперение
И песочком закидать.*

*Укротить не трудно пылкую
Зажигалка – ерунда.
Я ее гашу, как милую.
Вот фугаска, это да!*

*Как завоет эта гадина,
Прямо честно признаюсь,
В животе от страха впадина,
Вроде мутит и боюсь.*

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

*Я, канешно, перед Колькою
Даже вида не подам.
Будто, не боюсь нисколько я,
Крикну: Колька, как ты там?
Он ответит, как положено:
Все в порядке, жив боец!
Года на три помоложе он.
Но парнишка-молодец!
Отдежурил с Колькой вместе я,
Больше десяти тревог.
И могу сказать почести:
Он – отважный паренек!
Вы осколки собираете?
Как же! Это ведь металл.
Я кило четыре, знаете,
За один обход собрал.
Вы спешите? До свидания.
Попросите в штабе там:
Выдать для охраны здания
Поскорее каски нам.
Руки смуглые, в царапинах,
Непокорно сбит вихор,
На плечах – тужурка папина,
И отвагой блещет взор!*

Я так распалился, читая это стихотворение! Как будто это я сам с Колькой Чувькиным тушил эти проклятые фашистские зажигалки. И мне все аплодировали. Даже сестра-хозяйка смеялась, как чумовая.

А потом я увидел мальчика без ног. Он лежал на каталке под одеялом. Мы ведь еще раньше с ним познакомились, в палате. Сам он про себя ничего не рассказывал. Лежал и молча смотрел в потолок. А там, где должны быть у человека ноги, лежало пустое одеяло.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

От нянечки мы узнали, что он настоящий белорусский партизан и подорвался на mine, выполняя секретное боевое задание. Ведь просто так орден Красного Знамени не дают! Его гимнастерка с орденом висела на стуле, когда мы пришли в палату.

И еще нянечка сказала, что ему будут делать, наверное, вторую операцию. Он был немного старше нас. Ну, совсем немного. Только глаза у него были совсем как у взрослых.

Нам он очень обрадовался и угощал конфетами. Вся тумбочка у него была завалена «мишками».

Я подумал: вот про кого надо было писать стихотворение, а я бы его прочитал еще лучше. Только теперь на нашем концерте он совсем не смеялся. Отвернулся к стенке и... плакал. Тут же прибежал врач и дал ему лекарство. Почти целый стакан! А мы тихонько собрались и ушли.

На следующий день я принес в госпиталь альбом со своими марками. В конце концов, если Шурка Васин живой, он меня наверняка простит.

Но мальчика без ноги в палате уже не было. Мне сказали, что его перевели в другой госпиталь, а может, и в другой город...

В школе я больше всего люблю военное дело. Наш военрук уже был ранен на фронте, но про войну нам ничего не рассказывает. Он с нами занимается практически.

Во-первых, он научил нас строиться и выполнять команды. Если хорошая погода, занимаемся во дворе. Если плохая – в зале.

– Взвоод! Становись!

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Мы становимся по росту. Первым, канешно, дылда Борька. Я в самом конце.

– В одну шеренгу – стройсь!

– Ровняйсь! Смирно!

Военрук обходит наш строй и делает замечания:

– Грудь вперед! Живот убрать!

– На первый-второй ращитайсь!

– В две шеренги – стройсь! Раз! Два ! Три!

– В одну шеренгу – стройсь! Раз! Два ! Три!

– Шаг вперед, делай раз! Круууууу –гом!

Девчонки в военном деле не участвуют.

А мы учимся ходить строевым шагом, как на параде.

– Выше мысок! Нога прямая!

А еще учимся ползать по-пластунски.

– Опусти задницу! Жмись к земле! Враг не дремлет!

Я стараюсь изо-всех сил. Военрук даже ставит меня в пример. Я поднимаю ноги на уровень носа и тяну мысок выше всех.

– Вольно! Перекур!

Но мы пока некурящие.

Дома я показываю, как надо ползать по-пластунски. Прижимаясь к полу, потому что иначе можно заработать по заднице. Враг не дремлет!

Бабушка ползать отказывается.

«ВОЙНА МОТОРОВ»

Весной сначала тают сугробы. Потом начинается ледоход на Урале. Такого ледохода я еще никогда не видел. Это, я вам скажу, поинтересней, чем в кино.

Когда лед тронулся, мы, мальчишки, канешно, дунули на реку. И никто про уроки и не вспомнил. Красотища! На больших льдинах можно даже покататься, пока они вдоль берега скребут. Но кроме Котика на это жуткое дело никто не пошел. Все-таки Кот у нас самый смелый из всех!

К весне дядя Яша, наконец, дописал свою книгу про танки, и тетя Ира ее напечатала на своем «ундервуде». Печатала она на папиросной бумаге. Другой бумаги нехватало даже для школьных тетрадей.

Мы писали на серой шершавой бумаге пером номер 86, другим было нельзя: диктанты расплывались и разлетались по всей тетрадке большие кляксы. Но все равно у дяди Яши получилась толстая книга. Правда, ее пока никто не читал, потому что нехватало времени.

Я в этот момент, наконец, сам стал читать про Дубровского, хотя в школе его не задавали, и у меня тоже не было свободного времени. Но я думаю, что дядя Яша и не дал бы мне свою книгу почитать.

Не из вредности, а потому что я все ж таки еще плохо разбираюсь в военной стратегии. А современная война – это «война моторов», и про кавалерию надо совсем забыть. Это дядя Яша доказал, как дважды два четыре.

Но военный комиссар послал его к «чертовой матери», хотя и сражался с ним вместе еще в Гражданской войне. И велел не показываться на глаза маршалу Буденному.

Хотя живого Буденного в нашем городе не было, а просто в магазине стоял гипсовый бюст главного ка-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

валериста, пока его не раскупили к празднику. Лично я все-таки убрал из своей коллекции оловянных солдатиков на лошадях, которые привез в эвакуацию из Москвы. Так, на всякий случай.

В нашей семье очень верили дяде Яше. Потому что Совинформбюро только вешало всем лапшу на уши.

Так говорили на кухне, когда думали, что я уже сплю. А на самом деле, я не спал, а сидел в уборной, не зажигая свет.

Серьезные вещи, зарубите себе на носу, узнаешь только через щелочку в уборной. Хотя риск большой: вдруг кто-нибудь после чая захочет по-маленькому? Тут надо ухо держать востро и, как только скрипнет стул, вовремя смыться.

На какие только хитрости приходится идти, пока взрослые считают тебя ребенком!

Дядя Яша по-прежнему ночевал на столе. Вот здесь в коридоре.

Спал не раздеваясь, только сняв свои сапоги на высоких каблуках и укрывшись шинелькой с двумя рядами пуговиц, которую теперь никто не носит. Под голову он клал вещевой мешок. Чтобы сразу, как только придет повестка, вскочить и бежать на фронт.

Но повестка так и не приходила, а дядя Яша сам ходил в военкомат каждое утро, как на работу. Потом он приходил и молчал. Это значит, в «очередный раз» его послали к чертовой матери.

И книжку, которую он всегда таскал с собой в военкомат, опять отказались принять и послать в Москву. Мы с Борькой решили товарищу Сталину сами написать. И даже сели после школы, выдрали ли-

сток из тетрадки в косую, и Борька вывел: «Москва, Кремль, товарищу Сталину от пионеров третьего класса второй школы города Чкалова...»

Борька вообще был в курсе дела и тоже верил в книгу дяди Яши. Соображалка у него не всегда работала, потому что был эвакуирован из какого-то Мариуполя, но за диктанты получал повыше отметки, чем я. И дорогу писал только через букву «о».

Дядя Яша всегда острит. Может, потому что голодный? Ведь карточку ему так и не дали. Он не делит людей на евреев и «неевреев».

– Люди бывают «существительные» и «прилагательные». «Существительные» знают, зачем они родились на свет, а «прилагательные» даже не догадываются. Ясно, что надо стараться изо всех сил стать «Существительным». Еще он делит людей на полезных и бесполезных. Есть даже вредные люди. Но они в нашем доме не живут.

И еще он сказал, что Христос – хороший человек, а Иуда – плохой. Потому что «стукач». «Стукачей» дядя Яша не любит. «Стукачей» любят только «Органы». Дядя Павлуша считает, что в театре больше стукачей, чем где бы то ни было. Я пока не выяснил, как они стучат. По-морскому – азбукой Морзе или молотком в стенку.

Бабушка Адельсидоровна сказала :

– Ходи сюда. Никогда слушай, что говорят взрослые и не задавай лишних вопросов. Детям не надо вмешиваться в политику

Но товарищу Сталину мы так письмо и не написали, потому что вопрос решился самым неожиданным образом.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

РОГАТКА

Рогатка – вещь нужная. Об этом даже спорить нечего. Канешно, и лук далеко бьет. Но с ним морока. Наконечники к стрелам делать. И тетива из веревки слабая. А кроме того, лук в карман не засунешь, а рогатку – пожалыста. Положил в карман, и еще парочку галечек! Все! Вооружен до зубов. Стекло с двадцати метров – вдребезги. А если в лоб закатать – не очухаешься.

Вот она, моя рогаточка! Хотите попробовать?

Лучше всего делать рогатки из красной резины. Она лучше тянется. Ушки кожаные – из язычка старого ботинка. А рогатина – из орешника.

Этим секретом со мной Котик поделился. Он и первую рогатку для меня сделал. Как хороший друг. У Шифрина тоже рогатка классная. Борьку и в школе, и во дворе Дылдой зовут.

Выше меня на целую голову.

Но все равно мне подчиняется. Потому что я начальник отряда. А он только звеньевой.

Вот Котик считает, что все евреи трусы. А как же Борькин папа? У него нога на фронте подстрелена. Теперь с палочкой ходит. И мой папа. Он даже в тюрьме сидел. Теперь только мышей боится. Я тоже мышей боюсь, особенно, если это крысы.

Когда у нас кошка крысу поймала такую вот здоровущую и голову у нее отъела, мама заставила меня ее на помойку нести. В целях воспитания характера. Я вынес. Ничего. Хотя меня стошнило и руки тряслись.

Много я привел примеров. И летчики бывают евреи, и танкисты. Вот Христос был еврей. Пусть даже наполовинку. А не испугался фашистов из древнего

мира. За правду на Крест пошел. Это мне дядя Яша подсказал.

Котик, наконец, сдался:

– Не все евреи одинакие.

Борькин папа ремнем воспитывает. Сам Борька и рассказывал. За дело, говорит, можно и пострадать. А меня пока пальцем никто не трогал. Ну, мама в детстве шлепала понарошку и бабушка Лизаветниколавна один раз за ухо отодрала, когда я рубашку не хотел одевать и нечаянно ее разорвал. А так, обычно, меня только словами воспитывают.

Вообще в нашем классе много евреев. И все хотят воевать. Но на фронт нас пока не пускают. И мы ломаем голову, как в наших условиях помочь Красной Армии победить врага.

Я Борьке рассказал про книгу. И теперь он вместе со мной ломает голову, как помочь фронту и дяде Яше.

Воевать можно и зимой, и летом. Зимой во дворе крепость построили и снежками лупили. Попал, значит, убит. Но летом все-таки лучше – каникулы! Воевать можно с самого утра. Пообедал и опять воюй до вечера. Двор на двор. Или улица на улицу. Штаб в сарае сидит. А мы гоняем по городу. Пистолеты, сабли – сами делаем. Получаются как настоящие. В кармане рогатка, само собой! Это наша артиллерия!

Стреляться лучше всего, канешно, вишнями. Или свеклой. Сразу видно, куда попал! Но обеспечить боеприпасы – самое трудное дело. Летом ведь тоже живем впроголодь. Но ради войны можно и стырить кой-чего. Мы ведь, когда играем, тоже песню поем: «И-дет война народная, священ-ная война...»

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Вот раз сидим мы с Борькой на балконе в засаде. Прячемся за пузатыми колонками. С нашего балкона вся Советская улица – как на ладони. Почти что до Драмтеатра. И вдруг видим, едет большая черная машина. ЗИС! Борька как заорет:

– Вижу немецкий танк. К бою!

Достает рогатку и бац! Я думал он по колесам пульнет. А он по стеклу.

В этот момент машина тормозит. Из нее выскакивают военные. Мы прячемся. Но они стучат и врываются в квартиру. Машка глухая им дверь открыла. Они сразу к нам в комнату.

Мы сидим и делаем вид, что читаем книжку. Они, канешно, нам не верят и кричат:

– Встать, паршивцы! Кто из вас в Командующего стрелял?

Ничего себе фокус! Оказывается Борька в Командующего угодил.

– Сейчас вас на губу посадим!

Тут Борька ни к селу, ни к городу стал ныть:

– Мы в войну играли и немецкий танк подбили...

Я же не стану говорить, что это Борька стрелял. Тут меня как осенило. А может быть, я сразу сон вспомнил.

– А это, правда, машина Командующего? Нам необходимо срочно встретиться с товарищем Командующим.

Через секунду мы уже внизу стоим у машины.

Из машины выходит такой важный командир и пялится на нас.

– Ну, шпана, ремня захотели?

– Никак нет, товарищ Командующий. Разрешите

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГИБРИД

доложить, товарищ Командующий. (Вот что значит проходить в школе военную подготовку!) У нас к вам серьезное государственное дело.

Если бы не кино и если бы не «сон», я бы сам не допер.

Командующий уставился на меня, как баран на новые ворота.

– Ну, шкет, говори, какое у тебя ко мне «государственное» дело?

Борька стоит, как воды в рот набрал. Может, и обкакался от страха. А я – прямо на рожон:

– У нас в доме живет один дядя. Бывший военный...

– Бывших военных не бывает.

– У него целый ромб в петлице раньше был. А теперь его на фронт не пускают.

– Старый, что ли?

– Нет, совсем не старый. Он книгу написал, как Гитлера наголову разбить в два счета. А к Вам его не пускают...

– Не врешь, парнишка?

Вдруг заласкался Командующий.

Ну, прямо вылитый товарищ Сталин, и тоже с усами.

– Ладно, – говорит, – дам тебе записку. Пусть твой дядька завтра ко мне явится.

Достает из левого кармана ручку-самописку. Тут ему командир, который нас сюда притащил, достает блокнот, подставляет кожаную сумку, и Командующий пишет ясно вот такими буквами:

ПРОПУСТИТЬ! Расписывается на бумажке и ставит число.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

– А все бы лучше этих сорванцов на губу посадить, – ворчит адъютант.

Но я вижу по его лицу, что и он теперь улыбается.

Вечером я отдаю эту бумагу дяде Яше и рассказываю историю.

Бабушка чуть в обморок не попадала. Мама бледная, как простынка. А дядя Яша! Хохочет, как сумасшедший.

Вот такая сказочная история была со мной во время войны!

На следующий день дядя Яша прошел к самому Командующему по моей бумажке.

А еще через некоторое время дядя Яша отправился в Москву.

На вокзал его провожал дядя Леня, мама и я.

– Ну, ни пуха тебе, ни пера, – говорит дядя Леня.

– К черту! К черту! – басит дядя Яша

Я никогда не думал, что человек может вдруг так помолодеть за несколько дней. Он все время смеялся. А с подножки поезда долго махал рукой и кричал:

– Не поминайте лихом! Не поминайте...

Мама отвернулась. Я знаю, что она не хочет, чтобы все видели, как она расстраивается. Моя мама ведь самый скрытный человек в нашей семье.

Мы с дядей Леней машем руками, пока поезд не скрывается за поворотом.

Через несколько месяцев пришло короткое письмо, где дядя Яша писал, что получил майора и скоро поедет на фронт убивать Гитлера. Про книжку он ничего не писал. Понятное дело! Кругом шпионы! Разве можно писать про такую книгу по почте?!

Потом... уже на другой год мы узнали совершенно случайно, что наш дядя Яша умер в госпитале от дизентерии.

ОГЛЯДЫВАЯСЬ ВПЕРЕД

Разве на войне умирают от дизентерии? Дядя Леня сомневался. Я тоже сомневаюсь. А куда делась его книга «Война моторов», я так и не знаю до сих пор.

От поручика царской армии, участника Первой мировой войны и Георгиевского кавалера, лихого кавалериста, который сражался за красных под командованием самого маршала Тухачевского, от милого дяди Яши, влюбленного в мою мамочку, который обещался в этой войне разбить Гитлера в два счета, жил у нас в доме по Советской улице и спал на столе в коридоре, укрываясь старой шинелью, пока не закончил свою книгу про танковые сражения, – не осталось ни одной фотокарточки.

Во время войны никто в Чкалове не фотографировался на память. А довоенные «фотки», может, и пылятся сейчас в каком-нибудь военном архиве, так ведь за семью печатями.

Но я хочу, чтобы все запомнили нашего дядю Яшу.

В сапогах на высоких каблуках...

В серой гимнастерке...

В синих галифе...

Крепкого и веселого.

Все-таки он был человек ... СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЙ.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ – ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Нынешнее телевидение может всё. В один день сменить правительство, в два дня – целый народ. В одночасье построить капитализм на отдельно взятом этаже своего офиса. Или перейти к первобытнообщинному строю прямо в эфире.

Самое время спросить: «Како веруешь?»

История теперь буквально тащится за телекамерой.

А в телевизионной проходной гуськом стоят политики, артисты, литераторы, художники, ученые и даже священники.

Почему же у этого могучего телевидения почти нет ни знаменитых спектаклей, ни заметных картин? И вообще, так трудно вспомнить сегодня, что было вчера по телевизору. Если, конечно, какой-нибудь гость телеэфира не сотворит очередного скандала с битьем посуды прямо на глазах изумленного зрителя.

Тем временем само телевидение перестало быть простой служанкой в сфере средств массовой информации. Невоспитанная муза уже объявила себя

«столбовой дворянкой» и готова на днях стать владычицей морскою, чтобы «рыбка золотая» была у нее на посылках.

Во всяком случае, телевидение не просто создает виртуальный мир, который занимает умы все больше по отношению к реальной жизни. Оно становится для большинства населения новой средой обитания и не только формирует общественное мнение, но даже вмешивается в генетику или, лучше сказать, меняет менталитет народа. А учитывая безответственность и безрассудство нашей элиты, она может невзначай так крутануть эту ручку, что все мы окажемся в глухом овраге, из которого и на карачках-то не выбраться.

Влияние телевидения на жизнь общества не идет ни в какое сравнение ни с театром, ни с кинематографом. Его можно сопоставить разве что с церковью. Но за мудрой церковью не только великое нравственное учение, но и тысячелетнее богословие, умы и таланты художника, архитектора, поэта и музыканта. У церкви – Монастырь и Духовная Академия.

А у телевидения – самодельное ТЭФИ и маленький институт повышения квалификации. Три притопа, два прихлопа, вот и вся эстетика с этикой.

При чем тут Будда, при чем Конфуций? Никакой философии. Помянули все Магомета и помчались дальше. Порой кажется, что какая-то программа зацепилась за край христианской цивилизации, но тут же рекламная колотушка возвращает ее на вонючий базар. Кувыркается Петрушка в эфире, а вместе с ним и народ ходуном ходит, без понятия, где верх, а где низ, где голова, а где ноги.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Телевидение не осознает, а потому и не выполняет своей главной роли. Оно не объединяет людей в единую этическую систему. В средстве массовой коммуникации – разорванные провода. Никакие продюсеры починить такую систему не могут.

Допустим, информационное телевидение сделало бросок вперед, но художественное вещание – документальное и игровое – откатилось лет на двадцать.

Может, так и надо?

Может, телевидение и есть видеогазета, радио с картинкой, электронное средство информации? И нечего ему равняться на искусство!

Неоспоримы достижения телевизионного кино и телевизионного театра советского периода. Это был настоящий художественный взлет, плоды которого еще долго будут отсвечивать на экране.

Телевидение тогда создавало не только политический капитал власти, но и нравственный капитал общества. Несмотря на самое грубое цензурное давление.

В литературе и кинематографе была фронда, в театре и живописи свои диссиденты, по ночам все зачитывались самиздатом, однако на телевидении даже фигу в кармане держать было нельзя. У входа в студию всегда торчал «человек с ружьем». А всесильный Мамедов понукал телевизионщиков: «Наша задача в том, чтобы народ имел как можно меньше информации».

На закате советская власть становилась сентиментальной. Телевидение этим пользовалось. Лирика господствовала. Журналистика жила в прислугах. Энергия уходила в чувства.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ - ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ

Но благодаря внутреннему настрою делателей тогдашнего вещания, их тщательно скрываемому сочувствию «пражской весне» в московском эфире строился «социализм с человеческим лицом».

Народ выглядел на экране умным, приветливым и добрым. Проявили себя здесь «шестидесятники». Художники телевидения и телезрители молчаливо вступили в сговор.

Конечно, прекраснодушие раздражало. И тем, и другим временами хотелось «горькой» правды. И поэт, сравнивший Останкинскую башню со шприцем для идеологических инъекций, был отчасти прав.

Хотя и стыдно признаться, памятуя советские времена, но России сейчас, пожалуй, больше нужна НЕ-СВОБОДА.

Крепость морали, строгость традиций, святость предрассудков.

Человек рождается без стыда и совести. С лицом ангела, а по природе – зверь. Даже по Библии он начал свою историю с того, что обманул самого Господа.

Сколько же надо было построить церквей и театров, сколько книг напечатать и снять фильмов, чтобы из такой бестии вырос порядочный человек.

Революция всегда освобождала, а Культура обязывала. Чем выше развитие, тем меньше «вольности». В конце концов, когда рождалась Вселенная, частицы материи тоже теряли свободу.

В девяносто первом выпустили «хищника» из клетки.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

И только наивный идеалист предполагал, что все получится «по щучьему велению».

Не получилось. И не могло получиться.

Россия не одолела капитализм в начале двадцатого века. После того как провела семьдесят лет в застенках ГУЛАГА, разве могла она взобраться с ходу на такую гору, куда другие нации карабкались веками.

Но не с нашим характером!

Теперь, чтобы выбраться, мало политических декретов, мало экономических бросков. Чтобы выйти на Свет Божий, нужен всенародный Подвиг. Единение всех духовных и человеческих сил. Самопожертвование.

Ни лавочник, ни чиновник с этой задачей не справятся. Вот почему кроме маски равнодушного информатора и разухабистого «шоумена» телевидению надо взять на службу Пастыря.

Политиканов и дельцов не интересует качество вещания, потому что не волнует качество народа. Информировать и развлекать можно и без затраты душевных сил.

А вот творить равнодушно нельзя.

Конечно, бывают периоды, и мы их только что пережили, когда меняется весь гардероб мышления.

Общество нуждается в разоблачении. Но это короткий миг в истории.

Теперь пришла пора осознать, что деятель телевидения – это прежде всего служитель Культуры, а не член общества «Долой стыд!».

Новому телевидению не хватает мудрости. И в кадре, и за кадром.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ - ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ

Набрав политический капитал на разоблачениях, оно, естественно, забыло о своем другом предназначении – защищать духовное пространство.

К сожалению, наиболее талантливые телевизионщики сейчас страдают мазохизмом. «Плохая» экономика, «плохая» политика, «плохая» власть и «плохой» народ. Почти в каждой передаче разглагольствует эдакий маленький Чаадаев.

«Исторический опыт для нас не существует. Поколения и века протекали без пользы для нас. Глядя на нас, можно было бы сказать, что общий закон человечества отменён по отношению к нам. Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его, мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, и все, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили. Ни одна полезная мысль не родилась на бесплодной почве нашей родины. И, в общем, мы жили и продолжаем жить лишь для того, чтобы послужить каким-то важным уроком для отдаленных поколений...

Ныне же мы составляем пробел в нравственном миропорядке». И т. д. (Философические письма)

Ну, разве это не цитата из нашей самой «продвинутой» передачи «Культурная революция»?

На энергии негативного отношения к собственной истории и народу рождаются «talанты и поклонники». На идеологии внутренних эмигрантов процветают целые каналы.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

С одной стороны, эфир отравлен антисоветизмом, и всякий обозреватель, оправдываясь перед диссидентами, спешит пнуть «недавнее прошлое».

С другой стороны, на экране «старые ленты», где каждый кадр борется за коммунизм. Вот и мечется телезритель то слева направо, то справа налево. Голова кругом.

И когда новый Калита возьмется собирать Россию, ему придется задуматься над отечественным телевидением.

В советскую эпоху мы жили внутри себя. Теперь живем наружу.

Вроде бы и церковь восстановили. А души – нет. Без души, конечно, проще. Если же народ совсем озвевает, можно все списать на «происки буржуазии».

А телевидение опять ни причем!

«Демократическое» телевидение оказалось самым недемократичным. Жизнь простого человека ему не интересна. Кокетничать с эстрадниками, конечно, проще. В эфире уже выросли свои Нарциссы, а Народ со сцены ушел на галерку. Там и голосует.

На всех каналах маячат попрыгунчики. Фигаро здесь, Фигаро там... А недостаток фантазии компенсируется чудо-техникой. Сплошной дизайн вместо живописи.

У «безбашенного» вещания – «безбашенный» зритель.

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ телевидение нельзя организовать вдруг, по приказу сверху. Необходимо сложное и упорное движение. Необходимо, чтобы люди прониклись национальной идеей.

На «едином информационном пространстве» народ превращается в население. И тогда не в умах политических шизофреников, а в обиженном и оскорбленном сознании обывателя начинают бродить фашизоидные идеи.

Американская нация кристаллизовалась Голливудом. Россия могла бы подняться телевидением. Если бы подлинная интеллигенция перестала относиться к нему как к вульгарному промыслу. А литература, театр и кино вернулись бы в плоть вещания.

Но для этого надо изменить саму формулу телевидения.

Не только информировать и развлекать – оно должно стать народо-образующей силой.

Многие корреспонденты (и даже целые каналы) давно ушли гулять в «чисто поле». Потому-то телевидение и плодит такое количество «внутренних эмигрантов», для которых не только власть чужая, но и народ чужой.

Вернуться к корневой базе русской культуры, вычеркнув весь советский период развития, не удастся. И нелепо уповать, что путем простого перевода западной модели развития на русскую почву можно получить настоящую Россию.

Документальное искусство не может быть безнационально, как и всякое подлинное искусство. Это особенно важно понимать, когда в конкретной исторической ситуации России появилась вздорная идея переделать «советского» человека в средневропейскую особь. Если в советские времена нас мучили интернационализмом, уравнивая большевистским катком все

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

народы под предлогом пролетарской солидарности, то сейчас то же самое проделывают «демократы» под предлогом буржуазной интеграции. Не берусь судить в общеполитическом плане, но в области близкого мне искусства позиция маргиналов наносит ему явный ущерб. Нельзя создать полноценную личность без чувства национального достоинства.

Равно как нельзя создать художественный спектакль в любом жанре без опоры на национальную корневую систему. Общечеловеческая мораль только тогда устойчива, когда она опирается на родовую, даже племенную особенность. Так в религии, так и в искусстве. Пусть наука и техника не знают границ. Пусть происходит экономическая интеграция. Но безвизовый обмен туристами вовсе не означает безоговорочного слияния народов. Потеря национальной особенности ведет к чувственной атрофии, а значит, и к потере художественного восприятия мира.

Вот откуда берется машинное мышление, обедняющее личность и способность человека к развитию Духа. Вот почему «машинерия» оскопила целые общества. Даже великие религии нашли способы приспособиться к национальным менталитетам. Бог на стороне гармонии. Только Демон – сторонник хаоса на основе безраздельной свободы.

Вот в окружении этих мыслей я и пытаюсь выстроить свое понимание особенностей национального телевидения.

Телевидение вместе со всей страной должно было пережить этот период жадной интеграции в европейское пространство, что обернулось не только приобретениями,

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ - ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ

но и потерями. Важно понять, что этот болезненный этап заканчивается. Необходимость национального самосознания приходит на ум не только политикам, но и художникам, вообще всей интеллигенции, которая еще недавно хвасталась своей интернациональностью. Это вовсе не национализм или, не дай Бог, «фашизм». Это означает, что постепенно возвращается понимание народа как целостной общности.

Не единое информационное пространство, а единое духовное пространство должно определять эту общность. И сегодня это первая забота телевидения.

Национальное самосознание, как и родственные привязанности, не поддается логике. Это как бы шестое чувство человека. Оно либо есть, либо оно отсутствует. Как нет у многих музыкального слуха или восприятия цвета. Иногда это дефект образования, но чаще – воспитания. Но без чувства национального самосознания нельзя быть выразителем и защитником национальных интересов.

Не политические и не философские идеи одухотворяют и творят народ.

Идея становится материальной силой, когда она воплощается в Образе. И если телевидение БЕЗ-ОБ-РАЗНО, оно лишь поверхностно затрагивает сознание зрителя, не остается в памяти.

Вот почему я настаиваю на том, что отечественное телевидение должно быть ГРАЖДАНСКИМ, ХРИСТИАНСКИМ и ПУШКИНСКИМ. То есть – организующим свой виртуальный мир на принципах общественной пользы и нравственного служения по законам красоты и гармонии.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Не приторговывать, не приплясывать на паперти, а служить во Храме. Как это всегда умела наша великая Литература, как это умело наше Искусство во все времена.

Пусть история движется пороками. Но чтобы не улететь в тартарары со всеми шутками и прибаутками, в эфире нужна Добродетель.

Каждая эпоха формирует свои или занимает у другой эпохи этические постулаты, используя их как инструменты для конструирования общества.

Кант возвышал долг, Фурье – общественную пользу, Фейербах считал, что надо исходить из понятия счастья отдельной личности, а Маркс заставлял этику служить производственным отношениям. Троцкий мечтал о мировой революции, Сталин строил социалистическую империю, поработая личность.

Христианская этика покоилась на Библии. В России – любили Евангелие.

И не потому, что Христос – Бог, сотворивший небо и землю, а потому, что он страдал и мучился как человек, принес себя в жертву всему человечеству и каждому в отдельности. Жертвуя собой и собой пожертвовав, согласно православной вере, это и есть самый высокий подвиг.

Слабость нашего поколения в том, что мы оказались весьма успешны в делах технического прогресса и недееспособны на этическом поле. События последнего десятилетия всех повергли в уныние. Ищут врагов и виноватых. А дело в том, что революция оказалась в руках незрелого поколения. Духовно незрелого.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ - ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ

Даже выдающиеся наши современники продемонстрировали исключительную близорукость и деструктивность. Механический отказ от языческого марксизма вовсе не возвращает нас в лоно христианской цивилизации.

Это безумно сложный и долгий процесс.

Самой совершенной из всех добродетелей Аристотель считал справедливость. Мы не скоро сможем договориться между собой по этому поводу.

Но делать что-то надо.

У телевидения – своя территория и свое население. Как у государства. И как государство, оно должно его охранять и обеспечивать. Независимого телевидения быть не может. Экстерриториальности не существует. Если телевидение представляет интересы чужого государства и чужого капитала, оно должно быть соответствующим образом аккредитовано и ограничено в своей деятельности.

Меня умиляет, что многие знаменитые ведущие все еще говорят на русском языке. И довольно гладко. А вот думают не по-русски, это видно невооруженным глазом.

В России всегда любили чертей – по крайней мере, уважали. Недаром наш самый любимый роман – «Мастер и Маргарита» Булгакова. А самый пророческий – «Бесы» Достоевского.

Вот и на телевидении развели свою «нечистую силу» и не нарадуются. «Веселые и находчивые» с таким удовольствием изображают греховодников!

А Главный академик временами принимает позу самого Мефистофеля.

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

Конечно, не бывает добродетельного телевидения в аморальном обществе. Но без телевидения нельзя сегодня создать общественную мораль. Замкнутый круг. Чтобы разорвать его, надо начинать (как ни тривиально это звучит) с нравственных понятий самого деятеля телевидения.

Телевидение может быть государственным и негосударственным. Но антигосударственным и антиобщественным оно быть не должно.

Телевидение без этики, телевидение без эстетики превращается в «шоу дураков».

И это «шоу» разрушает фундамент нации, засоряет мозги, обедняет сердца, развращает недорослей, стимулирует гражданскую войну.

Если бы речь шла только о распаде государства.

Куда важнее другое – происходит распад личности. И пока не обнаружилось идеи, способной остановить этот распад.

Что может конкурировать с идеей свободы? Только идея справедливости.

Формула стабильности – простая дробь, где в числителе закодирована свобода личности, а в знаменателе – культура общества. И значение этой дроби должно стремиться к единице. Если знаменатель чересчур велик, наступает застой. Ситуация в обществе чревата революцией. Если числитель чересчур велик, наступает хаос и беспредел. Государство должно поддерживать баланс, регулируя соотношение числителя и знаменателя. Эту мысль можно выразить по-разному, но суть верна.

По сравнению с Россией Америка находится не только на другой стороне земного шара, но главное, в

другой фазе исторического развития. Можно предположить, что в противофазе. То, что для Америки хорошо, для нас – «гроб с музыкой».

В результате поспешной мещанской революции, проведенной политическими дилетантами, мы отброшены на несколько веков назад. Да, мы оказались в глухом Средневековье, несмотря на все признаки цивилизации в каждом доме. Уровень государственного и общественного развития пал так низко, что впору брать вилы для защиты собственного жилища. Думаю, что жизнь нескольких поколений будет положена только на то, чтобы как-то обустроить и оборонить то пространство, которое осталось России после нашествия «демократов».

В результате исторических катаклизмов произошло резкое снижение «пассионарности», о которой говорил Лев Гумилев. Информация бессильна в этом случае.

А вот телевидение обязано поставить и решить эту сверхзадачу – поднять «пассионарность» нации.

Не всякое слово еще можно вымолвить.

Богатых объединяют капиталы, бедных объединяют идеи.

Как же точно сказал однажды «космический» академик Раушенбах!

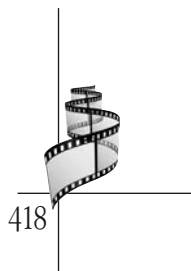
«Культура опирается на чувства и лишь во вторую очередь на знания!... Научить нравственности невозможно. Только воспитывать, обращаться в правое полушарие. Нравственность иррациональна».

Не всякое искусство способно быть нравственным. Искусство нравственно, когда оно эстетически совер-

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

шенно. Вот откуда: «Красота спасет мир». Хотя полная цитата звучит иначе: «Красота Христа спасет мир».

Мудрость не в том, чтобы знать много. Мудрость в том, чтобы понимать то, что ты знаешь. И уметь этим пользоваться. В нужное время. В нужном месте.

ТВОРЧЕСКАЯ КАРТОЧКА

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ

ЦТ	Кратчайшее расстояние	1958
ЦТ	Год рождения – 1958	1959
ЦТ	Полный вперед!	1959
ЦТ	Я люблю тебя человек	1959
ЦТ	Весенний дождь (худ. фильм)	1960
ЦТ	Тени на тротуарах	1961
ЦСДФ	Даешь Качканар	1962
ЦТ	Тайна Страдивари	1962
ЦСДФ	На рассвете (худ. фильм)	1962
ЦТ	Город рассказывает о себе	1963
ЦТ	Сахалинский характер	1964
ЦТ	Путешествие в будни	1965
ЦТ	Город начинается	1966
ЦТ	Год 1946 (летопись полувека)	1967
ЦСДФ	Плюс–минус «Я»	1968
ЭКРАН	Романтики	1968
ЭКРАН	Ярмарка	1969
ЭКРАН	Звонкая сторона	1969
ЭКРАН	Этот удивительный спорт	1971
ЭКРАН	Шахтеры	1972
ЭКРАН	Большая земля	1973
ЭКРАН	Ваше мнение по делу	1974
ЭКРАН	Частная хроника времен войны (3 серии)	1977
ЭКРАН	Макаровы	1978

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

ЭКРАН	Русское поле (Младший брат)	1979
ЭКРАН	Операция Юг	1982
ЭКРАН	Дом на угоре	1982
ЭКРАН	Новоселье	1983
ЭКРАН	Егор Иваныч	1984
ЭКРАН	Семейное дело	1985
ЭКРАН	Стратегия победы (2 серии)	1985
ЭКРАН	Процесс (2 серии)	1988
ЭКРАН	Приглашение к празднику	1988
ЭКРАН	Вернисаж	1989
ЭКРАН	Как уходит президент	1991
ЭКРАН	Дуки	1992
	«Крупный план» Человек или Дьявол (три серии)	1992
«Экран века»	Русская трагедия (три серии)	1993
Рен-ТВ	Жил был фарцовщик	1995
ВГТРК	Дураковина	1996
ВГТРК	Чуевские страдания	1997
ВГТРК	Мария	1997
ВГТРК	Дорога в ад	1998
ВГТРК	Собачий вальс	1998
ВГТРК	Вся война	1998
ВГТРК	Операция без названия	1999
ВГТРК	Опаснее врага	1999
ВГТРК	Настоящая война (3 фильма)	2000

ТВОРЧЕСКАЯ КАРТОЧКА

Культура	Монолог разведчика	2000
Культура	Молитва	2000
ВГТРК	Кавказский крест (5 фильмов)	2001
ВГТРК	Наш Горбачев	2001
ВГТРК	Подсолнух	2001
Компания «Чистые пруды»,		
Культура	Война Священная (24 серии)	2002
Компания «Холидей»	Смертельные игры	2004

ИГОРЬ БЕЛЯЕВ. ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вместо вступления</i>	5
<i>Глава первая. Предыстория</i>	7
<i>Глава вторая. По дороге в рай (телевизионный проект)</i>	15
Фильм первый. Шаболовка, 37.....	15
Фильм второй. Вечер веселых вопросов.....	24
Фильм третий. Кратчайшее расстояние.....	36
Фильм четвертый. Шестидесятые.....	45
Фильм пятый. Романтики.....	55
Фильм шестой. Мирное время.....	64
<i>Глава третья. Спектакль без актера</i>	76
Тверской бульвар.....	77
Пушкинская площадь.....	78
Камышин.....	83
Прага.....	85
Ярмарка.....	90
Картина.....	91
Москва.....	96
Шахтеры.....	99
<i>Глава четвертая. Музыка жизни (выжимки из записных книжек)</i>	113
Частная хроника времен войны.....	123
Процесс.....	147
<i>Глава пятая. Последний парад</i>	158
Человек или дьявол.....	158
Русская трагедия (<i>сценарная запись фильма в трех частях</i>).....	173
Часть первая.....	178
Часть вторая.....	195
Часть третья.....	208
<i>Глава шестая. Приглашение к празднику</i>	224
Дураковина.....	231
<i>Глава седьмая. Чеченская эпопея</i>	249
Дорога в ад.....	250
<i>Глава восьмая. Итоги жизни</i>	260
Михаил Горбачев.....	260

СОДЕРЖАНИЕ

Подсолнух	270
<i>Глава девятая. Гибрид (отрывки из телеповести)</i>	
Размышлизмы.....	279
Отрывки из телеповести.....	283
Улица Нагорная	283
Азохенвэй.....	292
День первый.....	294
Чепуха на постном масле.....	295
Чтоб сказка стала былью	298
Эвакуация.....	304
Шикарная квартира.....	307
Чужарь.....	310
Драмтеатр.....	314
Репетиция.....	315
Премьера.....	318
Бои местного значения	322
Первое письмо от Ани	325
Обыкновенная жизнь.....	327
Домашнее задание	333
Второе письмо от Ани	337
Отставной козы барабанщик	343
Порученец маршала.....	353
Стыдобища.....	357
Бориспалыч.....	358
Черви-kozyри.....	363
Сон в руку.....	371
Притча во языцех	375
Хождение по мукам	382
Без дураков.....	385
Концерт	389
«Война моторов»	394
Рогатка.....	398
Оглядываясь вперед	403
<i>Глава десятая – заключительная. Особенности</i>	
национального телевидения.....	404
Творческая карточка.....	419
Содержание	422

ФГОУ ДПО «ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
РАБОТНИКОВ ТЕЛЕВИДЕНИЯ И РАДИОВЕЩАНИЯ»

Игорь БЕЛЯЕВ
ТАКАЯ ЖИЗНЬ....

МОНОГРАФИЯ

Редактор – *Т. Матюшенко*
Дизайн – *С. Головки*

Отпечатано в типографии ППП «Наука». Усл. печл. – 13,25. Бумага
офсетная. Гарнитура Гарамон. Тираж 500 экз. Заказ №

121099, Москва, Шубинский переулок, 6

БЕЛЯЕВ ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ

один из основателей эстетики телекино.
Кинорежиссер, сценарист.

На телевидении – более полувека.

В течение десяти лет являлся
художественным руководителем
документальной студии творческого
объединения «Экран».

Профессор, руководитель мастерской
режиссуры ИПК работников телевидения
и радиовещания.

Заслуженный деятель искусств России.
Лауреат Государственных премий СССР
и РСФСР.

Призер многих международных
фестивалей.

Автор книг: «Спектакль без актера»,
«Введение в режиссуру», «Спектакль
документов, откровения телевидения»,
«Гибрид».

Член Союза кинематографистов России.

В творческой карточке Беляева более
ста фильмов.